

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 18 № 5 (150) май 2023

В НОМЕРЕ:

Шоня Г. В.

Трудовой договор с педагогическим работником:
актуальные проблемы заключения и содержания
сопровождающих документов

Збарацкий Б. А.

Организационно-правовые механизмы
интеграции «разового» типа диссертационного
совета в государственную систему научной
аттестации в условиях реализации Стратегии
научно-технологического развития России

Дорошенко Е. Н.

О возможности представления диссертации на соискание
ученой степени кандидата наук в форме доклада,
подготовленного на основе опубликованных работ

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.

Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).

Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.

Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).

Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».

Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.

Почтовый адрес: Рашпилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.

Почтовый адрес: Соборная ул., д. 23/25, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: aprp.msai@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msai.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 24.05.2023
Объем 21,50 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, С. И. Ершова

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна. Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции. Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenska, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).

Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.

Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.

Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.

Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Service and Labour Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.

Mailing address: Sobornaya ul., d. 23/25, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).

Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.

Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

24.05.2023
Volume: 21.50 conventional printer's sheets, format 60x84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, S. I. Ershova

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Абдуллаева З. Ю.** История становления и развития правового регулирования национальной платежной системы Российской Федерации 11

ТЕОРИЯ ПРАВА

- Мещерякова А. Ф.** Свобода совести в гражданском обществе: правовое и нравственное измерение 21

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Спиридонов А. А.** Перспективы развития открытого государственного управления и общественного контроля: конституционно-правовой взгляд 33

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Тухватуллин Т. А., Русецкий А. Е.** Противодействие коррупции в организациях: неопределенность закона в вопросе необходимого и достаточного набора профилактических мер и лучшие антикоррупционные практики российских компаний 45

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Базаров А. А.** Правовая природа данных и информации в контексте понятия «самостоятельные материалы» 56
- Гусева А. А.** Проблемы определения воли юридических лиц в связи с их абстрактной сущностью (на примере виндикационных споров) 64

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Литвинова Т. А.** Защита прокурором публичного интереса в сфере образования: гражданско-процессуальный аспект 73

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Шония Г. В.** Трудовой договор с педагогическим работником: актуальные проблемы заключения и содержания сопровождающих документов 88

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Григорьев П. А.** Моральные категории в уголовном праве России 96
- Чуклина Э. Ю.** Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, механизм превентивного воздействия и виды 107

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Мальшева О. А.** Процессуальная форма участия защитника в доказывании в досудебном производстве требует оптимизации 123

Самсонов П. А. Дистанционное участие потерпевшего в процессуальных действиях на стадии предварительного расследования	132
--	-----

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И СУДОУСТРОЙСТВО

Зайков Д. Е. Компенсаторный механизм в конституционном правосудии: проблемы правового регулирования и практики применения	142
--	-----

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

Скрыпник Д. Ю. Правовое регулирование технологического присоединения объектов микрогенерации к электрическим сетям: законодательная корректировка и оптимизация процедур	151
---	-----

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

Збарацкий Б. А. Организационно-правовые механизмы интеграции «разового» типа диссертационного совета в государственную систему научной аттестации в условиях реализации Стратегии научно-технологического развития России	163
Дорошенко Е. Н. О возможности представления диссертации на соискание ученой степени кандидата наук в форме доклада, подготовленного на основе опубликованных работ	173

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Атабеков А. Р. Области реализации публичных функций искусственным интеллектом в России и мире	181
---	-----

Contents

PAGES OF HISTORY

- Abdullayeva Z. Yu.** History of Formation and Development
of Legal Regulation of the National Payment System of the Russian Federation 11

THEORY OF LAW

- Meshcheryakova A. F.** Freedom of Conscience
in Civil Society: Legal and Moral Dimensions 21

STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

- Spiridonov A. A.** Prospects for the Development
of Open Public Administration and Public Control: Constitutional and Legal View 33

PUBLIC ADMINISTRATION AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE

- Tukhvatullin T. A., Rusetskiy A. E.** Countering Corruption
in Organizations: Uncertainty of the Law on Necessary and Sufficient
Preventive Measures and the Best Anti-Corruption Practices in Russian Companies 45

CIVIL AND FAMILY LAW

- Bazarov A. A.** The Legal Nature of Data and Information
in the Context of the Concept of «Independent Materials» 56

- Guseva A. A.** Problems of Determining the Will of Legal Entities
in Connection with their Abstract Essence (Vindication Disputes Case Study) 64

CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE

- Litvinova T. A.** Prosecutor's Protection
of Public Interest in Education: A Civil Procedure Aspect 73

LABOR RELATIONS AND SOCIAL WELFARE

- Shonia G. V.** An Employment Contract with a Teacher:
Actual Problems of Concluding Such Contracts
and Content of Supporting Documents 88

CRIMINAL LAW

- Grigoriev P. A.** Moral Categories in Russian Criminal Law 96

- Chuklina E. Yu.** Criminal Legal Norms with Double Prevention:
Concept, Mechanism of Preventive Action and Types 107

CRIMINAL PROCEDURE

- Malysheva O. A.** Procedural Form of Defense Counsel Participation
in Establishment of Evidence in Pre-Trial Proceedings Requires Optimization 123

Samsonov P. A. Remote Participation of the Victim in the Proceedings at the Stage of Preliminary Investigation	132
--	-----

JUDICIARY AND JUDICATURE

Zaykov D. E. Compensatory Mechanism in Constitutional Justice: Problems of Legal Regulation and Practical Application	142
---	-----

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

Skrypnik D. Yu. Legal Regulation of Technological Connection of Microgeneration Facilities to Electric Networks: Legislative Adjustment and Process Optimization	151
---	-----

LEGAL EDUCATION

Zbaratskiy B. A. Organizational and Legal Mechanisms for Integrating a «One-Time» Type of Dissertation Council into the State System of Scientific Certification in the context of Implementation of the Strategy for Scientific and Technological Development of Russia	163
---	-----

Doroshenko E. N. On the Possibility of Dissertation for Candidate of Science Degree Submission in the Form of a Report Prepared Based on the Published Works	173
---	-----

COMPARATIVE LAW

Atabekov A. R. Areas for Public Functions Implementation by Artificial Intelligence in Russia and the World	181
---	-----

История становления и развития правового регулирования национальной платежной системы Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматривается история становления и развития правового регулирования национальной платежной системы. Автор отмечает, что несмотря на тот факт, что понятие национальной платежной системы на законодательном уровне было закреплено сравнительно недавно, она начала формироваться задолго до принятия профильного закона. Развитие национальной платежной системы опосредуется формированием системы финансовых учреждений, ответственных за проведение платежей (расчетных (клиринговых) палат, кредитных организаций и т.д.), эволюцией форм расчетов, а также внедрением технологий, способных обеспечить обслуживание массовых платежей. Отмечается, что бурный экономический рост, характерный для начала XX в., привел к тому, что в дореволюционный период появляются первые формы относительно массовых безналичных расчетов (чему также способствует развитие банковских контор и появление телеграфной связи). В первые годы существования советской власти платежная инфраструктура была национализирована, что стало немаловажным фактором укрепления административно-командной экономики. Современный период развития правового регулирования национальной платежной системы характеризуется: принятием основного закона, регулирующего соответствующую сферу общественных отношений, а также наличием разветвленной системы подзаконных нормативных правовых актов; дифференциацией подходов к правовому регулированию различных платежных систем; учетом лучших зарубежных практик в данной области; эффективной системой надзора и наблюдения за субъектами национальной платежной системы.

Ключевые слова: национальная платежная система; платежные системы; платежи; расчеты; формы расчетов; безналичные расчеты; история; Госбанк СССР; Банк России; денежное обращение.

Для цитирования: Абдуллаева З. Ю. История становления и развития правового регулирования национальной платежной системы Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 5. — С. 11–20. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.011-020.

© Абдуллаева З. Ю., 2023

* Абдуллаева Зарина Юрьевна, аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
abd.zarina11@gmail.com

History of Formation and Development of Legal Regulation of the National Payment System of the Russian Federation

Zarina Yu. Abdullayeva, Postgraduate Student, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
abd.zarina11@gmail.com

Abstract. The paper examines the history of the formation and development of legal regulation of the national payment system. The author highlights that, despite the fact that the concept of the national payment system at the legislative level has been consolidated quite recently, it began to form long before the relevant law was passed. The development of the national payment system is mediated by the formation of a system of financial institutions responsible for payments (settlement (clearing) chambers, credit institutions, etc.), the evolution of payment forms, as well as the introduction of technologies capable of processing mass payments. It is noted that the rapid economic growth characteristic of the beginning of the 20th century resulted in the appearance of the first forms of relatively mass non-cash payments during the pre-revolutionary period, which was also facilitated by the development of bank offices and the emergence of telegraphic communications. In the early years of the Soviet government, the payment infrastructure was nationalized, which became an important factor in strengthening the administrative and command economy. The modern period of development of the legal regulation of the national payment system is characterized by the adoption of the fundamental law regulating the relevant sphere of public relations, as well as the presence of an extensive system of subordinate regulatory legal acts, differentiation of approaches to legal regulation of various payment systems, taking into account the best foreign practices in this area, an effective system of supervision and supervision of the participants of the national payment system.

Keywords: national payment system; payment systems; payments; settlements; forms of settlements; non-cash settlements; history; State Bank of the USSR; Bank of Russia; money circulation.

Cite as: Abdullayeva ZYu. Istoriya stanovleniya i razvitiya pravovogo regulirovaniya natsionalnoy plachezhnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii [History of Formation and Development of Legal Regulation of the National Payment System of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(5):11-20. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.011-020. (In Russ., abstract in Eng.).

Понятие национальной платежной системы (НПС) было законодательно закреплено лишь в начале 2010-х гг. с принятием Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»¹ (далее — Закон о НПС). По сути, определение, содержащееся в ст. 3 данного нормативного правового акта, сводит НПС к совокупности субъектов, которые тем или иным образом опосредуют проведение платежей на территории Российской Федерации и за ее пределами. Вместе с тем в науке обоснованно подчеркивается узость такого подхода, поскольку националь-

ная платежная система — это более сложное и многогранное образование, которое, помимо соответствующих субъектов, включает также платежную инфраструктуру (технологии), платежные инструменты (формы расчетов), нормативные правовые акты, регулирующие порядок оказания платежных услуг, требования к субъектам НПС, порядок проведения надзора и наблюдения в национальной платежной системе и т.д.² Исходя из этого, можно говорить о том, что национальная платежная система сформировалась задолго до принятия Закона о НПС — и хотя она еще не была осознана в качестве осо-

¹ СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

² Финансовый надзор в национальной платежной системе Российской Федерации : учебное пособие для магистратуры / А. Г. Гузнов, Т. Э. Рождественская, А. А. Ситник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2021. С. 10–15.

бого социального и экономического явления, начало правовому регулированию платежных отношений (а следовательно, и НПС) было положено более ста лет назад.

Следует отметить, что вопросы исторического развития правового регулирования национальной платежной системы достаточно редко становятся предметом научного исследования со стороны представителей науки финансового права. Во многом это связано с тем, что правовое регулирование платежных отношений носит комплексный характер — они регулируются нормами гражданского, финансового, международного и других отраслей российского права. Важное значение для характеристики национальной платежной системы играют формы безналичных расчетов, существующие на том или ином этапе исторического развития. Соглашаясь с тем, что правовое регулирование расчетных отношений в первую очередь входит в предмет финансового права, поскольку такие отношения регулируются в первую очередь методом власти и подчинения³, в то же время нужно указать на то, что формы расчетов устанавливаются гражданским законодательством. Оставляя за скобками обоснованность такого подхода, отметим, что доступные в конкретный исторический период субъектам правоотношений формы расчетов предопределяются развитием технологий, что также оказывает влияние на структуру национальной платежной системы. Важное значение в контексте рассматриваемого вопроса имеет и банковское законодательство, поскольку банки и иные кредитные организации являются краеугольным камнем НПС, в связи с тем, что именно они проводят подавляющую часть платежей.

Традиционно отмечается, что в России безналичные расчеты получили широкое распространение в конце XIX — начале XX в. Данный исторический этап характерен бурным эконо-

мическим ростом, ускорением товарооборота, индустриализацией, развитием транспортных сетей (в первую очередь железных дорог), началом электрификации и т.д. В это время Россия по темпам экономического роста становится на одну ступень с наиболее промышленно-развитыми странами. Неудивительно, что в таких условиях потребовалось ускорение денежного обращения — расчеты наличными более не могли в полной мере удовлетворять потребности субъектов хозяйственной деятельности.

К основным формам расчетов рассматриваемого периода можно отнести:

— *расчеты чеками*. Как отмечает О. Ю. Шилохвост, в дореволюционный период законодательное регулирование расчетов чеками отсутствовало, оборот данных платежных инструментов регулировался торговыми обычаями⁴;

— *переводные операции* совершались на основе переводных билетов, по предъявлении которых банковские конторы выдавали предъявителю необходимую сумму денежных средств. Соответствующие переводы могли также проводиться по телеграфу;

— *кредитивы* представляли собой, по сути, современные дорожные чеки⁵.

Таким образом, на начало XX в. безналичные расчеты находятся на стадии своего первоначального становления — формы расчетов еще неотъемлемо связаны с бумажным носителем. В то же время в указанный период времени происходит переход от расчетов с использованием ценных бумаг к собственно безналичным платежам. Кроме того, можно заметить технологическое усложнение расчетов — для их осуществления стали привлекать телеграфные сети. Наиболее же важным фактором развития безналичных платежей становится образование сети так называемых расчетных контор (или расчетных палат). Как отмечал С. Ю. Витте, «расчет-

³ Артемов Н. М., Арзуманова Л. Л., Ситник А. А. Денежное право (финансово-правовое регулирование обращения национальной и иностранной валюты на территории Российской Федерации): коллективная монография. М. : Элит, 2011. С. 61–110.

⁴ Шилохвост О. Ю. Чек // URL: <https://old.bigenc.ru/economics/text/4681184> (дата обращения: 01.11.2022).

⁵ Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах : в 2 т. Т. 2. М. : Юрайт, 2015. С. 32–33.

ные конторы (clearing houses) суть учреждения, посредствующие в расчетах между участниками путем зачета взаимных претензий»⁶. Как нетрудно заметить, с точки зрения современной терминологии перевод названия указанных учреждений не совсем верный — более правильно было бы именовать их клиринговыми палатами. Вместе с тем слово «клиринг» в данный период времени в русском языке еще не используется.

Расчетные палаты были образованы при конторах Государственного банка (Санкт-Петербургской, Московской и Варшавской)⁷. При посредничестве расчетных палат проводились расчеты наиболее крупных предприятий, имевших значительный объем взаимных требований.

После событий октября 1917 г. пришедшие к власти большевики уделили первостепенное внимание установлению контроля за финансовой системой страны. Так, одним из первых нормативных правовых актов советской власти в анализируемой сфере стал Декрет ВЦИК от 14.12.1917 «О национализации банков»⁸, согласно которому банковское дело было объявлено государственной монополией, а частные банки и банкирские конторы были присоединены к Государственному банку, переименованному чуть позднее в Народный банк. Указанное решение стало важным шагом и к монополизации платежной сферы. В отношении платежей советских учреждений такая монополия была оформлена принятием постановления СНК РСФСР от 02.05.1918 «О соблюдении единства кассы»⁹, согласно п. 2 которого *все платежи* кредиторам советских учреждений или должностных лиц производились кассами Народного банка или Государственного казначейства по ассигновкам и чекам. Далее этот порядок был распростра-

нен на национализированные и кооперативные предприятия¹⁰.

Между тем первые годы становления советской власти характеризовались лабильностью государственной политики, что было обусловлено рядом факторов — гражданской войной, борьбой с интервенцией, тяжелым экономическим положением в первые послевоенные годы, внутрипартийной борьбой и т.д. Всё это существенным образом сказывалось и на развитии платежных отношений в нашей стране:

— в период военного коммунизма, характеризовавшегося централизацией власти и «огосударствлением» экономики, функции Народного банка РСФСР были минимизированы, а сам он «превратился в единый расчетно-кассовый орган страны и перестал быть банком»¹¹;

— в рамках новой экономической политики и последовавшим ускорением товарооборота возникла необходимость восстановления системы расчетов, что проявилось в том числе в образовании Государственного банка РСФСР как основного расчетного центра. На основании Положения о Государственном банке РСФСР на данный орган возлагались задачи «концентрации денежных оборотов и проведения других мер, направленных к установлению правильного денежного обращения»¹²;

— в процессе индустриализации, сопровождавшейся сворачиванием политики либерализации и возвратом к централизму во всех сферах экономики, в очередной раз потребовалось внести существенные изменения в систему правового регулирования платежных отношений, в связи с чем была проведена кредитная реформа 1930–1932 гг. Принятие постановления ЦИК СССР, СНК СССР от 30.01.1930 «О кредитной

⁶ Витте С. Ю. Указ. соч. С. 33.

⁷ Витте С. Ю. Указ. соч.

⁸ СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 150. (Документ утратил юридическую силу).

⁹ СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 460. (Документ утратил юридическую силу).

¹⁰ Савинская Н. А., Пивоваров В. В., Смирнова Н. И., Образцов М. В., Поздеева И. А. Из истории становления и развития платежной системы в России (к 150-летию России) // Проблемы современной экономики. 2010. № 2. С. 478.

¹¹ Савинская Н. А., Пивоваров В. В., Смирнова Н. И., Образцов М. В., Поздеева И. А. Указ. соч.

¹² Положение о Государственном банке Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принято ВЦИК 13.10.1921) // СУ РСФСР. 1921. № 75. Ст. 615. (Документ утратил юридическую силу).

реформе»¹³ привело к замене товарного кредитования банковским¹⁴, ликвидации филиалов Всероссийского и Всеукраинского кооперативных банков и фактическому сосредоточению безналичных расчетов в Госбанке СССР. В свою очередь, в соответствии с п. 1 постановления СНК СССР от 26.01.1930 «О развитии безналичных расчетов»¹⁵ было принято решение о проведении мероприятий, направленных на «внедрение и развитие безналичных расчетов (жирооборота) по массовым платежам населения государственным, кооперативным и общественным учреждениям, предприятиям и организациям». Как отмечают некоторые авторы, к 1931 г. было установлено три основных формы расчетов между покупателями и поставщиками — акцептная, аккредитивная и особые счета¹⁶.

Интересно отметить, что в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. про безналичные расчеты ничего не говорилось¹⁷. Пришедший ему на смену Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. уже содержал отдельную главу 34, посвященную расчетным и кредитным отношениям. Так, согласно ст. 391 ГК РСФСР 1964 г. платежи по обязательствам между государственными организациями, колхозами и иными кооперативными и другими общественными организациями производились в порядке безналичных расчетов через кредитные учреждения, в которых указанные организации в соответствии с законом хранили свои денежные средства. Далее следовала бланкетная норма, согласно которой порядок и формы расчетов определя-

лись законодательством Союза ССР. Кроме того, ст. 395 ГК РСФСР 1964 г. наделяла граждан правом совершать безналичные расчеты в соответствии с уставами кредитных учреждений. Таким образом, исходя из небольшого объема статей, посвященных регулированию расчетов, их лаконичности и отсылочного характера, можно заключить, что расчетные отношения фактически не включались в предмет гражданского права. Представляется, что данный подход был во многом оправдан тем, что расчетные отношения, по справедливому замечанию некоторых авторов, в первую очередь регулируются методом власти и отношений — при совершении безналичных платежей у граждан и организаций практически отсутствует право выбора, процедура проведения платежей детализирована и не предполагает отступления от правил, установленных компетентными органами¹⁸.

Отдельные вопросы организации безналичного денежного обращения нашли свое отражение в постановлении Совета Министров СССР от 03.04.1967 № 280 «О мерах по дальнейшему улучшению кредитования и расчетов в народном хозяйстве и повышению роли кредита в стимулировании производства»¹⁹. Например, п. 18 указанного нормативного правового акта закреплялся ряд мер, направленных на укрупнение мелких платежей и сокращение количества расчетных документов — в частности было установлено, что платежные требования по одногородним расчетам принимались к исполнению учреждениями Госбанка СССР и Стройбанка СССР на сумму не менее 50 руб. Интересно от-

¹³ СЗ СССР. 1930. № 8. Ст. 98. (Документ утратил юридическую силу).

¹⁴ Согласно п. 1 постановления ЦИК СССР, СНК СССР от 30.01.1930 «О кредитной реформе» государственным органам, кооперативным организациям и смешанным акционерным обществам без участия иностранного капитала воспрещалось отпускать товары и оказывать услуги друг другу в кредит.

¹⁵ СЗ СССР. 1930. № 9. Ст. 109. (Документ утратил юридическую силу).

¹⁶ Савинская Н. А., Пивоваров В. В., Смирнова Н. И., Образцов М. В., Поздеева И. А. Указ. соч. С. 479.

¹⁷ Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904. (Документ утратил юридическую силу).

¹⁸ Артемов Н. М., Арзуманова Л. Л., Ситник А. А. Указ. соч.

¹⁹ Постановление Совета Министров СССР от 03.04.1967 № 280 «О мерах по дальнейшему улучшению кредитования и расчетов в народном хозяйстве и повышению роли кредита в стимулировании производства» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/765711596> (дата обращения: 01.11.2022). Утратил юридическую силу.

метить, что п. 22 прямо предписывал Госбанку СССР дифференцировать подход к предприятиям и организациям при их кредитовании и осуществлении расчетов «в зависимости от выполнения утвержденных им планов реализации продукции (планов отгрузки, если для них установлен такой показатель) и планов накоплений, а также от сохранности собственных оборотных средств». Соответствующая норма была направлена на стимулирование повышения финансовой дисциплины и предотвращение бесхозяйственности в рамках народного хозяйства СССР.

В начале 1970-х гг. Госбанк СССР принимает ряд инструкций, регулировавших расчетные отношения в различных сферах экономики²⁰. Среди таких нормативных правовых актов можно назвать:

— инструкцию Госбанка СССР от 10.07.1970 № 2 «О безналичных расчетах и кредитовании по операциям, связанным с расчетами»²¹;

— инструкцию Госбанка СССР от 08.01.1971 № 35 «Об очередности платежей и о порядке беспорядного списания средств со счетов предприятий, организаций и учреждений в Государственном банке СССР»²²;

— инструкцию Госбанка СССР от 12.10.1973 № 28 «О расчетных, текущих и бюджетных счетах предприятий, организаций и учреждений в Государственном банке СССР»²³.

В последующем перечисленные нормативные правовые акты были заменены единой инструкцией Госбанка СССР от 31.05.1979 № 2 «О безналичных расчетах в народном хозяйстве», которая де-юре действовала вплоть до принятия положения Банка России от 03.10.2002 № 2-П «О безналичных расчетах в Российской Федерации»²⁴. Не останавливаясь подробно на анализе данного документа, отметим лишь основные его положения. В частности, инструкция Госбанка СССР от 31.05.1979 № 2:

— подтверждала роль Госбанка СССР в качестве единого расчетного центра СССР, органа по организации и осуществлению «расчетов по платежам»;

— устанавливала, что расчетные операции обслуживаемых организаций также осуществляли Стройбанк СССР, Внешторгбанк СССР и государственные трудовые сберегательные кассы СССР;

— определяла основные принципы обеспечения бесперебойности расчетов производственных объединений, предприятий и организаций: укрепление плановости и договорной дисциплины, развитие хозрасчета, усиление материальной ответственности предприятий и т.д.;

— закрепляла основные формы расчетов и порядок проведения платежей в их рамках, в частности, расчеты платежными требованиями, по аккредитивам, по особым счетам, платежными поручениями (переводами), расчеты чеками, расчеты в порядке плановых платежей, расчеты, основанные на взаимных требованиях;

— регламентировала порядок осуществления расчетов в рамках внешнеэкономических отношений — определяла правила проведения расчетов за импортные и экспортные товары, за обслуживание иностранных судов в портах СССР и т.д.

Важность инструкции Госбанка СССР от 31.05.1979 № 2 предопределяется и тем фактом, что она фактически определила стандарты структурирования подзаконных нормативных правовых актов центрального банка, регулирующих правила осуществления безналичных расчетов — последующие документы Банка России в общем и целом будут повторять названную инструкцию.

Следует отметить, что параллельно рассмотренным выше процессам, происходившим в сфере правового регулирования расчетных

²⁰ См.: *Зинковский М. А.* Кодификация банковского законодательства России в условиях национального экономического кризиса // *Современное право.* 2016. № 2. С. 66–68.

²¹ СПС «КонсультантПлюс». (Документ утратил юридическую силу).

²² СПС «КонсультантПлюс». (Документ утратил юридическую силу).

²³ СПС «КонсультантПлюс». (Документ утратил юридическую силу).

²⁴ Вестник Банка России. 2002. № 74. (Документ утратил юридическую силу).

отношений в СССР, в 1950–60-е гг. XX в. в США и странах Западной Европы начинают зарождаться первые платежные системы, в частности Visa и MasterCard²⁵. История платежных систем неотъемлемо связана с платежными (и конкретно банковскими) картами — именно благодаря этим инструментам и появляются платежные системы в том виде, в котором они существуют в настоящее время. В силу данного обстоятельства советское государство испытывало технологическое отставание в платежной сфере — административно-плановая экономика СССР была лишена развернутой сети кредитных организаций, а потребности граждан в проведении расчетов удовлетворялись или в рамках наличного денежного обращения или наиболее простыми формами безналичных расчетов. Таким образом, фактически отсутствовали предпосылки для развития платежных систем — государство, организации и население не испытывали острой нужды в проведении большого количества безналичных платежей. Сказанное не следует оценивать исключительно негативно — в рассматриваемом случае необходимо придерживаться принципа историзма, когда каждое явление оценивается не с точки зрения современного наблюдателя, а с учетом реалий каждого отдельно взятого исторического этапа.

Как бы то ни было, значительное отставание в развитии платежных технологий имело существенные негативные последствия для нашей страны в период становления рыночной экономики. По справедливому замечанию Н. М. Артемова и А. А. Ситника, «долгое время западные

страны выступали монополистами в платежной сфере — только они обладали технологиями, необходимыми для функционирования современных платежных систем»²⁶. Подобная ситуация несла существенные риски для национальной безопасности и стабильности российской финансовой системы. В то же время следует признать, что в 1990-х гг. вопрос построения суверенной национальной платежной системы, равно как и развития отечественных платежных технологий, не стоял на повестке дня.

Технологическое отставание в платежной сфере, помимо прочего, вело к снижению защищенности процесса перевода безналичных денежных средств, а также способствовало совершению правонарушений при осуществлении расчетов. Так, широко известна практика использования в начале 1990-х гг. фальшивых авизо²⁷, которая привела к значительным потерям бюджета²⁸.

Рассматриваемый период характеризуется коренной трансформацией всех сфер общественной жизни. Фундаментальным изменениям подверглась и финансовая система России — фактически ее пришлось строить заново, поскольку финансовые институты советского государства не были приспособлены к тому, чтобы удовлетворить потребности хозяйствующих субъектов и населения. В этих целях принимается целый ряд законов, в том числе Федеральный закон от 02.12.1990 № 394-1 «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»²⁹, Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельно-

²⁵ Кузнецов Д. А. История возникновения, классификация и правовые вопросы использования и защиты банковских платежных карт // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 2. С. 27–28.

²⁶ Артемов Н. М., Ситник А. А. Противодействие антироссийским санкциям в платежной и валютной сферах // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 6. С. 53.

²⁷ Под авизо можно понимать телеграфное уведомление о переводе денег, посланное одним расчетно-кассовым центром (РКЦ) другому. При этом РКЦ, получивший такое уведомление (авизо), зачислял указанную в нем сумму на корреспондентский счет коммерческого банка. Банк, в свою очередь, зачислял на счет своего клиента, который может распоряжаться перечисленными деньгами по своему усмотрению. См.: URL: <http://wiki.footuh.ru/doku.php/content:hrono:page002>.

²⁸ Степашин С. Отсечь щупальца криминалитета // URL: https://yarnovosti.com/news/news_4113/ (дата обращения: 01.11.2022).

²⁹ СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1593. (Документ утратил юридическую силу).

сти»³⁰, Закон РФ от 25.09.1992 № 3537-1 «О денежной системе Российской Федерации»³¹ и т.д. Последний из названных законов действовал менее трех лет, однако он заложил правовые основы денежной системы РФ, которые воспроизводятся и в современных нормативных правовых актах. На основании ст. 12 данного закона устанавливалось, что платежи на территории Российской Федерации осуществляются в виде наличных или безналичных расчетов. Кроме того, Закон о денежной системе Российской Федерации определял, что формы безналичных расчетов определяются правилами, устанавливаемыми Банком России в соответствии с законодательными актами Российской Федерации. В это же время принимается вторая часть Гражданского кодекса РФ, в которой закрепляется гл. 46 «Расчеты», содержащая перечень основных форм безналичных расчетов и общих правил их проведения. За более подробными правилами проведения расчетов п. 1 ст. 862 ГК РФ отсылает к так называемым банковским правилам, т.е. к подзаконным нормативным правовым актам Банка России.

Следующий этап правового регулирования платежей связан с принятием новых документов — Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»³² и Положения Банка России о безналичных расчетах в Российской Федерации³³. Несмотря на практическую значимость названных нормативных правовых актов, следует признать, что конкретно в сфере правового регулирования платежных отношений они не смогли предложить существенно новых подходов, значительным образом отличавшихся от ранее действовавших правил. На тот момент еще не пришло осознание необходимости рассмотрения национальной платежной системы

в качестве единого целого, а платежных отношений в качестве отдельной сферы общественных отношений, требующих особого правового регулирования.

Все меняется с принятием Закона о НПС — он закрепил правовой статус участников отношений, связанных с организацией и проведением платежей, требования по допуску на платежный рынок указанных субъектов и требования к организации и функционированию платежных систем, порядок осуществления перевода денежных средств, полномочия Банка России по регулированию национальной платежной системы, его права по осуществлению надзора и наблюдения и т.д.³⁴

Параллельно с этим начинается работа по реализации проекта по созданию национальной системы платежных карт, которая смогла бы встать в один ряд с наиболее известными международными розничными платежными системами и обеспечить потребности населения нашей страны в проведении платежей. Своевременность разработки данного проекта была подтверждена событиями, произошедшими в 2014 г., когда ряд западных платежных систем отказался от обслуживания российских банков, — уже тогда пришло понимание, что такие платежные системы могут нарушить взятые на себя обязательства в силу политических причин. Подтверждением обоснованности этих опасений стали события 2022 г., когда платежные системы Visa и Mastercard отказались от обслуживания российских граждан. Равным образом от оказания услуг отказался ряд поставщиков платежных приложений, например, таких как Apple Pay и Google Pay.

Таким образом, можно прийти к выводу, что начиная с 2014 г. шла подготовка к созданию суверенной платежной инфраструктуры. Про-

³⁰ СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

³¹ Российская газета. 1992. № 230. (Документ утратил юридическую силу).

³² СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

³³ Положение о безналичных расчетах в Российской Федерации, утв. Банком России 03.10.2002 № 2-П // Вестник Банка России. 2002. № 74. (Документ утратил юридическую силу).

³⁴ В развитие данного закона принимается положение Банка России от 19.06.2012 № 383-П «О правилах осуществления перевода денежных средств» // Вестник Банка России. 2012. № 34. (Документ утратил юридическую силу).

является это не только в образовании национальной системы платежных карт, но и платежных систем с особым правовым статусом, в частности Платежной системы Банка России и Системы казначейских платежей. Кроме того, Банк России приступил к разработке и успешно реализовал проект по созданию Системы передачи финансовых сообщений³⁵, которая позволила обеспечить независимость от SWIFT в части передачи электронных сообщений по финансовым операциям.

Подводя итоги настоящего исследования, можно сделать ряд выводов.

1. Несмотря на то что понятие национальной платежной системы на законодательном уровне было закреплено сравнительно недавно, тем не менее она начала формироваться задолго до принятия профильного закона, регулирующего в настоящее время рассматриваемую сферу общественных отношений. Не следует связывать образование национальной платежной системы исключительно с платежными системами: в современном виде они появляются лишь с середины XX в., в то время как платежная инфраструктура (пусть и в зачаточном состоянии) начинает свое становление с конца XIX — начала XX в. Развитие национальной платежной системы опосредуется формированием системы финансовых учреждений, ответственных за проведение платежей (расчетных (клиринговых) палат, кредитных организаций и т.д.), эволюцией форм расчетов, а также внедрением технологий, способных обеспечить обслуживание массовых платежей.

2. Правовое регулирование национальной платежной системы в России претерпело существенные изменения в связи с кардинальными изменениями экономического базиса вследствие Октябрьской революции 1917 г. и распада СССР в 1991 г. Бурный экономический рост, характерный для начала XX в., привел к тому, что в дореволюционный период появля-

ются первые формы относительно массовых безналичных расчетов (чему также способствует развитие банковских контор и появление телеграфной связи). В первые годы существования советской власти платежная инфраструктура была национализирована, что стало немаловажным фактором укрепления административно-командной экономики. В дальнейшем развитие платежной сферы проходило в русле социалистической экономики со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами. Так, в рамках складывавшихся в советском государстве экономических отношений потребность в платежной инфраструктуре, обеспечивающей проведение массовых розничных платежей, фактически отсутствовала. Вместе с тем с переходом к рыночной экономике это привело к возникновению зависимости от западных платежных технологий, что существенно подрывало национальную безопасность.

3. Современный период развития правового регулирования национальной платежной системы характеризуется: принятием основного закона, регулирующего соответствующую сферу общественных отношений, а также наличием разветвленной системы подзаконных нормативных правовых актов; дифференциацией подходов к правовому регулированию различных платежных систем; учетом лучших зарубежных практик в данной области; эффективной системой надзора и наблюдения за субъектами национальной платежной системы, направленной на обеспечение ее стабильности. Анализ последних событий позволяет сделать заключение о своевременности принятия Банком России и Правительством РФ целого ряда мер, направленных на обеспечение национального суверенитета в платежной сфере, не позволивших недружественным странам и международным организациям нарушить бесперебойность функционирования российской национальной платежной системы.

³⁵ Система передачи финансовых сообщений // URL: https://www.cbr.ru/PSystem/fin_msg_transfer_system/ (дата обращения: 01.11.2022).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Артёмов Н. М., Арзуманова Л. Л., Ситник А. А. Денежное право (финансово-правовое регулирование обращения национальной и иностранной валюты на территории Российской Федерации): коллективная монография. — М. : Элит, 2011. — 272 с.
2. Артёмов Н. М., Ситник А. А. Противодействие антироссийским санкциям в платежной и валютной сферах // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 6. — С. 48–62.
3. Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах : в 2 т. Т. 2. — М. : Юрайт, 2015. — 319 с.
4. Зинковский М. А. Кодификация банковского законодательства России в условиях национального экономического кризиса // Современное право. — 2016. — № 2. — С. 66–68.
5. Кузнецов Д. А. История возникновения, классификация и правовые вопросы использования и защиты банковских платежных карт // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2007. — № 2. — С. 27–35.
6. Савинская Н. А., Пивоваров В. В., Смирнова Н. И., Образцов М. В., Поздеева И. А. Из истории становления и развития платежной системы в России (к 150-летию России) // Проблемы современной экономики. — 2010. — № 2. — С. 476–484.
7. Степашин С. Отсечь щупальца криминалитета // URL: https://yarnovosti.com/news/news_4113/ (дата обращения: 01.11.2022).
8. Финансовый надзор в национальной платежной системе Российской Федерации : учебное пособие для магистратуры / А. Г. Гузнов, Т. Э. Рождественская, А. А. Ситник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2021. — 208 с.
9. Шилохвост О. Ю. Чек // URL: <https://old.bigenc.ru/economics/text/4681184> (дата обращения: 01.11.2022).

Материал поступил в редакцию 18 ноября 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Artemov N. M., Arzumanova L. L., Sitnik A. A. Denezhnoe pravo (finansovo-pravovoe regulirovanie obrashcheniya natsionalnoy i inostrannoy valyuty na territorii Rossiyskoy Federatsii): kollektivnaya monografiya. — M.: Elit, 2011. — 272 s.
2. Artemov N. M., Sitnik A. A. Protivodeystvie antirossiyskim sanktsiyam v platezhnoy i valyutnoy sferakh // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — № 6. — S. 48–62.
3. Vitte S. Yu. Konspekt lektsiy o narodnom i gosudarstvennom khozyaystve, chitannykh ego imperatorskomu vysochestvu velikomu knyazyu Mikhailu Aleksandrovichu v 1900–1902 godakh: v 2 t. T. 2. — M.: Yurayt, 2015. — 319 s.
4. Zinkovskiy M. A. Kodifikatsiya bankovskogo zakonodatelstva Rossii v usloviyakh natsionalnogo ekonomicheskogo krizisa // Sovremennoe pravo. — 2016. — № 2. — S. 66–68.
5. Kuznetsov D. A. Istoriya vzniknoveniya, klassifikatsiya i pravovye voprosy ispolzovaniya i zashchity bankovskikh platezhnykh kart // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. — 2007. — № 2. — S. 27–35.
6. Savinskaya N. A., Pivovarov V. V., Smirnova N. I., Obratsov M. V., Pozdeeva I. A. Iz istorii stanovleniya i razvitiya platezhnoy sistemy v Rossii (k 150-letiyu Rossii) // Problemy sovremennoy ekonomiki. — 2010. — № 2. — S. 476–484.
7. Stepashin S. Otsech shchupaltsa kriminaliteta // URL: https://yarnovosti.com/news/news_4113/ (data obrashcheniya: 01.11.2022).
8. Finansovyy nadzor v natsionalnoy platezhnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii: uchebnoe posobie dlya magistratury / A. G. Guznov, T. E. Rozhdestvenskaya, A. A. Sitnik. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2021. — 208 s.
9. Shilokhvost O. Yu. Chek // URL: <https://old.bigenc.ru/economics/text/4681184> (data obrashcheniya: 01.11.2022).

Свобода совести в гражданском обществе: правовое и нравственное измерение

Аннотация. Свобода совести, в силу своего характера, существует одновременно в правовом и нравственном измерении. Анализ доктрины, законодательства и правоприменительной практики позволяет говорить о существовании связанных с ней правовых (формальных) и нравственных (содержательных) проблем. Формальная проблема свободы совести заключается в отождествлении данной свободы с гораздо более узкой по содержанию свободой вероисповедания. Анализ существующих в отечественной правовой науке относительно понятия свободы совести точек зрения позволяет сгруппировать их, выявив два основных подхода — ограничительный и расширительный. В законодательстве и правоприменительной практике преобладает ограничительный подход к свободе совести, влекущий за собой нарушение прав и свобод граждан в данной сфере. Решением проблемы может являться разъединение на законодательном уровне легальных определений свободы совести и свободы вероисповедания. Применительно к категории свободы совести существует еще и содержательная проблема, заключающаяся в том, что низкий уровень правовой культуры российских граждан, осложняющий формирование гражданского общества, влияет на восприятие свободы совести и допустимости ее необходимых ограничений. Иными словами, граждане, реализуя данную свободу, зачастую трактуют ее расширительно. Решение данной проблемы требует повышения уровня правовой и общей культуры граждан, формирование у граждан необходимых каждому члену гражданского общества нравственных принципов, в том числе посредством соответствующей деятельности религиозных объединений и образовательных организаций.

Ключевые слова: свобода; совесть; свобода совести; нравственность; свобода вероисповедания; религия; гражданское общество; правосознание; религиозные организации; право.

Для цитирования: Мещерякова А. Ф. Свобода совести в гражданском обществе: правовое и нравственное измерение // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 5. — С. 21–32. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.021-032.

© Мещерякова А. Ф., 2023

* Мещерякова Анна Федоровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правосудие» Юридического института Пензенского государственного университета, доцент кафедры «Юриспруденция» Московского университета имени С.Ю. Витте
Красная ул., д. 40, г. Пенза, Россия, 440026
fuga9@yandex.ru

Freedom of Conscience in Civil Society: Legal and Moral Dimensions

Anna F. Meshcheryakova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Justice, Law Institute, Penza State University; Associate Professor, Department of Jurisprudence, Witte Moscow University
ul. Krasnaya, d. 40, Penza, Russia, 440026
fuga9@yandex.ru

Abstract. Freedom of conscience, by virtue of its nature, exists simultaneously in a legal and moral dimensions. The analysis of the doctrine, legislation and law enforcement practice suggests the existence of legal (formal) and moral (substantive) problems associated with it. The formal problem of freedom of conscience is associated with identification of this freedom with a much narrower freedom of religion. The analysis of approaches existing in Russian legal science regarding the concept of freedom of conscience allows us to group them in two main approaches, namely, the restrictive approach and the expanding approach. In legislation and the law enforcement practice, the restrictive approach to freedom of conscience prevails. It entails a violation of the rights and freedoms of citizens in this area. The separation of legal definitions of freedom of conscience and freedom of religion can help to solve the problem at the legislative level. In relation to the category of freedom of conscience, there is also a substantial problem based on the fact that the low level of legal culture of Russian citizens, complicating the formation of civil society, affects the perception of freedom of conscience and the permissibility of its necessary restrictions. In other words, citizens, exercising this freedom, often interpret it broadly. The solution of this problem requires an increase in the level of legal and general culture of citizens, the formation of moral principles necessary for every member of civil society, including the activities of religious associations and educational organizations.

Keywords: freedom; conscience; freedom of conscience; morality; freedom of religion; religion; civil society; legal awareness; religious organizations; law.

Cite as: Meshcheryakova AF. Svoboda sovesti v grazhdanskom obshchestve: pravovoe i nrvastvennoe izmerenie [Freedom of Conscience in Civil Society: Legal and Moral Dimensions]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(5):21-32. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.021-032. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение в проблематику исследования

Свобода совести представляет собой фундаментальный элемент в иерархии первого поколения прав человека и одну из ключевых ценностей гражданского общества. Указанное обстоятельство обусловлено тем, что данная свобода с момента ее официального закрепления в правовом поле обладает чрезвычайно высоким конституционно-правовым значением как важнейшая личная свобода человека, обеспечивающая всю широту его мировоззрения, морально-этических воззрений. Собственно говоря, поэтому категория «свобода совести» является достаточно востребованным предметом исследования в отечественной правовой

науке, зачастую на стыке права с философией, социологией и другими гуманитарными отраслями науки.

Однако, несмотря на то, что категория «свобода совести» традиционно представляет собой достаточно востребованный предмет научных исследований, степень ее научной разработанности остается невысокой. Кроме того, зачастую данная категория понимается неверно, слишком узко или, напротив, слишком широко, а многие научные суждения идут вразрез с ее истинной сущностью. Источник отмеченных проблем, на наш взгляд, можно обнаружить в рассмотрении свободы совести исключительно через призму правоприменения, без учета ее концептуальных основ¹. Подобный ограниченный подход к

¹ Рыбак С. В. Свобода совести как право человека на самоопределение по отношению к религии // Философия права. 2015. № 6 (73). С. 53.

рассмотрению категории «свобода совести» в научном поле закономерно обуславливает возникновение серьезных проблем в правоприменительной практике.

Постановка проблемы исследования

Соответственно, с категорией «свобода совести» связаны определенные теоретические и во многом обусловленные ими практические проблемы. Примечательно при этом то, что, поскольку свобода совести существует одновременно и в правовом, и в нравственном измерении, проблемы также обладают различным характером — правовым и нравственным. При этом правовые проблемы свободы совести есть не что иное, как проблемы формальные, а нравственные — содержательные. Дальнейшее изложение нами результатов исследования будет подчинено отмеченной специфике структуры рассматриваемой свободы человека и гражданина.

В настоящее время одна из ключевых формальных проблем, связанных с категорией «свобода совести» в доктрине, законодательстве и правоприменительной практике, — фактическое ограничение свободы совести и, соответственно, ее правового регулирования рамками смежной свободы вероисповедания или, еще более узко, деятельности религиозных организаций². Иными словами, свобода совести ограничивается свободой, которая затрагивает только верующих граждан, исходя из чего правовые нормы, регламентирующие рассматриваемую свободу, преломляются в сознании правоприменителей и исследователей как специальные религиозные, что противоречит действительной сущности данной категории.

Ключевая же содержательная проблема категории «свободы совести», напротив, обусловлена ее чрезмерно расширительным толкованием и заключается в том, что свободу совести в российском обществе нередко понимают в качестве «свободы от совести». В частности, осенью

и зимой 2021 г. по стране прокатилась волна дел об административных правонарушениях, связанных с публикацией в социальных сетях обнаженных или полуобнаженных фотографий на фоне православных храмов. Нарушители, как правило, привлекались к ответственности по ст. 5.26 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за умышленное публичное осквернение предметов религиозного почитания.

В рамках исследования нас интересовала взаимосвязь отмеченных формальной и содержательной проблем, а также поиск возможных путей их решения в условиях формирования в нашей стране гражданского общества.

Методология исследования

Теоретико-методологическими основами исследования стали отечественные нормативные правовые и научные источники, касающиеся проблематики свободы совести. В исследовании сущности, содержания и практики свободы совести в современном российском государстве для обеспечения достоверности, верификации, точности получаемых результатов применялись как общенаучные методы, к которым относится метод анализа и синтеза, метод классификации, метод описания и т.д., так и частнонаучные методы, к которым относится сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, метод правового прогнозирования и т.д.

Обсуждение результатов исследования

Учитывая тот факт, что российский законодатель, хотя и называет свободу совести в числе основных прав и свобод граждан, не приводит ее легального определения, в ходе исследования нами были проанализированы основные подходы к определению категории «свобода совести», существующие в отечественной правовой науке. Указанный анализ позволил нам выявить два основных подхода к определению

² Скорыходов С. С. Свобода совести и свобода вероисповедания: доктринальные и формальные грани // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 7 (110). С. 62.

свободы совести, которые мы условно обозначили как ограничительный, отождествляющий свободу совести со свободой вероисповедания и погружающий ее в рамки исключительно религиозного мировоззрения, и расширительный, рассматривающий свободу совести максимально широко — как мировоззренческую свободу, не ограничивающуюся религиозным мировоззрением, а включающую в себя весь спектр идей, мнений, представлений и т.д., входящих в понятие мировоззрения.

Детализируя ограничительный подход к определению понятия свободы совести, считаем возможным привести в качестве примера такого понимания рассматриваемой категории точку зрения А. М. Рудакова, который утверждает, что свобода совести представляет собой самостоятельное определение субъектами правоотношений морально-этических границ своего поведения в рамках, установленных действующим законодательством, в частности УК РФ и Федеральным законом от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»³. Вполне очевидно, что вторая часть данного определения ограничивает морально-этические границы поведения субъекта сугубо религиозными рамками.

Представителем ограничительного подхода к определению понятия свободы совести в некотором смысле можно считать также и М. А. Булавино, которая утверждает, что рассматриваемая категория может пониматься с разной степенью широты. Максимально широкое понимание свободы совести охватывает способность личности к самоконтролю, включая установление и исполнение обязанностей нравственного характера. Узкое же понимание свободы совести ограничивает ее правом личности проявлять самостоятельность в отношении к религии — следовать каким бы то ни было религиозным установлениям или, как вариант, отказываться от них⁴.

Иначе говоря, узкое понимание свободы совести, предлагаемое М. А. Булавиной, предполагает наличие у личности возможности самостоятельно определять отношение к вопросам религии. Как нам представляется, сам по себе факт определения свободы совести в узком смысле как набора вариантов отношения личности к религиозным вопросам демонстрирует ограничительный подход к пониманию рассматриваемой категории. Хотя, безусловно, определение автором данной категории в широком смысле как способности личности осуществлять внутренний самоконтроль заслуживает внимания.

Ограничительному подходу в определении понятия свободы совести следует также и О. В. Яценко, который утверждает, что конструкция принципа свободы совести включает в себя нормы права, ценности и цели, связанные с защитой интимной сферы человеческого бытия, то есть права на самоопределение по отношению к научному или религиозному мировоззрению. Приведенный подход к определению содержания свободы совести можно было бы считать расширительным, но О. В. Яценко уточняет, что в социальном контексте свобода совести является правом на реализацию религиозных убеждений как индивидуально, так и коллективно, как частно, так и публично, и это право, по замечанию автора, связано с деятельностью религиозных организаций⁵.

Однако, как было отмечено нами ранее, в отечественной правовой науке имеются и такие определения понятия свободы совести, которые были включены нами, условно говоря, в расширительный подход. В частности, Н. Н. Димитров и А. В. Семенов считают свободу совести, а вернее, соответствующее конституционное право личности закономерным следствием закрепления в основном законе светского характера государства. Авторы полагают, что свобода совести есть не что иное, как наивысшая точка

³ СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

⁴ Булавина М. А. Свобода совести и свобода вероисповедания: конституционно-правовой аспект // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. Т. 10. № 3 (24). С. 107.

⁵ Яценко О. В. Конституционная конструкция принципа свободы совести в юридической практике // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2021. № 1 (33). С. 108.

реализации имеющейся у личности способности морального самоконтроля⁶. Безусловно, при таком понимании свободы совести она не ограничивается религиозным мировоззрением, поскольку речь идет в целом о морали и нравственности, а эти понятия охватывают собой все сферы жизни общества.

Аналогичной точки зрения придерживается также С. В. Рыбак, понимающий под свободой совести имеющееся у каждого человека право на самостоятельный выбор приемлемой для себя системы духовных ценностей, которые при этом могут быть и не связаны с религией⁷. Приведенную точку зрения разделяет А. Е. Никитина, справедливо замечая, что проявления рассматриваемой свободы можно усмотреть в любой сфере общественной жизни, включая политическую, экономическую и социальную. По сути, как отмечает автор, в данном случае речь идет о свободе убеждений, которые ни в коем случае не следует ограничивать религиозными воззрениями⁸.

Однако наиболее примечательной в ходе анализа основных подходов к определению понятия свободы совести нам показалась точка зрения И. Н. Лебединца по данному вопросу. Автор отмечает, что в этическом смысле свобода совести представляет собой право человека мыслить и поступать в соответствии со своими убеждениями, его независимость в моральной самооценке и самоконтроле своих поступков и мыслей. В то же время, по замечанию автора, рассматриваемое понятие в дальнейшем приобрело более узкий смысл и стало пониматься в качестве права каждого человека самостоятельно решать вопрос о том, руководствоваться ли

ему в оценке своих поступков и мыслей поучениями религии или нет.

Иными словами, свобода совести стала отражать отношение человека к религии и проявляться в трех основных вариантах:

1) человек может верить в Бога, исповедовать какую-либо религию (свобода вероисповедания);

2) человек может не верить ни в каких богов и относиться к религии нейтрально;

3) человек может быть атеистом, отрицать всякое существование Бога и отвергать любую религию в целом⁹.

Вполне очевидно, что приведенная позиция, отталкиваясь от сравнительных методов в контексте истории и права, фактически описывает возникновение и дальнейшее развитие ограничительного подхода к пониманию содержания рассматриваемой категории. В то же время, поскольку И. Н. Лебединец приоритетным считает понимание свободы совести как права личности формировать убеждения и действовать согласно с ними, данную точку зрения мы считаем возможным относить к числу расширительных подходов.

Стоит заметить, что сходное мнение по рассматриваемой проблеме высказывает также С. С. Воробьев, обращающий внимание на то, что изначально категория «свобода совести» появилась и разрабатывалась в сфере морали. Ее перенос в сферу права состоялся значительно позднее, когда данная свобода получила закрепление в позитивном праве в перечне естественных прав и свобод. Именно указанное обстоятельство, по мнению автора, оказалось началом ограничения свободы совести свободой вероисповедания¹⁰.

⁶ Димитров Н. Н., Семенов А. В. Правовая охрана свободы совести и свободы вероисповедания в России в системе государственно-конфессиональных отношений // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2017. № 1 (61). С. 69.

⁷ Рыбак С. В. Указ. соч. С. 56.

⁸ Никитина А. Е. Конституционно-правовые гарантии права на свободу совести в Российской Федерации: понятие, содержание, сущность // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 1 (42). С. 142.

⁹ Лебединец И. Н. Свобода совести — абсолютное право каждого индивида (как свобода совести подменяется свободой манипуляции сознанием) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10 (83). С. 169.

¹⁰ Воробьев С. С. Юридические аспекты свободы совести как права выбора субъектов правоотношений // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 187.

Мы склонны считать верным расширительный подход к определению понятия свободы совести. Содержание рассматриваемой категории максимально широко и включает в себя широкий спектр убеждений, отнюдь не ограничивающийся убеждениями, в какой-либо степени связанными с вопросами религии. Как отмечает в связи с этим А. А. Конджарян, отдельные личности могут в качестве таких убеждений принимать для себя деизм, теизм, атеизм или, что нередко в современном мире, агностицизм¹¹. Однако позиция А. А. Конджаряна всё же свидетельствует о его принадлежности к ограничительному подходу, поскольку приведенные им категории людей выделяются в зависимости от их отношения к религии.

Ранее нами было указано на проблему отождествления свободы совести со свободой вероисповедания как формальную проблему, связанную с рассматриваемой категорией. Анализ основных подходов, существующих в отечественной правовой науке по данному вопросу, свидетельствует о том, что в доктрине обозначенная проблема действительно существует, и свобода совести фактически приравнивается к свободе вероисповедания. Нам представляется очевидным, что данная проблема обусловлена несовершенством законодательных формулировок, в рамках которых законодатель не проводит четкую границу между рассматриваемыми свободами.

Стоит заметить, что в свете отмеченной проблемы в отечественной правовой доктрине существует достаточно своеобразная точка зрения о необходимости доктринальной разработки концепции по исключению рассматриваемой категории из системы правового регулирования. Сторонники данной точки зрения, например С. С. Скороходов, утверждают, что это является необходимым в связи с тем, что свобода совести обладает сугубо моральным содержанием, но, поскольку такое содержание сложно подвергнуть законодательному регулированию, на практике сводится к гораздо более узкой

свободе вероисповедания¹². Иными словами, исследователи, разделяющие рассматриваемую точку зрения, основываются на невозможности урегулировать морально-нравственную составляющую личности человека.

Как нам представляется, указанная точка зрения является не только не вполне верной, но и недопустимой, поскольку ставит под сомнение необходимость существования в правовом поле одной из ключевых ценностей гражданского общества. Безусловно, рассматриваемая категория отличается морально-нравственным содержанием, однако это не означает, что она не может быть включена в правовое поле и оставлена без правовой защиты. Поэтому мы всё же исходим из необходимости сохранения правового регулирования категории «свобода совести», которое, однако, должно подвергнуться некоторым изменениям, связанным именно с разделением свободы совести и свободы вероисповедания.

Так, и в ст. 28 Конституции РФ, и в ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» законодатель гарантирует свободу совести и свободу вероисповедания, включая право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и *иные убеждения* и действовать в соответствии с ними. В данных формулировках об ином, более широком, содержании свободы совести свидетельствует только фраза «иные убеждения», однако законодатель не акцентирует на ней внимание, в связи с чем свобода совести сливается со свободой вероисповедания. Усугубляет ситуацию и содержание указанного нормативного правового акта, регламентирующее именно вероисповедную составляющую (религиозные объединения, их деятельность и т.д.).

Как нам представляется, выходом из сложившейся ситуации является внесение изменений в действующее законодательство, которые разграничивали бы свободу совести и свободу вероисповедания. Иными словами, в рамках

¹¹ Конджарян А. А. Соотношение понятий: свобода совести и свобода вероисповедания и границы законодательного регулирования // Научно-практические исследования. 2019. № 8-7 (23). С. 32.

¹² Скороходов С. С. Указ. соч. С. 63.

действующего законодательства следует дать самостоятельные легальные определения указанных свобод. На наш взгляд, проблему способно решить даже механическое разделение ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» на два различных определения, где второе — свобода совести — сформировано по остаточному принципу как право свободно выбирать, иметь и распространять любые другие (не религиозные) убеждения и действовать в соответствии с ними.

Гораздо более сложной с точки зрения решения нам представляется содержательная проблема свободы совести, заключающаяся, как нами было ранее отмечено, в понимании данной свободы как «свободы от совести». Здесь, на наш взгляд, следует отталкиваться от понимания свободы совести как фундаментальной ценности гражданского общества. Гражданское общество, в широком смысле представляющее собой совокупность негосударственных общественных объединений и отношений, удовлетворяющих частные интересы и потребности граждан, фактически выступает в качестве гаранта свободы совести. Однако для того, чтобы свобода совести понималась верно, не чрезмерно расширительно, гражданское общество должно находиться на достаточном уровне развития.

Здесь мы сталкиваемся с серьезной проблемой. Гражданское общество в России находится в процессе формирования, и этот процесс сопряжен с целым рядом трудностей. Прежде всего мы имеем в виду неполную, неокончательную сформированность такой ключевой предпосылки гражданского общества, как достаточный уровень правовой культуры граждан. Низкий уровень правовой культуры граждан довольно часто отмечается исследователями¹³. Именно он, как нам представляется, способствует расширению категории «свобода совести» до «свободы от совести», поскольку низкий уровень

правовой культуры не позволяет гражданам осознавать допустимость и, более того, необходимость разумного ограничения их свобод, включая и свободу совести.

Обращаясь к ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, можно однозначно сказать, что одним из таких ограничителей является нравственность, то есть правила поведения человека в обществе. Буквально в данной норме сказано, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в целях защиты нравственности.

То же самое воспроизведено законодателем в ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»: «Право человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания может быть ограничено... в целях защиты... нравственности...».

Следует, однако, признать, что абстрактность формулировок, позволяющих ограничить права и личные свободы для защиты нравственных устоев, не дает возможности использовать их потенциал полностью. В то же время, как уже нами отмечалось, не являются редкостью юридические ситуации, при решении которых возникает одновременно необходимость в защите нравственности. При этом неуверенность в юридическом содержании нравственности, отсутствие единых подходов к ее интерпретации и в законодательстве, и в правоприменительной сфере вызывают ее противоречивое понимание и реализацию.

Как результат, отсутствие общих, одинаково воспринимаемых всеми, нравственных идей, целей, ориентиров приводит к дезорганизации социальной структуры и разложению системы социальных норм.

Духовные и нравственные основы общественной жизни намечаются и формируются деятельностью религиозных организаций и нравственностью¹⁴. В 2008 г. РПЦ приняла Основы учения о достоинстве, свободе и правах человека, в которых говорится: «Институт прав

¹³ Осипов Р. А. Правовая культура и ее роль в правовом государстве // Ученые записки Тамбовского отделения РГСУ. 2021. № 21. С. 116.

¹⁴ Бабурин С. Н. Правовые и духовно-нравственные основы цифрового будущего человечества в эпоху нарастающей экологической катастрофы // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2, Юридические науки. 2019. № 4 (22). С. 8.

человека слаб, поскольку, защищая свободу выбора, он все меньше и меньше учитывает нравственное измерение жизни»¹⁵. Документ раскрывает потенциал права на достоинство, которое, несомненно, имеет широкие регулятивные возможности и является структурообразующим звеном в системе прав человека, поскольку все права человека так или иначе «работают» на обеспечение и защиту человеческого достоинства.

А годом ранее проблему соотношения прав человека в целом и свободы совести в частности с нравственностью, на наш взгляд, блестяще осветил Патриарх Алексий II. В своем выступлении на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы в 2007 г., не потерявшем актуальность и в настоящее время, он рассматривал нравственность через призму достоинства личности. В частности, глава РПЦ отмечал, что в современном мире «происходит губительный для европейской цивилизации разрыв взаимосвязи прав человека и нравственности». По его мнению, это выражается в «появлении нового поколения прав, противоречащих нравственности, а также в оправдании безнравственных поступков с помощью прав человека»¹⁶. В данном контексте следует поддержать точку зрения, согласно которой «мировое сообщество стоит перед угрозой утраты человеческого в человеке»¹⁷, поскольку система нравственных ценностей во многих современных государствах кардинально меняется в сторону отказа от традиционных взглядов и искажения духовно-нравственного смысла права.

Интересно, что взгляды представителей православной конфессии на достоинство личности как базис прав и свобод, а также нравственного состояния общества в последнее время получают научное осмысление. Появляются серьезные

исследования по данной проблематике. Так, по справедливому убеждению М. Д. Фоминской, «ценность достоинства личности представляет собой реализацию общего духовно-нравственного христианского принципа “любви к ближнему”»¹⁸. Развивая данную мысль, автор обращает внимание на деструктивность концепции прав человека вне нравственно-этических основ конкретного общества¹⁹.

Соглашаясь с данной мыслью, отметим, что содержание прав человека в целом и свободы совести в частности сегодня трактуется довольно произвольно, отдельно от норм морали и нравственности. Моральная порочность некоторых поступков оправдывается свободой действий, как мы видим в ситуациях с осквернением религиозных зданий, предметов и мест религиозного почитания, в настойчивых предложениях легализовать однополые браки и т.д.

В определенной степени это объясняется сущностью категории совести как таковой, которая является одним из проявлений нравственного самосознания человека. У кого-то есть желание и возможность сформулировать свои моральные обязательства, соблюдать их и адекватно оценивать свои поступки; у кого-то по каким-то причинам (например, из-за невоспитанности) нет желания или возможности это делать. Идея свободы совести развивается внутри индивида, в его сознании.

Из этого следует, что вопрос об ограничении свободы совести может быть поставлен только тогда, когда человек проявляет свои убеждения и совершает какие-то связанные с этим действия, а само ограничение может быть введено, как видим, с помощью нравственности.

В российском законодательстве свобода совести, как отмечалось нами ранее, представляет собой одно из основных конституционных

¹⁵ Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Церковный вестник. 2008. Июль.

¹⁶ Выступление Святейшего Патриарха Алексия на очередной сессии ПАСЕ // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/301775.html> (дата обращения: 27.09.2022).

¹⁷ Бабурин С. Н. Указ. соч. С. 9.

¹⁸ Фоминская М. Д. Идея достоинства личности и прав человека в христианской правовой мысли : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2021. С. 44.

¹⁹ Фоминская М. Д. Указ. соч. С. 270.

прав и свобод граждан. Упоминание в Конституции РФ вовлекает данную свободу в правовое поле, закрепляет ее как обязательную норму и, соответственно, вводит ее в правовую сферу, где существуют понятия дозволенных и недозволенных полномочий в рамках реализации права. Поэтому у свободы совести, как и у других прав и свобод человека, имеются свои границы; их существование естественно, поскольку реализация свободы совести отдельными гражданами не должна нарушать свободу совести других граждан²⁰.

При этом, как отмечает Т. В. Лисовская, под правовыми ограничениями свободы совести следует понимать не изъятие каких-либо полномочий человека в сфере свободы совести, а установление особых условий и пределов их реализации²¹. В то же время мы разделяем мнение, согласно которому свобода совести обладает неким «ядром», то есть той частью, в которую недопустимо какое бы то ни было вмешательство и введение ограничений, поскольку это ведет к размыванию самой сущности свободы совести²². Указанное обстоятельство неоднократно в своих решениях подчеркивал и Конституционный Суд РФ, акцентируя внимание на том, что ни законодатель, ни правоприменитель, включая суд, не должны посягать на само существование данной свободы.

В частности, в постановлении от 05.12.2012 № 30-П Конституционный Суд РФ подчеркнул, что неправомерным вмешательством государства в сферу свободы совести является необходимость уведомлять уполномоченные органы государственной власти или органы местного самоуправления о публичном религиозном ме-

роприятии и нести иные установленные законодательством обременения в силу одного лишь факта его проведения вне специально отведенных для этих целей мест²³. Примечательно при этом то, что в контексте данной статьи указанное постановление демонстрирует еще и отождествление свободы совести со свободой вероисповедания.

Тем не менее, что бы ни понималось под «ядром» свободы совести, в которое недопустимо вмешательство со стороны государства, на самих граждан как членов гражданского общества фактически возлагается и моральная, и юридическая обязанность реализовывать данную свободу так, чтобы она не затрагивала свободы других людей. Однако в силу чрезмерно расширительного понимания свободы совести как «свободы от совести» с этим возникают определенные проблемы, в частности упоминавшееся нами ранее и довольно часто встречающееся в последние годы умышленное публичное осквернение предметов и мест религиозного почитания.

В подобных случаях граждане реализуют свободу совести как право руководствоваться в своем поведении собственными нравственными и этическими представлениями, напрямую не связанными с предписаниями религии²⁴. Такие граждане формируют нравственные и этические нормы вне зависимости от конкретных религиозных представлений, а исходя из собственных представлений и приобретенного жизненного опыта. Однако проблема заключается в том, что зачастую отмеченные нормы поведения идут вразрез с общепринятыми — таковым, например, является критическое отношение к

²⁰ Дробот С. Е. Конституционализация мировоззренческой свободы в контексте светского государства и свободы совести в Российской Федерации // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16. № 3. С. 36.

²¹ Лисовская Т. В. Ограничение свободы совести: подходы и принципы // Сектоведение. 2018. № 7. С. 44.

²² Дробот С. Е. Указ. соч. С. 36.

²³ Постановление Конституционного Суда РФ от 05.12.2012 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан “О свободе совести и о религиозных объединениях” в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 51. Ст. 7324.

²⁴ Бредихин А. Л. Свобода совести и вероисповедания как принципы демократического государства // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2020. № 4 (8). С. 36.

религии, выражаемое различными, зачастую выходящими далеко за рамки морали и нравственности способами.

Корень данной проблемы, на наш взгляд, кроется в низком уровне правовой культуры российских граждан, препятствующем формированию гражданского общества и адекватной моральным и нравственным ценностям реализации свободы совести. Вместе с тем, как отмечает М. В. Антонов, на правовое регулирование прав и свобод, включая и свободу совести, влияют социальные настроения, традиционный менталитет, идеологические установки. Иными словами, на нормативную сферу влияет некий фактический контекст²⁵. Единственно возможным решением данной проблемы нам представляется повышение уровня правовой культуры граждан, в том числе посредством соответствующей деятельности религиозных объединений и образовательных организаций, способствующей формированию у граждан нравственных принципов.

Основные выводы

В самом общем смысле свободу совести следует понимать как юридическое измерение свободы выбора мировоззрения. Это естественное право человека самостоятельно формировать свое мировоззрение, исходя из религиозных, атеистических и иных убеждений, открыто выражать

его в социальных и иных контактах, не ущемляя прав и свобод других людей и общества в целом. Это также право человека на автономию духовной жизни. При этом следует подчеркнуть нравственную составляющую данного права.

Поскольку свобода совести фактически представляет собой моральное, нравственное понятие, включенное в правовое поле, с ее регламентацией и реализацией связаны не только собственно правовые (формальные), но и нравственные (содержательные) проблемы. Ключевой формальной проблемой является недопустимое слияние свободы совести с более узкой свободой вероисповедания, которое может быть устранено посредством четкого разграничения легальных определений данных свобод на законодательном уровне.

Что же касается основной содержательной проблемы — недопустимого расширительного толкования свободы совести вплоть до понимания ее как «свободы от совести» — то ее решение зависит от повышения уровня правовой культуры российских граждан, в котором особую роль должны играть религиозные объединения и образовательные организации, осуществляющие деятельность, направленную в том числе на формирование у граждан нравственных принципов. Такой подход к пониманию свободы совести, на наш взгляд, наиболее адекватно отражает ее нравственное измерение и соответствует существу и ценностям гражданского общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонов М. В. Нормативность и фактичность в защите религиозных свобод // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2018. — № 3. — С. 24–49.
2. Бабурин С. Н. Правовые и духовно-нравственные основы цифрового будущего человечества в эпоху нарастающей экологической катастрофы // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2, Юридические науки. — 2019. — № 4 (22). — С. 6–12. — DOI: 10.21777/2587-9472-2019-4-6-12.
3. Бредихин А. Л. Свобода совести и вероисповедания как принципы демократического государства // Вестник Института права Башкирского государственного университета. — 2020. — № 4 (8). — С. 34–39.
4. Булавина М. А. Свобода совести и свобода вероисповедания: конституционно-правовой аспект // Вестник Института мировых цивилизаций. — 2019. — Т. 10. — № 3 (24). — С. 104–108.

²⁵ Антонов М. В. Нормативность и фактичность в защите религиозных свобод // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 27.

5. Воробьев С. С. Юридические аспекты свободы совести как права выбора субъектов правоотношений // Среднерусский вестник общественных наук. — 2015. — Т. 10. — № 6. — С. 185–189.
6. Выступление Святейшего Патриарха Алексия на очередной сессии ПАССЕ // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/301775.html> (дата обращения: 27.09.2022).
7. Димитров Н. Н., Семенов А. В. Правовая охрана свободы совести и свободы вероисповедания в России в системе государственно-конфессиональных отношений // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2017. — № 1 (61). — С. 68–72.
8. Дробот С. Е. Конституционализация мировоззренческой свободы в контексте светского государства и свободы совести в Российской Федерации // Юридическая наука и практика. — 2020. — Т. 16. — № 3. — С. 28–39.
9. Конджарян А. А. Соотношение понятий: свобода совести и свобода вероисповедания и границы законодательного регулирования // Научно-практические исследования. — 2019. — № 8-7 (23). — С. 31–33.
10. Лебединец И. Н. Свобода совести — абсолютное право каждого индивида (как свобода совести подменяется свободой манипуляции сознанием) // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 10 (83). — С. 168–174.
11. Лисовская Т. В. Ограничение свободы совести: подходы и принципы // Сектоведение. — 2018. — № 7. — С. 43–51.
12. Никитина А. Е. Конституционно-правовые гарантии права на свободу совести в Российской Федерации: понятие, содержание, сущность // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2021. — № 1 (42). — С. 139–143.
13. Осипов Р. А. Правовая культура и ее роль в правовом государстве // Ученые записки Тамбовского отделения РoCМУ. — 2021. — № 21. — С. 114–120.
14. Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Церковный вестник. — 2008. — Июль.
15. Рыбак С. В. Свобода совести как право человека на самоопределение по отношению к религии // Философия права. — 2015. — № 6 (73). — С. 53–58.
16. Скороходов С. С. Свобода совести и свобода вероисповедания: доктринальные и формальные грани // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2019. — № 7 (110). — С. 61–63.
17. Фоминская М. Д. Идея достоинства личности и прав человека в христианской правовой мысли : дис. ... д-ра юрид. наук. — Ростов н/Д, 2021. — 480 с.
18. Яценко О. В. Конституционная конструкция принципа свободы совести в юридической практике // Вестник Таганрогского института управления и экономики. — 2021. — № 1 (33). — С. 108–111.

Материал поступил в редакцию 27 сентября 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antonov M. V. Normativnost i faktichnost v zashchite religioznykh svobod // Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. — 2018. — № 3. — S. 24–49.
2. Baburin S. N. Pravovye i dukhovno-nravstvennye osnovy tsifrovogo budushchego chelovechestva v epokhu narastayushchey ekologicheskoy katastrofy // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 2, Yuridicheskie nauki. — 2019. — № 4 (22). — S. 6–12. — DOI: 10.21777/2587-9472-2019-4-6-12.
3. Bredikhin A. L. Svoboda sovesti i veroispovedaniya kak printsipy demokraticeskogo gosudarstva // Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2020. — № 4 (8). — S. 34–39.
4. Bulavina M. A. Svoboda sovesti i svoboda veroispovedaniya: konstitutsionno-pravovoy aspekt // Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsiy. — 2019. — Т. 10. — № 3 (24). — S. 104–108.

5. Vorobev S. S. Yuridicheskie aspekty svobody sovesti kak prava vybora subektov pravootnosheniy // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. — 2015. — T. 10. — № 6. — S. 185–189.
6. Vystuplenie Svyateyshego Patriarkha Aleksiya na ocherednoy sessii PASE // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/301775.html> (data obrashcheniya: 27.09.2022).
7. Dimitrov N. N., Semenov A. V. Pravovaya okhrana svobody sovesti i svobody veroispovedaniya v Rossii v sisteme gosudarstvenno-konfessionalnykh otnosheniy // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii. — 2017. — № 1 (61). — S. 68–72.
8. Drobot S. E. Konstitutsionalizatsiya mirovozzrencheskoy svobody v kontekste svetskogo gosudarstva i svobody sovesti v Rossiyskoy Federatsii // Yuridicheskaya nauka i praktika. — 2020. — T. 16. — № 3. — S. 28–39.
9. Kondzharyan A. A. Sootnoshenie ponyatiy: svoboda sovesti i svoboda veroispovedaniya i granitsy zakonodatelnogo regulirovaniya // Nauchno-prakticheskie issledovaniya. — 2019. — № 8-7 (23). — S. 31–33.
10. Lebedinets I. N. Svoboda sovesti — absolutnoe pravo kazhdogo individa (kak svoboda sovesti podmenyaetsya svobodoy manipuliyatsii soznaniem) // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2017. — № 10 (83). — S. 168–174.
11. Lisovskaya T. V. Ogranichenie svobody sovesti: podkhody i printsipy // Sektovedenie. — 2018. — № 7. — S. 43–51.
12. Nikitina A. E. Konstitutsionno-pravovye garantii prava na svobodu sovesti v Rossiyskoy Federatsii: ponyatie, sodержanie, sushchnost // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2021. — № 1 (42). — S. 139–143.
13. Osipov R. A. Pravovaya kultura i ee rol v pravovom gosudarstve // Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU. — 2021. — № 21. — S. 114–120.
14. Osnovy ucheniya Russkoy pravoslavnoy tserkvi o dostoinstve, svobode i pravakh cheloveka // Tserkovnyy vestnik. — 2008. — Iyul.
15. Rybak S. V. Svoboda sovesti kak pravo cheloveka na samoopredelenie po otnosheniyu k religii // Filosofiya prava. — 2015. — № 6 (73). — S. 53–58.
16. Skorokhodov S. S. Svoboda sovesti i svoboda veroispovedaniya: doktrinalnye i formalnye grani // Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie. — 2019. — № 7 (110). — S. 61–63.
17. Fominskaya M. D. Ideya dostoinstva lichnosti i prav cheloveka v khristianskoy pravovoy mysli: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Rostov n/D, 2021. — 480 s.
18. Yatsenko O. V. Konstitutsionnaya konstruktsiya printsipa svobody sovesti v yuridicheskoy praktike // Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki. — 2021. — № 1 (33). — S. 108–111.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.033-044

А. А. Спиридонов*

Перспективы развития открытого государственного управления и общественного контроля: конституционно-правовой взгляд

Аннотация. В исследовании автор исходит из того, что открытое государственное и муниципальное управление как концепция и практика, обладающие огромным потенциалом, системно сопряжены с развитием эффективных механизмов общественного контроля. Выносятся на обсуждение ряд выводов и предложений, в числе которых следующие:

- 1) реализация форматов открытого государственного и муниципального управления в сочетании с эволюцией контрольно-надзорной деятельности, общественного контроля дает синергетический эффект и существенно повышает доверие общества, граждан, бизнеса к системе органов публичной власти и их деятельности;
- 2) исключительно важную роль в достижении позитивных эффектов и практических результатов играет идущая нарастающими темпами всесторонняя цифровизация контрольно-надзорной деятельности, государственного и муниципального управления в целом, ввиду чего данную тенденцию необходимо продолжать, делая соответствующие технологии и сервисы еще более понятными, доступными и удобными;
- 3) формируемая и совершенствуемая в настоящее время новая философия государственного и муниципального управления должна включать эффективное открытое управление и организацию контрольно-надзорной деятельности, основанную на выстраивании полноценной партнерской и сервисной модели такой деятельности; эта новая философия должна в полной мере воплощать эволюционирующие идеи клиентоцентричности и ключевые принципы концепции «Государство для людей».

Сформулирован ряд конкретных предложений, включая нормотворческие, направленных на дальнейшее развитие цифровизации общественного контроля, в числе которых предложение о проработке вопроса о создании и развитии единого портала общественного контроля в Российской Федерации.

Ключевые слова: общественный контроль; контрольно-надзорная деятельность; государственный контроль (надзор); совершенствование государственного и муниципального управления; открытое государственное управление; регулирование контрольно-надзорной деятельности; информационно-аналитическое обеспечение общественного контроля; цифровизация общественного контроля; государство для людей; гражданское общество.

Для цитирования: Спиридонов А. А. Перспективы развития открытого государственного управления и общественного контроля: конституционно-правовой взгляд // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 5. — С. 33–44. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.033-044.

© Спиридонов А. А., 2023

* Спиридонов Андрей Алексеевич, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент
Краснопресненская наб., д. 2, стр. 2, г. Москва, Россия, 103274
9691043@gmail.com

Prospects for the Development of Open Public Administration and Public Control: Constitutional and Legal View

Andrey A. Spiridonov, Cand. Sci. (Law), Deputy Director, Regulatory Policy Department, Government of the Russian Federation
nab. Krasnopresnenskaya, d. 2, str. 2, Moscow, Russia, 103274
9691043@gmail.com

Abstract. In the study, the author proceeds from the fact that open state and municipal administration as a concept and practice with huge potential is systematically associated with the development of effective mechanisms of public control. A number of conclusions and proposals are suggested for discussion, including the following:

- 1) implementation of the formats of open state and municipal governance in combination with the evolution of control and supervisory activities, public control gives a synergetic effect and significantly increases the confidence of society, citizens, business in the system of public authorities and their activities;
- 2) an extremely important role in achieving positive effects and practical results is played by the comprehensive digitalization of control and supervisory activities, state and municipal management in general, which is why this trend needs to be continued, making the relevant technologies and services even more understandable, accessible and convenient;
- 3) the new philosophy of state and municipal management currently being formed and improved should include effective open administration and organization of control and supervisory activities based on building a full-fledged partner and service model of such activities; this new philosophy should fully embody the evolving ideas of client-centricity and the key principles of the concept of the «State for the People.»

A number of specific proposals have been formulated, including normative ones, aimed at further development of digitalization of public control, including a proposal to study the issue of creating and developing a single portal of public control in the Russian Federation.

Keywords: public control; control and supervisory activities; state control (supervision); improvement of state and municipal management; open public administration; regulation of control and supervisory activities; information and analytical support of public control; digitalization of public control; State for the People; civil society.

Cite as: Spiridonov AA. Perspektivy razvitiya otkrytogo gosudarstvennogo upravleniya i obshchestvennogo kontrolya: konstitutsionno-pravovoy vzglyad [Prospects for the Development of Open Public Administration and Public Control: Constitutional and Legal View]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(5):33-44. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.033-044. (In Russ., abstract in Eng.).

Государственное и муниципальное управление, основываясь на принципах и идеях, отраженных в Конституции Российской Федерации, безусловно, должно непрерывно совершенствоваться в тех или иных аспектах, его качество должно расти, имея в виду конечные ориентиры — улучшение уровня и качества жизни людей, повышение степени гарантированности и защищенности их прав и свобод, обеспечение стабильного социально-экономического развития государства на благо граждан. Эффективно достичь этого можно только в конструктивном диалоге с гражданским обществом, уровень развития которого напрямую

отражается на всесторонней реализации демократических и социальных начал в функционировании государства.

Процессы развития гражданского общества и совершенствования государственного управления неразрывно взаимосвязаны, и органы публичной власти должны предпринимать последовательные шаги, способствующие становлению более эффективных механизмов общественно-государственного диалога. В. В. Гриб, ссылаясь на мнение С. В. Степашина и других исследователей, согласно которому «гражданское общество соединяет индивидов и социальные группы сложным переплетением

частных интересов»¹, подчеркивает, что «на пути институализации гражданского общества в России необходимо принимать глубоко проанализированные решения, с целью недопущения девальвации идеи необходимости построения гражданского общества»², с чем, на наш взгляд, конечно, следует согласиться. При этом названный автор справедливо относит к важным задачам регулирования взаимодействия государства и гражданского общества, в частности, «создание механизмов общественного контроля над деятельностью органов государственной власти и институтов гражданского общества»³.

Эффективному взаимодействию с институтами гражданского общества, с предпринимательским сообществом, научной общественностью и отдельными гражданами служит концептуальная модель *открытого государственного и муниципального управления*, которая особенно активно развивалась в нашей стране на протяжении 2010-х гг. и продолжает совершенствоваться в настоящее время. Такое управление сопряжено с развитием механизмов общественного контроля⁴, ввиду чего в настоящем исследовании мы рассматриваем их как системно взаимосвязанные и имеющие общие ценностно-целевые ориентиры, главные из которых — повышение качества жизни граждан, уровня гарантированности их прав и свобод и рост доверия общества к деятельности публичной власти.

Автор настоящих строк, который имел непосредственный практический опыт работы в сфере развития «открытого правительства», развития открытого государственного и муниципального управления в нашей стране как на региональном уровне (в Тульской области, где возглавлял профильное министерство), так и на федеральном уровне (отвечая за соответствующее направление в рамках служебной деятельности в Аппарате Правительства РФ), имел возможность воочию убедиться и засвидетельствовать, что *широкий спектр механизмов и подходов, развивавшихся в рамках формата «открытого правительства», существенно и вполне реально сблизил институты гражданского общества и органы публичной власти в их системном взаимодействии на благо граждан и их объединений*, послужил развитию благоприятных условий для ведения бизнеса, прежде всего малого и среднего, нуждающихся в особом внимании и поддержке, дал стимулы к росту предпринимательской инициативы. Относительно значимости подобных механизмов исследователи отмечали, что в настоящее время важным направлением обеспечения более эффективного взаимодействия гражданского общества и государства является «расширение сферы общественного контроля за принятием публичных властных решений»⁵; как таковое открытое правительство представляет собой «систему управления государством, основанную на... свободном доступе граждан к действиям и

¹ Степашин С. В., Двуреченских В. А., Чегринцев Е. А., Чернавин Ю. А. Власть — демократия — контроль. М., 2005. С. 26.

² Гриб В. В. Правовые проблемы институализации гражданского общества в России // История государства и права. 2010. № 7. С. 5.

³ Гриб В. В. Правовые вопросы институционализации взаимодействия гражданского общества и органов государственной власти // Российская юстиция. 2011. № 3. С. 10.

⁴ В исследованиях, например, отмечается, что «для реализации общественного контроля выделяются два фактора: наличие развитого гражданского общества, а также условия взаимодействия государства и гражданского общества, при которых они представлены как равноправные субъекты» (Кириянов А. Ю. Проблемы реализации общественного контроля в условиях цифровой экономики // Право и цифровая экономика. 2021. № 4 (14). С. 39).

⁵ Дидикин А. Б. «Открытое правительство» в механизме взаимодействия гражданского общества и государства: формирование правовой модели и ее противоречия // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 16.

документам государственных... структур в интересах эффективного гражданского контроля»⁶; при этом общественное обсуждение в рамках «открытого правительства» «нормативных правовых и иных проектов государственных и муниципальных решений относится к современным, инновационным формам народовластия»⁷; «система “Открытое правительство” должна быть лучшим примером для деятельности всех органов государственной власти не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов РФ, на уровне муниципальных образований»⁸. Обращалось внимание, что «свойство открытости органов государственной власти должно использоваться для организации реординационных связей между этими органами (ведомствами) и субъектами гражданского общества»⁹.

Отметим, что за последние почти полтора десятилетия в регионах проведена огромная работа по внедрению и практическому воплощению механизмов «открытого правительства» (включая форматы «открытого управления», «открытого региона», «открытых министерств» и т.д.), что, несомненно, способствовало росту качества регионального уровня государственного управления. Но в перспективе *целесообразно активизировать усилия по дальнейшему практическому внедрению в субъектах Российской Федерации и муниципалитетах концепции открытого государственного и муниципального управления*. При этом такая работа должна проводиться на основе новых современных подходов, задаваемых ключевыми тенденциями в этой сфере, имеющими место на федеральном уровне.

В России ведется серьезнейшая работа по формированию, по сути, *новой культуры госу-*

дарственного управления, включающей в том числе открытость и готовность к постоянному диалогу с институтами гражданского общества, полную ориентированность на людей, ввиду чего и возникло наименование федерального проекта «Государство для людей», точно отражающее сущность этого проекта, вобравшего в себя в том числе и начала *клиентоцентричности* государственного управления, которые в настоящее время активно апробируются, внедряются и развиваются.

Так, согласно распоряжению Правительства от 27.12.2021 № 3878-р успешно был проведен в срок по 15 декабря 2022 г. эксперимент по апробации инструментов, обеспечивающих внедрение принципов клиентоцентричности в государственном управлении, в который, помимо ряда федеральных органов исполнительной власти, были вовлечены также органы исполнительной власти Московской, Тульской и Липецкой областей.

Согласно паспорту федерального проекта «Государство для людей» срок его реализации — с 1 января 2022 г. по 31 декабря 2030 г., и реализуется он во взаимосвязи с направлением (подпрограммой) «Развитие государственного управления» государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика». Федеральный проект, предполагающий, в частности, внедрение принципов и стандартов клиентоцентричности в органах власти и их подведомственных учреждениях, в целом должен существенно повлиять на достижение важных показателей вышеуказанной государственной программы¹⁰.

Реализация этого проекта — исключительно важная веха в развитии государственного

⁶ Дзидзоев Р. М. К вопросу об открытом правительстве в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 7. С. 35.

⁷ Дзидзоев Р. М., Тамаев А. М. Общественное (публичное) обсуждение проектов законодательных и иных нормативных правовых актов в формате открытого правительства // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 70.

⁸ Мартынов А. В. Система «Открытое правительство» как один из главных механизмов открытого государственного управления в России // Административное право и процесс. 2014. № 1. С. 23.

⁹ Нестеров А. В. Обсуждаем стандарт (концепцию) открытости «открытого правительства» // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 8. С. 7.

¹⁰ А именно таких показателей, как рост уровня удовлетворенности граждан Российской Федерации качеством предоставления государственных и муниципальных услуг и увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 %.

и муниципального управления в современной России, в связи с чем в предстоящие годы этому должно уделяться особое пристальное внимание.

Полагаем важным сформулировать и предложить к дальнейшему обсуждению в теоретических и практических аспектах следующие тезисы и предложения по предмету настоящего исследования:

— во-первых, как на теоретическом концептуальном уровне, так и в практической организационной плоскости открытое государственное и муниципальное управление в Российской Федерации как правовое и политическое явление состоялось, его идея реализована на практике и приносит несомненные позитивные результаты;

— во-вторых, реализация форматов открытого государственного и муниципального управления в сочетании с эволюцией контрольно-надзорной деятельности, общественного контроля дает синергетический эффект и существенно повышает доверие общества, граждан, бизнеса к системе органов публичной власти и их деятельности;

— в-третьих, исключительно важную роль в достижении указанных выше позитивных эффектов и практических результатов играет идущая в настоящее время нарастающими темпами всесторонняя цифровизация¹¹ контрольно-надзорной деятельности, государственного и муниципального управления в целом, ввиду чего данную тенденцию необходимо поддерживать и продолжать (в том числе в сфере общественного контроля, о чем мы пишем далее), делая соответствующие технологии и сервисы еще более понятными, доступными и удобными;

— в-четвертых, концепция и практика открытого государственного и муниципального управления должны получить повсеместное проникновение, в том числе в территориальном измерении публичной власти, то есть ее необходимо развивать (безусловно, с учетом

реальных финансовых, бюджетных возможностей и достигнутого уровня социально-экономического развития, разумными темпами) буквально во всех муниципальных образованиях страны (включая отдаленные и труднодоступные местности) и, конечно, на территориях новых субъектов Российской Федерации;

— в-пятых, формируемая и совершенствуемая в настоящее время новая философия государственного и муниципального управления должна включать в себя эффективное открытое управление и организацию контрольно-надзорной деятельности, основанную на выстраивании полноценной партнерской и сервисной модели такой деятельности; эта новая философия должна в полной мере воплощать эволюционирующие идеи клиентоцентричности и ключевые принципы концепции «Государство для людей».

Кроме того, представляется целесообразным и перспективным проработать в научно-теоретической и практической плоскостях вопрос о подготовке документа стратегического планирования, адресно ориентированного на дальнейшее повсеместное внедрение и развитие концепции открытого государственного и муниципального управления, а также, возможно, на его основе — более единообразных региональных стратегий развития форматов и механизмов «открытого правительства», «открытого региона», включающих системное практическое внедрение принципов и стандартов клиентоцентричности.

Заслуживающим особого рассмотрения в рамках обозначенных важных направлений развития является вопрос об актуальных перспективах дальнейшего совершенствования механизмов, способствующих повышению эффективности общественного контроля.

Общественный контроль и общественное участие в государственном управлении в целом в современном мире представляют собой исключительно значимый и действенный меха-

¹¹ В целом нельзя отрицать, что «важнейшей особенностью развития современных общественных отношений является их стремительная цифровизация. Практически все общественные отношения приобретают весомую информационную составляющую» (Гончаров И. В. Современные подходы к реализации прав человека в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 9. С. 99).

низм обеспечения системного конструктивного диалога государства и институтов гражданского общества, их стабильного партнерства (С. В. Степашин, например, в широком смысле говорит об общественном контроле как о важной форме государственно-частного партнерства¹²).

Общественное участие как весьма широкая категория правомерной и социально значимой деятельности граждан и их объединений включает в себя и общественный контроль, обладающий специальными, только ему присущими целями, задачами и принципами. В современных конституционно-правовых исследованиях общественное участие рассматривается в качестве вида конституционного правомерного поведения, при этом отмечается, что «общественное участие как вид конституционного правомерного поведения в широком смысле представляет собой проявление солидарности, единения, взаимодействия и сотрудничества»¹³. Согласимся с важностью рассмотрения данного явления через призму понятий единения, сотрудничества и отметим, что это в полной мере должно быть применимо и к сфере общественного контроля, который не должен противопоставляться деятельности государства, а напротив — конструктивно солидаризироваться, хотя и указывать при необходимости на недостатки и

пути их устранения, решения выявленных проблем.

Более того, общественный контроль, будучи абсолютно самоценным и социально значимым механизмом, должен усиливать общий позитивный эффект государственного и муниципального контроля для развития общества, обеспечения прав личности. Ранее мы с соавтором уже писали, что в сферах общественной жизни, где государственный контроль ослабляется, должен усиливаться общественный контроль, который могут эффективно осуществлять саморегулируемые организации¹⁴. В перспективе должен нарастать эффект взаимодополнения государственного и муниципального контроля, с одной стороны, и общественного контроля, с другой стороны, в различных сферах общественных отношений.

Важным также является вопрос о современных принципах регламентации общественного контроля, то есть ключевых подходах государства, прежде всего в лице федерального законодателя, к регулированию этого исключительно важного вида контроля.

С этой точки зрения важным принципом является ранее уже сформулированный нами конституционно-правовой принцип системного единства государственного, муниципаль-

Некоторые исследователи акцентируют внимание на непосредственной взаимосвязи открытого государственного и муниципального управления именно с цифровизацией, указывая на то, что эти явления в контексте цифровой трансформации воспринимаются как современный общемировой тренд развития государственного управления. В частности, отмечается, что «термины “открытое правительство”, “цифровое правительство”, “цифровая трансформация” стали одними из ключевых элементов публично-управленческого дискурса XXI в.» (Лихтин А. А. Трансформация государственного управления в условиях цифровизации // *Управленческое консультирование*. 2021. № 4. С. 20).

¹² См.: Степашин С. В. Общественный контроль: новая форма государственно-частного партнерства: тезисы выступления на конференции 20 сентября 2012 г. // *Государственный аудит*. Право. Экономика. 2012. № 4. С. 2–6.

¹³ См.: Титова Е. В. Общественное участие как конституционное правомерное поведение // *Конституционное и муниципальное право*. 2021. № 7. С. 30.

¹⁴ И отмечали, что данный опыт показал свою эффективность, в частности, при регулировании строительной деятельности или деятельности по техническому осмотру транспортных средств. Уход органов государственного контроля из указанных сфер не привел к возникновению негативных последствий для общества, а существенно облегчил деятельность юридических лиц и жизнь граждан (см.: Евсиков К. С., Спиридонов А. А. Повышение уровня защиты конституционных прав и свобод человека в свете реформы государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в Российской Федерации // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2018. № 3-2. С. 74).

ного и общественного контроля¹⁵. Он важен тем, что вся законодательная регламентация и практическая организация общественного контроля, контрольно-надзорной деятельности как таковой в стране должна строиться на общей, единой развивающейся конституционно-правовой ценностно-смысловой основе, перспективы дальнейшего совершенствования которой заслуживают самостоятельных серьезных научных исследований.

Непосредственно связанным с ним выступает принцип системного объединения усилий общества и государства в плоскости организации и осуществления общественного контроля, реализация которого дает значимый синергетический эффект, позволяя добиваться гораздо лучших позитивных результатов на благо граждан.

Принцип самоценности общественного контроля — законодатель, регулируя общественный контроль, исходит из того, что таковой выступает как самостоятельно значимая форма самоорганизации общественного участия, значимая сфера проявления общественного правосознания и правовой культуры, а также является вместе с государственным и муниципальным контролем исключительно важным системным компонентом единого механизма, служащего повышению качества государственного и муниципального управления, общественно-государственного диалога.

Принцип расширения возможностей для общественного контроля состоит, на наш взгляд, в том, что государство, прежде всего в лице законодателя, должно, последовательно совершенствуя правовое регулирование общественного контроля, предоставлять новые возможности (включая удобные и доступные сервисы, цифровые решения и т.п.) для более эффективной реализации гражданами и их объ-

единениями, институтами гражданского общества механизмов общественного контроля в различных сферах.

В рамках обозначенных выше перспективных направлений развития такое расширение возможностей состоит, на наш взгляд, в том числе в содействии цифровизации общественного контроля, которая является значимой составляющей общегосударственных приоритетов развития. Как справедливо отмечают С. М. Зубарев и А. В. Сладкова, «современное развитие Российского государства и общества характеризуется активным внедрением в экономику и государственное управление цифровых технологий»¹⁶.

Мы исходим из принципиального убеждения, что содействие со стороны государственных и муниципальных органов всестороннему информационно-аналитическому обеспечению общественного контроля, в том числе в аспекте развития информационных систем, удобных электронных площадок, то есть, по сути, дальнейшей всесторонней цифровизации общественного контроля, является не просто значимым фактором диалога с гражданским обществом, но и в полном смысле проявлением высокого качества государственного и муниципального управления, поскольку совершенствование современных форматов общественного контроля способствует достижению целей деятельности самих органов публичной власти на благо граждан.

Новые возможности должны предоставляться как отдельным гражданам, так и их объединениям. Так, по мнению В. В. Гриба, «основными участниками общественного контроля являются общественные объединения и иные негосударственные некоммерческие организации»¹⁷. Ввиду этого широкие практические возможности по доступу к удобным электронным площадкам, предназначенным к использованию в рамках

¹⁵ См. подробнее: Спирidonov A. A. Системное единство государственного контроля (надзора) и общественного контроля как конституционно-правовой принцип // Lex russica. 2022. Т. 75. № 6. С. 48–58.

¹⁶ Зубарев С. М., Сладкова А. В. О понятии и сущности цифровых технологий контроля в сфере государственного управления // Административное право и процесс. 2019. № 9.

¹⁷ Гриб В. В. Общественные объединения и иные негосударственные некоммерческие организации как участники общественного контроля: российский и зарубежный опыт // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 4. С. 3.

осуществления общественного контроля, должны предоставляться таким объединениям с целью их более активного вовлечения в конструктивный общественно-государственный диалог. Позволим себе в качестве примера упомянуть разработанный и принятый в свое время содержательный документ, работу по подготовке и принятию которого непосредственно координировал автор настоящих строк: постановление правительства Тульской области от 22.04.2014 № 209 «О программе совершенствования государственного управления в Тульской области “Открытый регион” на 2014–2016 годы»¹⁸. Еще в указанные годы в рамках реализации названной программы мы старались значительное внимание уделить удобным электронным площадкам, цифровым форматам взаимодействия институтов гражданского общества с региональными органами власти, в том числе для эффективного достижения целей общественного контроля. В настоящее же время, подчеркнем, с учетом непрерывного развития информационно-коммуникационных технологий, цифровых решений соответствующих возможностей становится всё больше и больше и такая тенденция будет продолжаться¹⁹, что необходимо рационально использовать.

В рамках высказанных общих идей для совершенствования общественного участия в целом и общественного контроля полагаем важным и перспективным в дальнейшем прорабатывать вопросы:

— развития рациональных и удобных правовых и организационных возможностей для направления гражданами обоснованных нормотворческих предложений на муниципальном, региональном и федеральном уровнях;

— всестороннего развития цифровизации общественного контроля (в идейной взаимосвязи с цифровизацией контрольно-надзорной деятельности).

Актуальной перспективой представляется *создание единого интернет-портала общественного контроля в нашей стране*.

Уже имеется ряд ресурсов, посвященных определенным сферам и аспектам общественного контроля, созданных отдельными общественными объединениями, иными органами и организациями. Примерами могут служить: сайт <http://www.public-control.ru>, посвященный общественному контролю за соблюдением требований в части контрактной системы в сфере закупок (его наполнение и актуальность, на наш взгляд, оставляют желать лучшего); сайт <https://spbkontrol.ru>, посвященный общественному контролю в сфере защиты прав потребителей в Санкт-Петербурге; сайты общественного контроля в отдельных муниципальных образованиях и т.д.

Весьма позитивным примером может служить портал проекта «Ваш контроль». Он «помогает сделать получение государственных и муниципальных услуг удобным и эффективным, приблизить их к нуждам и запросам граждан»²⁰. Исследователи анализируют опыт организации на федеральном уровне этого портала и проекта «Наша природа», а также цифрового проекта регионального уровня — проекта города Москвы «Активный гражданин», отмечают их сильные стороны, их перспективность²¹.

Вместе с тем действительно *общероссийской* площадки, которая бы аккумулировала информацию об осуществляемом на разных уровнях и в разных сферах общественном контроле в мас-

¹⁸ Сборник правовых актов Тульской области и иной официальной информации // URL: <http://npatula.ru>. 23.04.2014.

¹⁹ Согласимся, что «сегодня цифровая трансформация активно встраивается в процессы общественного контроля, наибольшее влияние оказывая на его формы и методы. Можно прогнозировать, что темпы использования цифровых технологий в общественном контроле будут только нарастать» (Лисина Н. С. Цифровая трансформация и общественный контроль: перспективы влияния // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 6. С. 39).

²⁰ См.: портал «Ваш контроль». URL: <https://vashkontrol.ru/about> (дата обращения: 25.12.2022).

²¹ См. подробно: Лисина Н. С. Цифровая трансформация и общественный контроль... С. 32–40.

штабах всей страны, имела бы единое удобное для пользователей обеспечение, на наш взгляд, в настоящее время недостает²².

Ввиду этого представляется заслуживающим практической проработки вопрос о развитии единой цифровой площадки общественного контроля, которая предоставляла бы широкие удобные возможности и к которой имелся бы доступ у всех заинтересованных участников общественного контроля.

Таковой мог бы стать единый интернет-портал общественного контроля в Российской Федерации (условно назовем его порталом «общественный контроль.рф»).

Представляется, что основную функцию по координации от лица институтов гражданского общества работы подобного портала могла бы выполнять Общественная палата Российской Федерации. Это соответствует целям ее деятельности (согласно ст. 2 Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»²³ Общественная палата призвана обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан, общественных объединений, иных некоммерческих организаций, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан, конституционного строя России и демократических принципов развития гражданского общества, в том числе путем привлечения граждан, общественных объединений и иных некоммерческих организаций; осуществления общественного контроля за деятельностью Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Федерации и органов местного само-

управления, а также за соблюдением свободы слова в средствах массовой информации).

Для этого в названный закон целесообразно было бы внести соответствующие изменения, установив нормы, прямо закрепляющие участие Общественной палаты в такой работе, конечно, совместно с федеральными органами исполнительной власти, которые должны будут (по поручению Правительства) обеспечить необходимую правовую, методическую и техническую поддержку в организации функционирования портала. Как нам видится, такими органами являются Минэкономразвития России и Минцифры России.

Можно предложить изменения в Федеральном законе «Об Общественной палате Российской Федерации»:

1) пункт 4 ст. 2 изложить в следующей редакции:

«4) осуществления в соответствии с настоящим Федеральным законом общественного контроля (контроля) за деятельностью Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, за соблюдением свободы слова в средствах массовой информации, а также оказания информационной, методической и иной поддержки в развитии механизмов общественного контроля в Российской Федерации, включая участие в обеспечении функционирования единого портала общественного контроля в Российской Федерации;»;

2) наименование и часть 1 ст. 27 изложить в следующей редакции:

«Информационное обеспечение деятельности Общественной палаты. Участие Общественной палаты в обеспечении функционирования единого интернет-портала обще-

²² Неслучайно на это обращают внимание исследователи. К примеру, уже процитированная нами Н. С. Лисина пишет о том, что «представляется необходимым создание единой цифровой платформы общественного контроля как инструмента, объединяющего на одной площадке и на единой правовой и организационной основе различные возможности для общества по осуществлению общественного контроля с использованием цифровых технологий» (Лисина Н. С. Перспективы создания единой цифровой платформы общественного контроля: нормативно-правовой аспект // Молодой ученый. 2022. № 43 (438). С. 124–125).

²³ СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.

ственного контроля в Российской Федерации. Информирование общественности о деятельности Общественной палаты.

1. Для информационного обеспечения деятельности Общественной палаты, а также для обеспечения доступа граждан и организаций к информации о ее деятельности аппаратом Общественной палаты создается и поддерживается сайт Общественной палаты в международной компьютерной сети “Интернет”, а также поддерживаются иные информационные ресурсы, имеющиеся в распоряжении Общественной палаты.

В рамках своей компетенции Общественная палата и аппарат Общественной палаты участвуют в обеспечении функционирования единого портала общественного контроля в Российской Федерации во взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти, уполномоченными Правительством Российской Федерации на осуществление функций по правовому, организационно-техническому и методическому обеспечению функционирования указанного единого портала».

В свою очередь, участвовать на уровне субъектов Федерации и муниципалитетов в наполнении, поддержании в актуальном состоянии и обеспечении функционирования указанного единого портала должны общественные палаты субъектов Федерации; общественные палаты (советы) муниципальных образований; общественные советы при законодательных и исполнительных органах государственной власти субъектов Федерации, другие субъекты общественного контроля и институты гражданского общества.

Изложенные тезисы и предложения, на наш взгляд, заслуживают дальнейшего всестороннего научно-теоретического и практического обсуждения. Представляется, что их реализация могла бы служить гармонизации системного регулирования общественного контроля в его единстве с государственным и муниципальным контролем, а также повышению эффективности открытого государственного и муниципального управления, реализации ключевых идей концепции «Государство для людей».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гончаров И. В. Современные подходы к реализации прав человека в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 9.
2. Гриб В. В. Общественные объединения и иные негосударственные некоммерческие организации как участники общественного контроля: российский и зарубежный опыт // Гражданское общество в России и за рубежом. — 2015. — № 4.
3. Гриб В. В. Правовые вопросы институционализации взаимодействия гражданского общества и органов государственной власти // Российская юстиция. — 2011. — № 3.
4. Гриб В. В. Правовые проблемы институализации гражданского общества в России // История государства и права. — 2010. — № 7.
5. Дзидзоев Р. М. К вопросу об открытом правительстве в России // Государственная власть и местное самоуправление. — 2013. — № 7.
6. Дзидзоев Р. М., Тамаев А. М. Общественное (публичное) обсуждение проектов законодательных и иных нормативных правовых актов в формате открытого правительства // Конституционное и муниципальное право. — 2015. — № 8.
7. Дидикин А. Б. «Открытое правительство» в механизме взаимодействия гражданского общества и государства: формирование правовой модели и ее противоречия // Гражданское общество в России и за рубежом. — 2013. — № 1.
8. Евсиков К. С., Спиридонов А. А. Повышение уровня защиты конституционных прав и свобод человека в свете реформы государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в Российской Федерации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2018. — № 3-2.

9. Зубарев С. М., Сладкова А. В. О понятии и сущности цифровых технологий контроля в сфере государственного управления // Административное право и процесс. — 2019. — № 9.
10. Кирьянов А. Ю. Проблемы реализации общественного контроля в условиях цифровой экономики // Право и цифровая экономика. — 2021. — № 4 (14).
11. Лисина Н. С. Перспективы создания единой цифровой платформы общественного контроля: нормативно-правовой аспект // Молодой ученый. — 2022. — № 43 (438).
12. Лисина Н. С. Цифровая трансформация и общественный контроль: перспективы влияния // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 6.
13. Лихтин А. А. Трансформация государственного управления в условиях цифровизации // Управленческое консультирование. — 2021. — № 4.
14. Мартынов А. В. Система «Открытое правительство» как один из главных механизмов открытого государственного управления в России // Административное право и процесс. — 2014. — № 1.
15. Нестеров А. В. Обсуждаем стандарт (концепцию) открытости «открытого правительства» // Государственная власть и местное самоуправление. — 2015. — № 8.
16. Спирidonov A. A. Системное единство государственного контроля (надзора) и общественного контроля как конституционно-правовой принцип // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 6.
17. Степашин С. В. Общественный контроль: новая форма государственно-частного партнерства: тезисы выступления на конференции 20 сентября 2012 г. // Государственный аудит. Право. Экономика. — 2012. — № 4.
18. Степашин С. В., Двуреченских В. А., Чегринцев Е. А., Чернавин Ю. А. Власть — демократия — контроль. — М., 2005.
19. Титова Е. В. Общественное участие как конституционное правомерное поведение // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 7.

Материал поступил в редакцию 25 декабря 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Goncharov I. V. Sovremennye podkhody k realizatsii prav cheloveka v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestvennykh otnosheniy // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2019. — № 9.
2. Grib V. V. Obshchestvennye obedineniya i inye negosudarstvennye nekommercheskie organizatsii kak uchastniki obshchestvennogo kontrolya: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom. — 2015. — № 4.
3. Grib V. V. Pravovye voprosy institutsionalizatsii vzaimodeystviya grazhdanskogo obshchestva i organov gosudarstvennoy vlasti // Rossiyskaya yustitsiya. — 2011. — № 3.
4. Grib V. V. Pravovye problemy instutualizatsii grazhdanskogo obshchestva v Rossii // Istoriya gosudarstva i prava. — 2010. — № 7.
5. Dzidzoev R. M. K voprosu ob otkrytom pravitelstve v Rossii // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie. — 2013. — № 7.
6. Dzidzoev R. M., Tamaev A. M. Obshchestvennoe (publichnoe) obsuzhdenie proektov zakonodatelnykh i inykh normativnykh pravovykh aktov v formate otkrytogo pravitelstva // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2015. — № 8.
7. Didikin A. B. «Otkrytoe pravitelstvo» v mekhanizme vzaimodeystviya grazhdanskogo obshchestva i gosudarstva: formirovanie pravovoy modeli i ee protivorechiya // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom. — 2013. — № 1.

8. Evsikov K. S., Spiridonov A. A. Povyshenie urovnya zashchity konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka v svete reformy gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i munitsipalnogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. — 2018. — № 3-2.
9. Zubarev S. M., Sladkova A. V. O ponyatii i sushchnosti tsifrovyykh tekhnologiy kontrolya v sfere gosudarstvennogo upravleniya // Administrativnoe pravo i protsess. — 2019. — № 9.
10. Kiryanov A. Yu. Problemy realizatsii obshchestvennogo kontrolya v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki // Pravo i tsifrovaya ekonomika. — 2021. — № 4 (14).
11. Lisina N. S. Perspektivy sozdaniya edinoy tsifrovoy platformy obshchestvennogo kontrolya: normativno-pravovoy aspekt // Molodoy uchenyy. — 2022. — № 43 (438).
12. Lisina N. S. Tsifrovaya transformatsiya i obshchestvennyy kontrol: perspektivy vliyaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — T. 17. — № 6.
13. Likhtin A. A. Transformatsiya gosudarstvennogo upravleniya v usloviyakh tsifrovizatsii // Upravlencheskoe konsultirovanie. — 2021. — № 4.
14. Martynov A. V. Sistema «Otkrytoe pravitel'stvo» kak odin iz glavnykh mekhanizmov otkrytogo gosudarstvennogo upravleniya v Rossii // Administrativnoe pravo i protsess. — 2014. — № 1.
15. Nesterov A. V. Obsuzhdaem standart (kontseptsiyu) otkrytosti «otkrytogo pravitel'stva» // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie. — 2015. — № 8.
16. Spiridonov A. A. Sistemnoe edinstvo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i obshchestvennogo kontrolya kak konstitutsionno-pravovoy printsip // Lex russica. — 2022. — T. 75. — № 6.
17. Stepashin S. V. Obshchestvennyy kontrol: novaya forma gosudarstvenno-chastnogo partnerstva: tezisyy vystupleniya na konferentsii 20 sentyabrya 2012 g. // Gosudarstvennyy audit. Pravo. Ekonomika. — 2012. — № 4.
18. Stepashin S. V., Dvurechenskikh V. A., Chegrinets E. A., Chernavin Yu. A. Vlast — demokratiya — kontrol. — M., 2005.
19. Titova E. V. Obshchestvennoe uchastie kak konstitutsionnoe pravomerno povedenie // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2021. — № 7.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.045-055

Т. А. Тухватуллин*,
А. Е. Русецкий**

Противодействие коррупции в организациях: неопределенность закона в вопросе необходимого и достаточного набора профилактических мер и лучшие антикоррупционные практики российских компаний

Аннотация. Статья содержит разбор недостатков ст. 13.3 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», устанавливающих обязанность организаций принимать меры по предупреждению коррупции. Правовая конструкция ч. 1 и 2 ст. 13.3 данного Закона не согласована между собой, что затрудняет исполнение заложенных законодателем требований. Фактически императивность ч. 1 статьи нивелируется диспозитивностью ч. 2, притом что по смыслу обе части взаимосвязаны. Вместе с тем на стадии правоприменения как у самих организаций, так и прокуроров, осуществляющих надзор за исполнением организациями антикоррупционного законодательства, имеется неопределенность относительно необходимого и достаточного набора принятых мер, приведенных в ч. 2 ст. 13.3 Федерального закона «О противодействии коррупции». Анализируются используемые российскими организациями способы обеспечения исполнения законодательных требований в условиях правовой неопределенности формулировок. Приводятся лучшие практики в области противодействия коррупции, применяемые в орга-

© Тухватуллин Т. А., Русецкий А. Е., 2023

* *Тухватуллин Тимур Анварович*, ведущий эксперт Научно-учебного центра противодействия коррупции Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, начальник отдела правового обеспечения Управления комплаенса АНО «Московская дирекция транспортного обслуживания»
просп. Вернадского, д. 82, г. Москва, Россия, 119571
timurthn@mail.ru

** *Русецкий Александр Евгеньевич*, директор Научно-учебного центра противодействия коррупции Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, председатель Совета по развитию антикоррупционного комплаенса и деловой этики Торгово-промышленной палаты Российской Федерации
просп. Вернадского, д. 82, г. Москва, Россия, 119571
rusetskiy-ae@ranepa.ru

низациях. Предлагаются варианты совершенствования нормативно-правового регулирования механизмов предупреждения коррупции в организациях.

Ключевые слова: противодействие коррупции в организациях; меры по предупреждению коррупции в организациях; лучшие практики противодействия коррупции в организациях; антикоррупционный комплаенс; совершенствование антикоррупционного законодательства; лучшие антикоррупционные практики в организациях; закон о противодействии коррупции; ответственные подразделения в организациях; антикоррупционная горячая линия; конфликт интересов; система менеджмента противодействия коррупции.

Для цитирования: Тухватуллин Т. А., Русецкий А. Е. Противодействие коррупции в организациях: неопределенность закона в вопросе необходимого и достаточного набора профилактических мер и лучшие антикоррупционные практики российских компаний // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 5. — С. 45–55. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.045-055.

Countering Corruption in Organizations: Uncertainty of the Law on Necessary and Sufficient Preventive Measures and the Best Anti-Corruption Practices in Russian Companies

Timur A. Tukhvatullin, Leading expert, Anti-Corruption Research and Training Center, Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Head of the Legal Support Department, Compliance Department, Moscow Directorate of Transport Services
prosp. Vernadskogo, d. 82, Moscow, Russia, 119571
timurthn@mail.ru

Aleksandr E. Rusetskiy, Director, Anti-Corruption Research and Training Center, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Chairman of the Council for the Development of Anti-Corruption Compliance and Business Ethics, Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation
prosp. Vernadskogo, d. 82, Moscow, Russia, 119571
rusetskiy-ae@ranepa.ru

Abstract. The paper analyzes the shortcomings of Article 13.3 of the Federal Law «On Combating Corruption» that oblige organizations to take measures to prevent corruption. The legal design of Parts 1 and 2 of Article 13.3 of the Anti-Corruption Law are not coordinated with each other, which makes it difficult to fulfill the requirements laid down by the legislator. In fact, the imperativeness of Part 1 of the article is offset by dispositivity of Part 2, despite the fact that both parts are interrelated in meaning. At the same time, at the stage of law enforcement, both the organizations themselves and the prosecutors overseeing the implementation of anti-corruption legislation by organizations are uncertain about the necessary and sufficient set of the measures that are provided in Part 2 of Article 13.3 of the Anti-Corruption Law. The authors analyze the methods used by Russian organizations to ensure compliance with legislative requirements in the conditions of legal uncertainty of formulations. The paper gives the examples of the best practices in the field of anti-corruption applied in organizations. The authors propose the options for improving the normative and legal regulation of mechanisms for preventing corruption in organizations.

Keywords: anti-corruption in organizations; measures to prevent corruption in organizations; best practices of anti-corruption in organizations; anti-corruption compliance; improvement of anti-corruption legislation; best anti-corruption practices in organizations; anti-corruption law; responsible units in organizations; anti-corruption hotline; conflict of interests; anti-corruption management system.

Cite as: Tukhvatullin TA, Rusetskiy AE. Protivodeystvie korruptsiii v organizatsiyakh: neopredelennost zakona v voprose neobkhdimogo i dostatochnogo nabora profilakticheskikh mer i luchshie antikorrupsionnye praktiki rossiyskikh kompaniy [Countering Corruption in Organizations: Uncertainty of the Law on Necessary and Sufficient Preventive Measures and the Best Anti-Corruption Practices in Russian Companies]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(5):45-55. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.045-055. (In Russ., abstract in Eng.).

Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — Закон о противодействии коррупции) с момента его принятия и государственная антикоррупционная политика на начальном этапе «идентифицировали» коррупционные проявления исключительно в деятельности публичных органов и должностных лиц. Лишь с января 2013 г. вступила в силу статья 13.3 Закона о противодействии коррупции¹, вовлекающая в процесс противодействия коррупции организации, независимо от их организационно-правовых форм, юридической природы собственности и отраслевой принадлежности.

Изначальная редакция названной нормы закона за период своего действия (без малого 10 лет) остается неизменной, что в условиях динамичности российской правовой системы и интенсивного развития антикоррупционного законодательства является неординарным случаем. С чем это может быть связано? С абсолютным совершенством данной правовой нормы или неопределенностью позиции регулятора? Попытаемся найти ответ на этот вопрос.

В чем неопределенность статьи 13.3 Закона о противодействии коррупции?

Правовая конструкция ч. 1 и 2 ст. 13.3 Закона о противодействии коррупции не согласована

между собой, что затрудняет исполнение заложенных законодателем требований. На данный нормативный дефект представители научного сообщества указывали практически сразу после введения ее в действие². Фактически императивность ч. 1 статьи нивелируется диспозитивностью ч. 2, притом что по смыслу обе эти части взаимосвязаны.

Так, часть 1 ст. 13.3 Закона о противодействии коррупции представляет собой четкую правовую конструкцию и носит категорический характер, обусловленный невозможностью отступления субъектов правоотношений от нормативно-правового веления, формулируя единственно возможный вариант поведения организации — разработать и принять меры по предупреждению коррупции³. Часть 2 этой же статьи содержит перечень вариантов мер по предупреждению коррупции, предоставляя организациям самостоятельно определять вектор реализации требований ч. 1 рассматриваемой статьи.

По мнению академика Т. Я. Хабриевой, законодатель таким образом планировал обеспечить учет инициативы и волеизъявления организаций при выборе конкретных мер по противодействию коррупции⁴. Однако, на наш взгляд, на практике подобный подход законодателя зачастую приводит к формальному исполнению организациями установленной законом обязанности путем принятия одной из предложенных мер, что фактически не позволяет обеспечить

¹ Федеральный закон от 03.12.2012 № 231-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам”» // СЗ РФ. 2012. № 50. Ст. 6954.

² Григорьев В. В. Комментарий к Федеральному закону от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс», 2013.

³ Цирин А. М. Проблемы совершенствования статьи 13.3 Федерального закона о противодействии коррупции и научно-методического обеспечения ее применения : тезисы выступления на конференции Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Участие организаций в противодействии коррупции» (Москва, 16–17 сентября 2019 г.) // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/documents/1664002/54953139/%D0%A6%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%BD.pdf/b6a739b4-7775-ff70-da64-935984f5c31a?t=1603716293269> (дата обращения: 03.07.2022).

⁴ Хабриева Т. Я. Противодействие коррупции в организациях: международные и национальные стандарты // Противодействие коррупции в организациях: международные и национальные стандарты : материалы Девятого Евразийского антикоррупционного форума (Москва, 15 апреля 2020 г.) / ред. кол. Т. Я. Хабриева, И. И. Кучеров, А. М. Цирин, С. Н. Матулис ; ИЗИСП при Правительстве РФ. М. : Юриспруденция, 2021. С. 25.

эффективную защиту организации от возможных проявлений коррупции.

Демократический подход законодателя оправдан в случае, если правовая конструкция позволяет реализовать законоположения без единого сомнения в правильности и полноте мер, принятых во исполнение такого требования.

Вместе с тем на стадии правоприменения и у самих организаций, и у прокуроров, осуществляющих надзор за исполнением организациями антикоррупционного законодательства, имеется неопределенность относительно необходимого и достаточного набора принятых мер, приведенных в ч. 2 ст. 13.3 Закона о противодействии коррупции.

Конструкция нормы не дает понимания, в случае реализации каких из перечисленных мер требование ч. 1 организацией считается исполненным. Достаточно ли для признания того, что в организации приняты антикоррупционные меры, принятия в организации, например, только кодекса этики и служебного поведения работников или положения о предотвращении и урегулировании конфликта интересов? Имеется ли у прокурора основание для внесения руководителю организации представления об устранении нарушений требований ст. 13.3 Закона о противодействии коррупции в случае принятия требуемого локального нормативного акта, но при отсутствии подтверждения об ознакомлении с ним работников организации?

В обоих случаях формально требования закона выполнены, следовательно, оснований для прокурорского вмешательства нет, однако мера фактически не может выполнять профилактическую антикоррупционную функцию в организации, поскольку элементарно не доведена до сведения правоприменителей и не встроена в ее антикоррупционную систему управления. С этой точки зрения необходимо уточнение правового механизма реализации требований ст. 13.3 Закона о противодействии коррупции.

Рекомендации Минтруда России по разработке и принятию организациями мер по пред-

упреждению и противодействию коррупции⁵, нацеленные на разъяснение порядка исполнения требований ст. 13.3 Закона о противодействии коррупции, со всей очевидностью также требуют актуализации в части конкретизации их правоприменительной составляющей. Они содержат рекомендации, в том числе относительно принятия в организациях локальных нормативных актов. Большой ценностью в этой связи для организаций, внедряющих систему управления противодействием коррупцией, могли бы стать разработанные Минтрудом России и опубликованные на сайте ведомства шаблоны типовых локальных нормативных актов.

Практика реализации организациями требований ст. 13.3 Закона о противодействии коррупции в условиях ее неопределенности

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что полноценную систему противодействия коррупции чаще всего способны построить лишь крупные участники российского рынка. Внедрение и содержание антикоррупционной системы в любой организации достаточно затратное мероприятие, реализуемое при наличии — помимо финансовой составляющей — поддержки со стороны руководства организации, обусловленной прежде всего пониманием потенциальных коррупционных рисков и негативных последствий для организации.

По справедливому мнению И. Ю. Грековой, проблемы в области нормативно-правового соответствия в антикоррупционной сфере могут привести к ущербу репутации, оттоку клиентов и большим штрафам для организаций, а также негативным последствиям для топ-менеджмента⁶. Так, наряду с корпоративными, коммерческими и производственными рисками, серьезным драйвером для принятия действенных профилактических мер в организациях выступает ответственность по ст. 19.28 КоАП РФ, предусма-

⁵ URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programs/anticorruption/015/0> (дата обращения: 12.07.2022).

⁶ Грекова И. Ю. Подготовка кадров в области антикоррупционного комплаенса // URL: https://org.tpprf.ru/of/council_komplaens/opinion/2346692/ (дата обращения: 11.07.2022).

тривающая крупный административный штраф⁷ за незаконное вознаграждение от имени или в интересах юридического лица.

В качестве примера служит наложенный судом на авиакомпанию ООО «Ай Флай» штраф в размере 21,6 млн руб. за дачу генеральным директором перевозчика взятки представителю Росавиации на общую сумму более 2 млн руб. за организацию выдачи разрешений на разовые полеты международных чартерных сезонных рейсов. Дело о незаконном вознаграждении от имени юридического лица в крупном размере (ч. 2 ст. 19.28 КоАП РФ) было возбуждено Генпрокуратурой России по материалам уголовного дела о взяточничестве⁸.

Перспектива получения таких штрафов, сулящая одновременно с этим запрет на участие в закупках для государственных и муниципальных нужд на протяжении 2 лет⁹, мотивирует крупных игроков, дорожащих деловой репутацией, к внедрению в свою деятельность комплексных и эффективных антикоррупционных систем.

В сложившихся условиях корпорации и крупные коммерческие организации в целях предупреждения коррупции активно применяют инструменты в виде национальных отраслевых и межотраслевых правил и стандартов, фактически играющих роль саморегулируемых организаций и оценивающих эффективность системы управления противодействием коррупции в организациях.

К их числу можно отнести Антикоррупционную хартию российского бизнеса¹⁰, направлен-

ную на внедрение в сферу бизнеса антикоррупционных стандартов, процедур внутреннего контроля, этических норм и процедур антикоррупционного комплаенса¹¹. Присоединение к Антикоррупционной хартии происходит в заявительном порядке с последующим общественным или экспертным подтверждением эффективности функционирования системы противодействия коррупции. Другим отечественным инструментом является Антикоррупционный рейтинг российского бизнеса¹², формируемый Российским союзом промышленников и предпринимателей. Ряд организаций идут по пути добровольного выстраивания антикоррупционной комплаенс-системы на основе требований международного стандарта ISO 37001:2016 «Системы менеджмента противодействия взяточничеству».

Всё больше компаний присоединяются к таким инициативам, поскольку они являются более действенными в отношении добровольных активностей организаций по противодействию коррупции, особенно когда значительно повышаются ожидания и требования общества к социально ответственному поведению организации¹³.

Вместе с тем любая активность вне рамок самой организации, включая общественное подтверждение, рейтингование или сертификацию системы антикоррупционного комплаенса, требует финансовых и административных ресурсов. Однако не все компании могут и хотят нести какие-либо расходы.

⁷ Сумма потенциального штрафа кратна размеру незаконного вознаграждения, но не может быть меньше 1 млн руб. Сумма вознаграждения, превышающая 1 млн руб., влечет наложение штрафа до 30-кратного ее размера, но не менее 20 млн руб., а при незаконном вознаграждении более 20 млн руб. сумма штрафа варьируется от 100 млн руб. до 2 млрд руб.

⁸ URL: <https://www.interfax.ru/russia/662035> (дата обращения: 15.07.2022).

⁹ См.: п. 7.1 ч. 1 ст. 31 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

¹⁰ URL: <https://ach.tpprf.ru/> (дата обращения: 03.07.2022).

¹¹ *Таут С. В., Овечкина М. А.* Антикоррупционный комплаенс как инструмент профилактики правовых рисков и эффективной защиты имущественных прав компаний /// *Имущественные отношения в Российской Федерации.* 2021. № 3. С. 103.

¹² URL: <http://against-corruption.ru/rating/> (дата обращения: 03.07.2022).

¹³ *Снежко С. В., Ахметшин И. М.* Организации как субъекты противодействия коррупции // *Противодействие коррупции в организациях: международные и национальные стандарты.* С. 152.

В создавшихся условиях назрела необходимость вмешательства государственного регулятора в целях законодательного определения четких, простых и, безусловно, не требующих финансовых затрат общеобязательных элементов системы управления противодействием коррупции в организациях. При этом должно быть учтено немало факторов и критериев установления в организациях обязательных антикоррупционных требований на основе риск-ориентированного подхода.

Примеры лучших практик противодействия коррупции в организациях

Регулятор, возможно признавая необходимость корректировки положений ст. 13.3 Закона о противодействии коррупции и преследуя цель их актуализации, в Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы¹⁴ (п. 24) предусмотрел подготовку обзора лучших практик в области противодействия коррупции в организациях, осуществляющих деятельность в частном секторе экономики.

Подготовленный Торгово-промышленной палатой России в рамках указанного мероприятия Обзор¹⁵ включает примеры эффективной антикоррупционной деятельности более 40 крупных российских организаций и их объединений, которые иллюстрируют основные элементы антикоррупционной системы.

Высокая научно-практическая значимость, своевременность и актуальность подготовленного Обзора позволили провести исследование рассматриваемой правовой проблемы, итоги которой представлены в настоящей статье.

Содержательно первая часть Обзора, раскрывающая основу построения системы внутрикорпоративного антикоррупционного комплаенса в организациях, опирается на базовый элемент любой системы управления — локальное нор-

мативное регулирование, четко регламентирующее правила и процедуры работы данной системы в организации, цели, методы и способы ее антикоррупционной деятельности.

Перечень принимаемых в организациях нормативных документов неодинаков. В одних компаниях он представлен политиками в области комплаенса, по противодействию коррупции и взяточничеству, о подарках и знаках делового гостеприимства, по благотворительности и спонсорской деятельности; кодексами этики, делового поведения, поставщика. Другие компании исходят из принципа «кодифицирования» локальных нормативных актов, когда по вопросам антикоррупционного комплаенса в организации принимается один документ, охватывающий все требуемые вопросы антикоррупционного комплаенса и деловой этики.

Независимо от формы локального регулирования — один или несколько документов — перечень вопросов, подлежащих регулированию, примерно одинаков и направлен на упорядочение и регламентацию процедур, связанных с основными рисками в деятельности любой организации. К примеру, в целях повышения уровня антикоррупционной культуры и, как следствие, минимизации риска совершения коррупционного правонарушения большинство организаций и внутри компании, и в среде своих бизнес-партнеров практикуют включение во все договоры (вне зависимости от того, кто инициирует его заключение) антикоррупционных оговорок.

Признается также обязательность локальных нормативных актов, регламентирующих порядок взаимодействия с деловыми партнерами, поскольку, независимо от осуществления коммерческой или некоммерческой деятельности, любая организационная модель предполагает наличие административно-хозяйственных связей, проверка легитимности которых — одна из основных задач комплаенс-системы.

¹⁴ Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // СЗ РФ. 2021. № 34. Ст. 6170.

¹⁵ Обзор лучших практик в области противодействия коррупции в организациях, осуществляющих деятельность на территории России // URL: https://org.tpprf.ru/upload/iblock/1cd/Обзор_лучших_практик_российских_компаний_в_области_противодействия_коррупции.pdf (дата обращения: 03.07.2022).

Другим, не менее важным вопросом, требующим нормативного регулирования, является мониторинг, выявление, предупреждение и предотвращение конфликта интересов. Работа в данном направлении организована практически в каждой организации в различной степени интенсивности и эффективности. В некоторых обеспечено распространение культуры управления конфликтом интересов на все сферы деятельности компании, что является наиболее приемлемой моделью с точки зрения абсолюта антикоррупционного мониторинга и контроля процессов в организации.

Взаимосвязан с вопросом конфликта интересов, в смысле важности и обязательности, институт оценки коррупционных рисков. Непрерывность процесса борьбы с коррупционными проявлениями свойственна работе по выявлению и периодической оценке коррупционных рисков. Определить потенциально уязвимые области и выявить коррупционные риски позволяет система оценки рисков, которая включает шкалу ранжирования (разграничения), носит постоянный характер и в обязательном порядке включает процедуру переоценки ранее выявленных коррупционных рисков.

В частности, в одной из компаний на основании матрицы рисков и контрольных процедур разработана скоринговая модель, имеющая расширенный набор бизнес-процессов, риск-образующих факторов, ключевых индикаторов риска, контрольных процедур и систему оценки эффективности комплаенс-процедур в бизнес-процессах. Данная модель с применением единых количественных показателей позволила в сжатые сроки и без привлечения дополнительных специалистов масштабировать комплаенс-систему корпоративного центра на дочерние общества. В других организациях разработаны и применяются собственные методики оценки рисков.

Немаловажным фактором выявления, предотвращения и минимизации коррупционных рисков является выработка и внедрение процедур и механизмов внутреннего контроля. Несмотря на то что система внутрикорпоративного антикоррупционного комплаенса формируется организациями самостоятельно, любая из них

в обязательном порядке должна обеспечивать функции мониторинга и оценки ее эффективности (внутренней или внешней независимой оценки работоспособности системы). В качестве последней выступают в том числе упомянутые ранее национальные и отраслевые корпоративные саморегуляторы — Антикоррупционная хартия российского бизнеса и Антикоррупционный рейтинг российского бизнеса. Многие организации, особенно связанные транснациональными обязательствами, прибегают к системе международной добровольной сертификации внедренных комплаенс-процедур.

Применение любого из названных способов свидетельствует о стремлении организации построить эффективную систему противодействия коррупции, направленную на минимизацию рисков коррупционных проявлений, способных нанести ущерб деятельности компании, ее собственников и контрагентов.

Базовым элементом антикоррупционной комплаенс-системы является обучение и правовое просвещение. Принятие локальных нормативных актов не гарантирует защиту организации от совершения ее работниками коррупционных правонарушений. «Бумажный комплаенс» не обеспечивает фактическую защиту организаций от коррупционных проявлений и не исключает внесение актов прокурорского реагирования. По этой причине основная задача ответственного подразделения в рамках обучающих и просветительских мероприятий — донести требования принятых актов и законодательства о противодействии коррупции до каждого члена коллектива организации, а также до деловых партнеров и иных лиц, взаимодействующих с компанией. Цель подобного рода мероприятий — обеспечить возможность осознания каждым работником (независимо от занимаемой должности), что в рамках профессиональной деятельности любой может столкнуться с коррупционными проявлениями и к наступлению такого момента следует быть готовым и нужно четко понимать механизм действий, урегулированных законодательством и локальной нормативной базой организации.

Обзор содержит наиболее яркие примеры антикоррупционного обучения и правового про-

свещения, внедренные в деятельность компаниями, представляющими различные отрасли экономики и сферы экономической деятельности: от деловых игр, конкурсов и других аналогичных неформальных активностей до собственных корпоративных институтов антикоррупционного обучения и просвещения.

«Риск как явление практики требует от нас формирования способов их предотвращения и борьбы с ними. В этом отношении современные цифровые технологии могут оказать существенное содействие»¹⁶. В условиях всеобщей цифровизации и автоматизации отдельный раздел Обзора посвящен вопросам применения цифровых платформ и иных программных продуктов в системе антикоррупционного комплаенса.

Одним организациям удалось, например, автоматизировать отдельные комплаенс-процессы: работу горячей линии и обратной связи, правовое просвещение и обучение, проверку контрагентов, мониторинг и выявление конфликта интересов, оценку коррупционных рисков. Другие идут по более амбициозному пути — автоматизации всей системы управления противодействием коррупции в компании или целой отрасли.

Внедрение в целях противодействия коррупции инновационных практик, элементов искусственного интеллекта в бизнес-процессы направлено прежде всего на минимизацию потенциальных коррупционных рисков, исключение влияния на принятие решений человеческого фактора. В этой связи дальнейшая цифровизация систем антикоррупционного комплаенса видится не только необходимым, но и неизбежным процессом в ближайшем будущем.

В Обзоре на конкретных примерах российских компаний иллюстрируется значимость и эффективность отраслевого регулирования антикоррупционной деятельности. Уверены,

что деятельность по противодействию коррупции по аналогии с любым коммерческим процессом при масштабировании с соблюдением ряда условий не теряет, а приобретает дополнительную эффективность, минимизируя при этом объем затрат. Такой подход обуславливает жизнеспособность и целесообразность систем отраслевого регулирования.

Предложения по совершенствованию правовой конструкции ст. 13.3 Закона о противодействии коррупции

В целях единообразного подхода к построению эффективной и работоспособной системы управления противодействием коррупции во всех организациях представляется целесообразным внесение изменений в положения ст. 13.3 Закона о противодействии коррупции путем их конкретизации. Это позволит синхронизировать правоприменителей с обеих сторон — организации, обязанные исполнять требования закона, и контрольно-надзорные органы, оценивающие исполнение этих требований.

Предлагается расширить перечень содержащихся в ч. 2 ст. 13.3 Закона о противодействии коррупции антикоррупционных мер с одновременным разграничением обязательного и необходимого к принятию набора таких мер. Обязательные и необходимые для принятия меры предлагается разделить на две группы: для всех организаций и для организаций с государственным участием¹⁷. Настоящая редакция ч. 2 ст. 13.3 разграничения организаций не предусматривает, содержащиеся в ней меры носят рекомендательный характер для любой организации.

Так, предполагается, что все организации, независимо от организационно-правовых

¹⁶ Тихомиров Ю. А., Чураков В. Д. Использование новых цифровых технологий в критических правовых ситуациях: тезисы доклада на секции «Право в цифровую эпоху» в рамках XXIII Ясинской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества // URL: <https://conf.hse.ru/2022/program#2022-04-080a> (дата обращения: 04.07.2022).

¹⁷ Речь может идти об организациях любых организационно-правовых форм и отраслевой принадлежности, созданных и функционирующих с участием публичных органов власти в лице федеральных, региональных органов власти, органов местного самоуправления.

форм и форм собственности, в целях исполнения обязанностей, предусмотренных частью 1 ст. 13.3, разрабатывают и внедряют в свою деятельность локальные нормативные акты, регламентирующие вопросы антикоррупционной политики, этики (делового поведения), предотвращения и урегулирования конфликта интересов, подарков и знаков делового гостеприимства.

Для обеспечения надлежащего функционирования и поддержания системы противодействия коррупции видится целесообразным предусмотреть обязанность всех организаций по определению работника или структурного подразделения, ответственных за исполнение требований принимаемых локальных нормативных актов и их своевременную актуализацию.

Кроме того, поскольку организации с государственным участием в разной степени обеспечивают предоставление государственных или муниципальных услуг, иным образом реализуют публичную или социальную функцию, а также их деятельность полностью или частично финансируется за счет бюджетов различных уровней, то, помимо вышеуказанных локальных нормативных актов, они должны разработать и принять документы, регулирующие вопросы оценки коррупционных рисков; проверки юридических и физических лиц, с которыми организация вступает в договорные отношения (за исключением трудовых отношений); порядка взаимодействия с должностными лицами органов государственной власти и местного самоуправления; механизма получения информации от работников организации и иных лиц по вопросам противодействия коррупции, а также защиты прав таких лиц, сообщивших о коррупционных правонарушениях. Данная мера, как представляется, позволит снизить риск совершения коррупционного правонарушения или преступления.

В целях упрощения процесса настройки системы антикоррупционного комплаенса в организациях при одновременном требовании обеспечения единообразия правоприменения предлагается возложить на Минтруд России как федеральный орган исполнительной власти, ответственный за разработку, организацию внедрения и консультативно-методическое обеспечение мер, направленных на предупреждение коррупции в организациях¹⁸, обязанности по размещению на своем официальном сайте типовых форм локальных нормативных актов, которые могут быть использованы любыми организациями при разработке и утверждении локальных нормативных актов.

Содержащиеся в действующей редакции ч. 2 ст. 13.3 Закона о противодействии коррупции обязанности по обеспечению сотрудничества с правоохранительными органами и недопущению составления неофициальной отчетности и использования поддельных документов предлагается перенести в ч. 1 рассматриваемой нормы.

В научной среде распространено мнение о необходимости введения ответственности за ненадлежащее исполнение организациями обязанностей по предупреждению коррупции¹⁹. Разделяя данное мнение, отметим, что нормативному закреплению положений об ответственности должна предшествовать конкретизация норм материального права, содержащихся в ст. 13.3 Закона о противодействии коррупции. В этой связи постановка вопроса о юридической ответственности преждевременна.

В завершение отметим, что в условиях правовой неопределенности аккумулированные в Обзоре лучшие практики противодействия коррупции в организациях представляются адекватной «методической» альтернативой для любых организаций, заинтересованных в построении реально действующей антикоррупционной комплаенс-системы.

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 19.06.2012 № 610 «Об утверждении Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 26. Ст. 3528.

¹⁹ Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы : научно-практическое пособие : в 2 т. / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой, Р. А. Курбанова. М. : Проспект, 2019. Т. 1. С. 125.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Грекова И. Ю. Подготовка кадров в области антикоррупционного комплаенса // URL: https://org.tpprf.ru/of/council_komplaens/opinion/2346692/ (дата обращения: 11.07.2022).
2. Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы : научно-практическое пособие : в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой, Р. А. Курбанова. — М. : Проспект, 2019. — 528 с.
3. Снежко С. В., Ахметшин И. М. Организации как субъекты противодействия коррупции // Противодействие коррупции в организациях: международные и национальные стандарты : материалы Девятого Евразийского антикоррупционного форума (Москва, 15 апреля 2020 г.) / ред. кол. Т. Я. Хабриева, И. И. Кучеров, А. М. Цирин, С. Н. Матулис ; ИЗИСП при Правительстве РФ. — М. : Юриспруденция, 2021. — С. 149–156.
4. Таут С. В., Овечкина М. А. Антикоррупционный комплаенс как инструмент профилактики правовых рисков и эффективной защиты имущественных прав компаний // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2021. — № 3. — С. 99–107.
5. Тихомиров Ю. А., Чураков В. Д. Использование новых цифровых технологий в критических правовых ситуациях : тезисы доклада на секции «Право в цифровую эпоху» в рамках XXIII Ясинской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества // URL: <https://conf.hse.ru/2022/program#2022-04-080a> (дата обращения: 04.07.2022).
6. Хабриева Т. Я. Противодействие коррупции в организациях: международные и национальные стандарты // Противодействие коррупции в организациях: международные и национальные стандарты : материалы Девятого Евразийского антикоррупционного форума (Москва, 15 апреля 2020 г.) / ред. кол. Т. Я. Хабриева, И. И. Кучеров, А. М. Цирин, С. Н. Матулис ; ИЗИСП при Правительстве РФ. — М. : Юриспруденция, 2021. — С. 18–27.
7. Цирин А. М. Проблемы совершенствования статьи 13.3 Федерального закона о противодействии коррупции и научно-методического обеспечения ее применения : тезисы выступления на конференции Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Участие организаций в противодействии коррупции» (Москва, 16–17 сентября 2019 г.) // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/documents/1664002/54953139/%D0%A6%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%BD.pdf/b6a739b4-7775-ff70-da64-935984f5c31a?t=1603716293269> (дата обращения: 03.07.2022).
8. Григорьев В. В. Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс», 2013.

Материал поступил в редакцию 10 октября 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Grekova I. Yu. Podgotovka kadrov v oblasti antikorrupsionnogo komplaensa // URL: https://org.tpprf.ru/of/council_komplaens/opinion/2346692/ (data obrashcheniya: 11.07.2022).
2. Pravovye osnovy protivodeystviya korrupsitsii: mezhdunarodnye i natsionalnye standarty i initsiativy: nauchno-prakticheskoe posobie: v 2 t. T. 1 / pod obshch. red. T. Ya. Khabrievoy, R. A. Kurbanova. — M.: Prospekt, 2019. — 528 s.
3. Snezhko S. V., Akhmetshin I. M. Organizatsii kak subekty protivodeystviya korrupsitsii // Protivodeystvie korrupsitsii v organizatsiyakh: mezhdunarodnye i natsionalnye standarty: materialy Devyatogo Evraziyskogo antikorrupsionnogo foruma (Moskva, 15 aprelya 2020 g.) / red. kol. T. Ya. Khabrieva, I. I. Kuchеров, A. M. Tsirin, S. N. Matulis; IZiSP pri Pravitelstve RF. — M.: Yurisprudentsiya, 2021. — S. 149–156.

4. Taut S. V., Ovechkina M. A. Antikorruptsiyonnyy kompliens kak instrument profilaktiki pravovykh riskov i effektivnoy zashchity imushchestvennykh prav kompaniy // Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. — 2021. — № 3. — S. 99–107.
5. Tikhomirov Yu. A., Churakov V. D. Ispolzovanie novykh tsifrovyykh tekhnologiy v kriticheskikh pravovykh situatsiyakh: tezisy doklada na seksii «Pravo v tsifrovuyu epokhu» v ramkakh XXIII Yasinskoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva // URL: <https://conf.hse.ru/2022/program#2022-04-080a> (data obrashcheniya: 04.07.2022).
6. Khabrieva T. Ya. Protivodeystvie korruptsii v organizatsiyakh: mezhdunarodnye i natsionalnye standarty // Protivodeystvie korruptsii v organizatsiyakh: mezhdunarodnye i natsionalnye standarty: materialy Devyatogo Evraziyskogo antikorruptsiyonnogo foruma (Moskva, 15 aprelya 2020 g.) / red. kol. T. Ya. Khabrieva, I. I. Kucherov, A. M. Tsirin, S. N. Matulis; IZiSP pri Pravitelstve RF. — M.: Yurisprudentsiya, 2021. — S. 18–27.
7. Tsirin A. M. Problemy sovershenstvovaniya stati 13.3 Federalnogo zakona o protivodeystvii korruptsii i nauchno-metodicheskogo obespecheniya ee primeneniya: tezisy vystupleniya na konferentsii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii «Uchastie organizatsiy v protivodeystvii korruptsii» (Moskva, 16–17 sentyabrya 2019 g.) // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/documents/1664002/54953139/%D0%A6%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%BD.pdf/b6a739b4-7775-ff70-da64-935984f5c31a?t=1603716293269> (data obrashcheniya: 03.07.2022).
8. Grigorev V. V. Kommentariy k Federalnomu zakonu ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ «O protivodeystvii korruptsii» (postateynyy) // SPS «KonsultantPlyus», 2013.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.056-063

А. А. Базаров*

Правовая природа данных и информации в контексте понятия «самостоятельные материалы»

Аннотация. Статья посвящена исследованию гражданско-правовых норм и судебной практики в отношении регулирования содержательной части массивов данных как одного из значимых информационных активов в условиях развития цифровой экономики. В статье раскрывается правовая природа данных и информации, а также возможность их квалификации в качестве самостоятельных материалов. Делается вывод о недостаточной эффективности механизмов правового регулирования, возникающих в связи с оборотом и защитой баз данных гражданских правоотношений вследствие дефинитивных проблем, а именно отсутствия определения понятия «самостоятельные материалы», а также из-за отсутствия правового разграничения данных и информации. В процессе всестороннего исследования технических особенностей понятий «данные» и «информация», являющихся основой формирования их правовой природы, делается обоснованный вывод о необходимости правовой привязки понятия «самостоятельные данные» к информации, предлагаются признаки и механизмы разграничения данных и информации.

Ключевые слова: право; актуальные проблемы; информационное общество; гражданское право; база данных; массив данных; самостоятельные материалы; данные; информация; правовая природа.

Для цитирования: Базаров А. А. Правовая природа данных и информации в контексте понятия «самостоятельные материалы» // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 5. — С. 56–63. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.056-063.

Благодарности. НИР выполнена в рамках государственного задания «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества, государства» на 2022 г. (№ 0851-2020033).

© Базаров А. А., 2023

* Базаров Андрей Андреевич, ведущий эксперт управления развития информационных технологий (офиса цифровой трансформации) комитета цифрового развития и связи Курской области, аспирант кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета г. Курска
Красная пл., д. 6, г. Курск, Россия, 305002
xooski@yandex.ru

The Legal Nature of Data and Information in the Context of the Concept of «Independent Materials»

Andrey A. Bazarov, Leading expert, Information Technology Development Department (Digital Transformation Office), Digital Development and Communications Committee, Kursk Region; Postgraduate Student, Department of Civil Law, Southwestern State University of Kursk
Krasnaya pl., d. 6, Kursk, Russia, 305002
xoocki@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of civil law norms and judicial practice in relation to the regulation of the content of data arrays as one of the significant information assets in the context of the development of the digital economy. The paper reveals the legal nature of data and information, as well as the possibility of their qualification as independent materials. The conclusion is made about insufficient effectiveness of the mechanisms of legal regulation arising in connection with the circulation and protection of databases of civil legal relations due to definitive problems, namely the lack of definition of the concept of «independent materials,» as well as due to the lack of legal differentiation between data and information. In the process of a comprehensive study of the technical features of the concepts of «data» and «information» that form the basis for the formation of their legal nature, a reasonable conclusion is made about the need for a connection between the concept of «independent data» and information. The authors propose the criteria and mechanisms for distinguishing data and information.

Keywords: law; current problems; information society; civil law; database; data array; independent materials; data; information; legal nature.

Cite as: Bazarov AA. Pravovaya priroda dannykh i informatsii v kontekste ponyatiya «samostoyatelnye materialy» [The Legal Nature of Data and Information in the Context of the Concept of «Independent Materials»]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(5):56-63. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.056-063. (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the state task «Transformation of Private and Public Law in the Conditions of Evolving Personality, Society, and State» for the year 2022 (No. 0851-20200033).

В результате научно-технического прогресса и появления информационно-телекоммуникационных технологий современное общество получило новые способы обработки, хранения и распространения данных — в информационно-телекоммуникационных сетях. Благодаря широкому распространению вычислительной техники в различных общественных отношениях возрастает социально-культурная, политическая и экономическая значимость данных. Их использование в коммерческих, просветительских, информационных целях позволяет существенно сокращать издержки, оптимизировать процессы и выступает движущей силой формирования нового вида общества — информационного общества.

Обработка и систематизация данных с целью создания самостоятельных информационных элементов или «самостоятельных материа-

лов» для формирования огромных массивов (баз данных) является главной экономической целью любого хозяйствующего субъекта, в дальнейшем использующего полученные базы данных для реализации собственных целей и задач. Более того, именно с формированием и накоплением самостоятельных материалов в огромные информационные массивы действующее гражданское законодательство связывает юридический факт наличия такого объекта, как база данных (ст. 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Возрастающая информационная значимость данных в процессе оптимизации производственных процессов, формирование новых коммерческих сфер деятельности на основе применения технологических решений баз данных не только оказывает положительное влияние на развитие коммерческих отношений, но и явля-

ется новым источником предпринимательских рисков. Надлежащая защита от подобных рисков осуществляется как программно-аппаратными методами, так и правовыми. Современное законодательство множества стран, в том числе и Российской Федерации, предусматривает правовые механизмы защиты и обеспечения прав создателей и владельцев баз данных. Гражданский кодекс РФ гарантирует перечень смежных и авторских прав изготовителя базы данных.

Российское законодательство использует формальные критерии для определения юридического факта создания базы данных и возникновения различных прав, тесно связанных с ней. Так, под базой данных, которая требует существенных затрат, признается база данных, содержащая не менее 10 тысяч самостоятельных информационных элементов (материалов), составляющих ее содержание (ст. 1334 ГК РФ), в случае если у изготовителя базы данных отсутствуют доказательства существенных финансовых, материальных, организационных или иных затрат.

Однако, определяя лишь количественную характеристику, законодатель не устанавливает необходимость правовой оценки содержимого базы данных, а именно: какие записи стоило бы рассматривать в качестве самостоятельных информационных элементов (материалов) базы данных, а какие нет. Юридический факт возникновения базы данных должен учитывать не только количественный критерий, но и правовую природу содержимого. Следует обратиться к иным возможным вариантам правовой квалификации массивов данных с целью определения применимого к ним правового режима¹.

Стоит обратить внимание на правовое понятие «самостоятельные материалы» (абз. 2 ч. 2 ст. 1260 ГК РФ), которое не раскрывается в дей-

ствующем законодательстве. Как справедливо отмечает В. В. Архипов, «сейчас для передачи баз больших пользовательских данных используются конструкции интеллектуальных прав на базы данных. Такой подход относительно работоспособен, но не идеален, поскольку не все наборы пользовательских данных могут квалифицироваться как базы данных. Используемые сейчас конструкции возникли в период, предшествующий текущему уровню развития цифровых технологий, позволяющих обособлять (условно говоря, капсулировать) информацию в цифровой форме и идентифицировать отдельные цифровые объекты с целью обозначения господства над тем или иным информационным объектом»².

Законодатель, не конкретизируя понятие «самостоятельные материалы»³, ограничивается предоставлением их примерного перечня, которым необходимо руководствоваться для определения, являются ли данные и (или) информация «самостоятельными материалами» или нет. Указанный недостаток сказывается на эффективности и ясности правоприменения. Так, широкий резонанс в юридическом сообществе вызвало судебное разбирательство по иску общества «ВКонтакте» к стартапу «Дабл»⁴, в рамках которого поднимался вопрос о возможности юридической классификации набора сведений о пользователе (карточки пользователя) в качестве «самостоятельных материалов» базы данных. В решении Арбитражного суда г. Москвы от 22.03.2021 № А40-18827/17-110-180 указано, что база данных «содержит в себе совокупность самостоятельных элементов (карточек пользователя) с информацией о каждом зарегистрированном пользователе в социальной сети. База данных пополняется новым самостоятельным элементом с помощью заданного

¹ Савельев А. И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 60–92.

² Архипов В. В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. 2018. № 2. С. 52–68.

³ Бузова Н. В. Государственные реестры — базы данных, охраняемые как объекты смежных прав? // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 69–85.

⁴ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.07.2018 по делу № А40-18827/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

алгоритма». Однако не раскрывается содержательная часть «карточек пользователя», не раскрывается природа «данных» и (или) «информации», которые выступают «самостоятельными элементами», на основании наличия которых суд мог бы установить факт существования базы данных. Более того, раскрытие содержательной части и оценка природы понятий «данные» и (или) «информация» необходимо для оценки возможности создания алгоритмом самостоятельных материалов (информации) в базе данных социальной сети, так как указанный алгоритм может ограничиваться лишь определенной систематизацией и накоплением данных в базе, которые превращаются в информацию и самостоятельные материалы исключительно в результате деятельности человека.

Спорные доводы суда о самостоятельности материалов, являющихся элементами базы данных, без оценки их правовой природы (выступают они в качестве данных или информации) можно также обнаружить в решении Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 02.04.2021 по делу № А56-5216/2020⁵. В рамках спора рассматривалась правомерность применения ответчиком на сайте тегов (определенные ключевые слова или словосочетания, используемые пользователями информационных сетей для поиска товаров и услуг), дублирующих теги истца. Исковое требование было удовлетворено, а довод ответчика о том, что теги истца не уникальны и взяты из одинаковых открытых источников, был неправомерно отклонен судом по следующим основаниям:

- 1) нет требований к тому, чтобы элементы базы данных представляли собой самостоятельные объекты интеллектуальной собственности;
- 2) истцом доказано самостоятельное создание тегов модераторами интернет-сайта.

Судом было проигнорировано определение базы данных в ст. 1260 ГК РФ, закрепляющее, что базой данных является совокупность самостоятельных материалов, с указанием их примерного перечня, в котором фигурируют самостоятельные объекты интеллектуальной

собственности (статьи, расчеты, нормативные акты, судебные решения и иные подобные материалы), являющиеся по своей природе информацией. Буквы, слова, словосочетания, цифры, являющиеся данными, остаются за рамками правового регулирования. Если бы было определено, к какой категории сведений — данные или информация — относятся теги, а следовательно, выступают ли они в качестве самостоятельных материалов или нет, не возник бы и довод о том, что они были созданы истцом самостоятельно, так как невозможно создать уже существующие слова, словосочетания, символы, цифры или иные подобные обозначения.

Именно определив правовую природу данных и информации, их признаки и механизмы разграничения и какие из указанных материалов могут выступать самостоятельными, удалось бы не только оказать положительное воздействие на длящийся 5 лет правовой спор «ВКонтакте» и стартапа «Дабл», но в целом качественно улучшить правоприменительную практику в области баз данных.

Исходя из перечня, указанного в абз. 2 ч. 2 ст. 1260 ГК РФ (статьи, расчеты, нормативные акты, судебные решения и иные подобные материалы), можно сделать обоснованный вывод, что законодатель связывает юридический факт возникновения базы данных, если она составлена из самостоятельных материалов, со следующими признаками:

- 1) признак односложности: материалы не являются односложными, то есть не представляют собой исключительно буквы, цифры и иные символы, слова и словосочетания, записанные в базе данных;
- 2) признак информативности: материалы носят информативный характер, то есть предоставляют сведения, знания (являются информацией) в любой форме об окружающей действительности, самостоятельно и в отрыве от иных материалов, размещенных в базе данных;
- 3) признак творческой деятельности: материалы прямо или косвенно являются результатом творческой деятельности.

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

К аналогичному выводу приходят и В. А. Корнеева, М. А. Кольздорф, указывая на то, что самостоятельность материалов предполагает их ценность в отрыве от базы данных или иных материалов; данный критерий позволяет избежать ситуации, когда части единого текста, не имеющие самостоятельного значения, рассматриваются как база данных⁶.

Можно предположить, что законодатель, говоря о самостоятельности материалов, подчеркивает важность указанных признаков, в особенности признака информативности: база данных должна быть составлена из информации, а не данных, то есть из составных элементов, представляющих определенное связанное смысловое наполнение (носить информативный характер, смысл) об объектах или о явлениях окружающего мира, восприятие которого может производиться как в случае, если самостоятельный материал находится в составе базы данных, так и в случае его изъятия из нее. Примером может послужить сборник научных статей, где отдельная статья обладает информационным наполнением как в составе всего сборника, так и в качестве самостоятельного материала.

В отечественных и международных стандартах в области информационных технологий, документооборота и иной работы с данными и информацией встречаются различия в определении понятий «данные» и «информация».

Термин «данные» в ГОСТ Р 58606-2019/ISO/IEC/IEEE 15939:2017⁷ обозначается в следующем значении — «подборка значений, присвоенных основным показателям, производным показателям или индикаторам».

Международный стандарт ISO 5127⁸ прямо разграничивает данные и информацию:

1) данные — реинтерпретированное представление информации в формализованном

виде, пригодном для передачи, интерпретации или обработки. То есть под данными понимается набор сведений (букв, символов, цифр или иных условных обозначений), отражающих «информацию» только после их интерпретации, для избежания искажений и потери смыслового наполнения. Дополнительно указывается, что термин «данные» чаще всего понимается как набор качественных или количественных значений и переменных;

2) информация — это данные, обработанные, соотнесенные и организованные для представления определенного смысла (значения).

Стандарт ISO 9000⁹ под данными понимает факты об объекте, а под информацией — значимые данные. То есть подчеркивается, что в качестве информации могут выступать исключительно данные, получившие какое-то значение, смысловое (информативное) наполнение, по своей сути ставшие информацией.

Таким образом, в качестве содержательного наполнения правового понятия «самостоятельные материалы» должна рассматриваться именно информация, а не данные, то есть не наборы символов, букв, цифр, слов, словосочетаний и подобных сведений. Более того, составление базы данных, отдельные элементы которой не носят ценностно-смысловой характер (информационный), само по себе не должно рассматриваться и в качестве творческого труда, в результате которого была создана база данных.

Исходя из изложенного, несмотря на наличие финансовых затрат или инвестиций в техническое создание базы данных, по общему правилу юридически базу данных нельзя признавать таковой в случае, если составными частями является не информация, а данные:

1) буквы и символы любых алфавитов или их производные;

⁶ Корнеева В. А., Кольздорф М. А. Спорные вопросы регулирования баз данных // Закон. 2019. № 5. С. 157–167.

⁷ ISO/IEC/IEEE 15939:2017 Systems and software engineering — Measurement process // URL: <https://www.iso.org/standard/71197.html> (дата обращения: 28.08.2022).

⁸ ISO 5127:2017 Information and documentation — Foundation and vocabulary // URL: <https://www.iso.org/standard/59743.html> (дата обращения: 28.08.2022).

⁹ ISO 9000:2015(ru) «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь» // URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:9000:ed-4:v1:ru> (дата обращения: 28.08.2022).

2) числа любой системы исчисления или их производные;

3) символы и коды языков программирования, не формирующие исполняемые скрипты или программы;

4) односложные материалы, представленные в форме кодов системы кодирования информации (например, Unicode);

5) иные материалы подобного характера.

Однако при наличии определенных условий данные могут быть признаны в качестве информации, а следовательно, и в качестве самостоятельного материала базы данных:

1) в случае нормативного закрепления смыслового наполнения в законодательстве Российской Федерации;

2) при наличии устойчиво закрепившегося смыслового обозначения за определенным набором символов, цифр, букв, иероглифов, слов и словосочетаний в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности;

3) наличие устойчиво закрепившегося смыслового значения в той или иной языковой группе или отдельном языке.

Например, приказ Минцифры России от 31.01.2022 № 75 «Об утверждении российской системы и плана нумерации» закрепляет требования к структуре цифровых, буквенных, символьных обозначений или комбинаций таких обозначений, в том числе к кодам, предназначенным для однозначного определения (идентификации) сети связи и (или) ее узловых или конечных элементов. Следовательно, в случае составления базы данных из материалов (телефонных номеров), являющихся частью системы нумерации Российской Федерации, указанные данные являются информацией и, в свою очередь, самостоятельными материалами с определенным смысловым наполнением о системе идентификации абонентов. Аналогичным примером могут послужить:

1) почтовый адрес;

2) почтовый индекс — условное цифровое обозначение почтового адреса, присваиваемое

объекту почтовой связи (Федеральный закон от 17.07.1999 № 176-ФЗ «О почтовой связи»¹⁰);

3) государственный регистрационный номер транспортного средства — индивидуальное буквенно-цифровое обозначение, присваиваемое транспортному средству (Федеральный закон от 03.08.2018 № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹);

4) ИНН — идентификационный номер налогоплательщика (Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ¹²);

5) аналогичные комбинации данных, получившие информационно-смысловое наполнение.

Помимо этого, в результате широкого распространения обозначения определенных данных, в силу устоявшегося применения информационной технологий, они также могут выступать в качестве информации и самостоятельных материалов и без нормативно-правового закрепления. Например, благодаря широкому распространению электронной почты, доменных имен в качестве обозначений веб-сайтов, ICQ-номеров, пользователи обладают безусловным пониманием смыслового наполнения указанных набором символов, букв, цифр:

1) адрес электронной почты `admin@example.com` говорит нам о следующем:

а) `admin` — логин (никнейм) пользователя;

б) разделительный символ `@` свидетельствует о том, что указанный набор символов и цифр формирует адрес электронной почты;

в) `example` — наименование компании почтового сервиса;

г) `.com` — доменная зона;

2) UIN ICQ идентифицировал того или иного пользователя в системе мгновенного обмена сообщениями ICQ;

3) IP-адрес сообщает техническим специалистам о номере сети, подсети. Сам IP-адрес, в

¹⁰ СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3697.

¹¹ СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5076.

¹² СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

зависимости от числового набора, позволяет его квалифицировать как публичный или локальный адрес, а это, в свою очередь, может давать представления о технических механизмах формирования того или иного адреса.

Разграничение данных и информации исходя из их природы не только встречается в качестве возможного посылы в гражданском законодательстве, не только поднимается в судебной практике, но и выступает основным критерием разграничения указанных понятий в международных и отечественных стандартах. Нормативное закрепление разграничения данных и информации в гражданском законодательстве позволило бы наиболее эффективно определять юридический факт создания базы данных и прав, связанных с ней. Обеспечение правовой защиты исключительных, авторских прав правообладателя базы данных, составленной из «данных — набора сведений (букв, символов, цифры, слов, словосочетаний) собранных и используемых для передачи, интерпретации или обработки, но не обладающих смысловым наполнением в силу своей природы или действующего законодательства, можно рассматривать в качестве расширительного толкования правовой нормы, которое гипотетически может позволить создателям и владельцам базы данных защищать любые, слова, словосочетаний, собранные в один массив данных»

(дело А56-5216/2020¹³). Исключительно информация — набор организованных, систематизированных и обработанных человеком данных в процессе творческого труда, обладающих в силу своей природы или законодательства смысловым наполнением, — может рассматриваться в качестве самостоятельных материалов, что также фактически подтверждается перечнем самостоятельных материалов, приведенным в ст. 1260 ГК РФ.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать обоснованный вывод, что, определение правовой природы данных и информации формирует точное представление, что именно информация выступает самостоятельным материалом базы данных. Следовательно, для повышения эффективности правоприменения в этой области требуются следующие изменения гражданского законодательства:

- 1) терминологическое расширение и закрепление понятий «данные» и «информация»;
- 2) указание на то, что именно информация является самостоятельным материалом, а составление баз данных из данных не порождает появление каких-либо гражданских прав у ее владельца или создателя;
- 3) при оценке самостоятельности материалов базы данных следует руководствоваться рассмотренными признаками односложности, информативности, творчества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Архипов В. В.* Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. — 2018. — № 2. — С. 52–68.
2. *Бузова Н. В.* Государственные реестры — базы данных, охраняемые как объекты смежных прав? // Журнал российского права. — 2019. — № 10. — С. 69–85.
3. *Корнеев В. А., Кольцдорф М. А.* Спорные вопросы регулирования баз данных // Закон. — 2019. — № 5. — С. 157–167.
4. *Савельев А. И.* Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. — 2020. — № 1. — С. 60–92.

Материал поступил в редакцию 20 сентября 2022 г.

¹³ Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 02.04.2021 по делу № А56-5216/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arkhipov V. V. Problema kvalifikatsii personalnykh dannykh kak nematerialnykh blag v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki, ili Net nichego bolee praktichnogo, chem khoroshaya teoriya // Zakon. — 2018. — № 2. — S. 52–68.
2. Buzova N. V. Gosudarstvennye reestry — bazy dannykh, okhranyaemye kak obekty smezhnykh prav? // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2019. — № 10. — S. 69–85.
3. Korneev V. A., Kolzdorf M. A. Spornye voprosy regulirovaniya baz dannykh // Zakon. — 2019. — № 5. — S. 157–167.
4. Savelev A. I. Grazhdansko-pravovye aspekty regulirovaniya oborota dannykh v usloviyakh popytok formirovaniya tsifrovoy ekonomiki // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2020. — № 1. — S. 60–92.

Проблемы определения воли юридических лиц в связи с их абстрактной сущностью (на примере виндикационных споров)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования воли юридического лица с учетом необходимости установления характера выбытия имущества для целей виндикации (по воле или помимо воли). Приводятся примеры различных теорий юридического лица. Автор отмечает наличие сложностей участия юридических лиц в виндикационных спорах в связи с их абстрактной сущностью и отсутствием у юридического лица физически-осязаемого воплощения. Автор делает вывод, что воля физических лиц (осуществляющих полномочия органов юридического лица) фактически подменяет собой волю юридического лица. В статье рассматриваются также особенности формирования воли юридического лица при множественности волеобразующих и/или волеизъявляющих физических лиц, например, если: 1) решение об отчуждении или о передаче имущества принимается совокупностью физических лиц (общим собранием участников, советом директоров), или 2) полномочия единоличного исполнительного органа предоставлены нескольким лицам, или 3) в юридическом лице образовано несколько единоличных исполнительных органов. Применительно к указанным особенностям автор делает вывод, воля каких лиц считается волей юридического лица.

Ключевые слова: виндикация; истребование; защита права; вещное право; гражданское право; владение; право; актуальные проблемы; юридическое лицо; воля; выбытие имущества; фикция; абстракция; органы юридического лица.

Для цитирования: Гусева А. А. Проблемы определения воли юридических лиц в связи с их абстрактной сущностью (на примере виндикационных споров) // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 5. — С. 64–72. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.064-072.

Problems of Determining the Will of Legal Entities in Connection with their Abstract Essence (Vindication Disputes Case Study)

Anastasia A. Guseva, LL.M., National Research University Higher School of Economics (HSE);
Bachelor (Law), Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Myasnitskaya, d. 20, Moscow, Russia, 101000
aguseva_legal@mail.ru

Abstract. The paper deals with the issues of the formation of the will of a legal entity with due regard to the need to establish the nature of the disposal of property for the purposes of vindication (either voluntary or involuntary). The author gives examples of various theories of a legal entity. The author highlights the difficulties of participation

© Гусева А. А., 2023

* Гусева Анастасия Александровна, магистр права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), бакалавр права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Россия, 101000
aguseva_legal@mail.ru

of legal entities in vindication disputes due to their abstract essence and the absence of a physical and tangible embodiment of a legal entity. The author concludes that the will of individuals (exercising the powers of the bodies of a legal entity) actually replaces the will of a legal entity. The paper also discusses the features of the formation of the will of a legal entity with a plurality of will-forming and/or will-exercising individuals, for example, if: 1) the decision on the alienation or transfer of property is made by a group of individuals (general meeting of participants, board of directors), or 2) the powers of the sole executive body are granted to several persons, or 3) several sole executive bodies have been formed in a legal entity. With regard to these features, the author concludes which persons' will is considered the will of a legal entity.

Keywords: vindication; reclamation; protection of rights; property law; civil law; ownership; law; actual problems; legal entity; will; disposal of property; fiction; abstraction; bodies of a legal entity.

Cite as: Guseva AA. Problemy opredeleniya voli yuridicheskikh lits v svyazi s ikh abstraktnoy sushchnostyu (na primere vindikatsionnykh sporov) [Problems of Determining the Will of Legal Entities in Connection with their Abstract Essence (Vindication Disputes Case Study)]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(5):64-72. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.064-072. (In Russ., abstract in Eng.).

В соответствии со ст. 9, 48, 49 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ юридическое лицо является самостоятельным субъектом права, самостоятельно осуществляет принадлежащие ему права, самостоятельно несет ответственность. В российской правовой науке отмечается, что «конструкция юридического лица рождена потребностями имущественного (гражданского) оборота... [ее] очевидное и в целом общепризнанное назначение состоит в уменьшении для учредителей (участников) юридического лица риска имущественных потерь»².

Не ставя своей задачей анализ всех теорий юридического лица, отметим, что выделяют в том числе следующие: теория фикции, теория персонифицированной цели, теория реального

субъекта (органическая теория), теория коллектива, теория государства, теория директора, теория социальной реальности, теория социальных связей, теория организации, теория персонифицированного (целевого) имущества, теория агрегирования, теория интереса и др.³

Несмотря на наличие множества теорий, нельзя отрицать, что юридическое лицо в любом случае с точки зрения материального мира является абстракцией⁴, то есть оно создано исключительно сознанием человека и существует благодаря законодательному закреплению этой правовой конструкции. В связи с этим исследование правовой природы юридического лица в контексте возникновения виндикационных споров неизбежно сталкивается с концептуальными сложностями, одной из которых является

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Авилов Г. Е., Суханов Е. А. Юридические лица в современном российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. № 1.

³ Сидорова В. Н. К вопросу о теории «примитивной фикции» юридического лица // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 9–12; Мамагшишвили В. З. О значении теорий юридического лица в современном корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 3. С. 36–73; Макаренко О. В. «Юридическое лицо» в дореволюционной доктрине // Российский юридический журнал. 2010. № 3. С. 138–143; Андреев В. К. Современное понимание юридического лица // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 12–18; Забоев К. И. Публичная достоверность Единого государственного реестра юридических лиц и воля юридического лица // Закон. 2015. № 3. С. 94–120; Стукалова Ю. В. Институт юридического лица в дореволюционной России: теоретические идеи и практическая реализация // Право и политика. 2007. № 2.

⁴ С. И. Ожегов определяет абстракцию как отвлеченное понятие, теоретическое обобщение опыта (URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 01.06.2022)).

установление наличия или отсутствия воли юридического лица на выбытие имущества из его владения.

Воля юридического лица

Российское право исходит из того, что имущество может быть истребовано даже у добросовестного приобретателя, если оно выбыло из владения собственника или лица, которому имущество было передано собственником во владение, помимо их воли⁵.

Поэтому в рамках спора об истребовании имущества подлежит установлению факт выбытия владения у собственника (по воле / помимо воли). Данный вопрос вызывает определенные сложности, поскольку волевой аспект выбытия владения, строго говоря, может быть определен только у физических лиц. В связи с этим необходимо определить, воля какого физического лица (каких физических лиц) считается волей юридического лица⁶.

Термин «воля» заимствован юриспруденцией из психологии. В научно-психологической литературе отмечается, что воля является практической стороной сознания, психическим

процессом, свойством личности⁷, специфичным структурным элементом психики человека⁸, деятельной стороной разума и морального чувства, а также представляет собой регулирующую функцию мозга⁹. Иными словами, ученые-психологи констатируют, что воля неразрывно связана с сознанием. Сознание же представляет собой атрибутивное свойство человека¹⁰. Поэтому представляется очевидным, что никакие иные образования, абстракции и создания (помимо человека) волей не обладают.

Некоторые ученые прямо указывают, что «свойствами субъекта права (сознанием, волей) в действительности обладает только человек. Посредством юридической фикции создается вымышленный субъект права, существующий лишь в качестве абстрактного понятия»¹¹.

В учебной литературе также указывается, что «корпорация — искусственно созданное образование, не обладающее собственными сознанием и волей. Воля корпорации формируется через ее органы управления, в конечном счете определенными физическими лицами — членами таких органов»¹².

Б. Б. Черепяхин отмечал, что «ни у кого не вызывает сомнения, что без людей, без людского субстрата не может быть юридического лица

⁵ Ст. 302 Гражданского кодекса РФ ; п. 39 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. № 109. 21.05.2010.

⁶ Гусева А. Виндикация имущества у добросовестного приобретателя. Когда суд на стороне собственника // Арбитражная практика для юристов. 2020. № 7. URL: <https://e.arbitr-praktika.ru/821876> (дата обращения: 01.06.2022).

⁷ Шепель Т. В., Балашов П. П. Понимание сознания и воли в психологии и праве: сравнительный анализ // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия «Психология». 2006. Вып. 2 (53). С. 80–84.

⁸ Воля в контексте личностно ориентированных системных исследований / И. Л. Шелехов, Г. В. Белозёрова, Е. В. Берестнева // Информационные технологии в науке, управлении, социальной сфере и медицине : сборник научных трудов VI Международной конференции, 14–19 октября 2019 г. Томск : Изд-во ТПУ, 2019. С. 428–440.

⁹ Ильин Е. П. Психология воли. 2-е изд. СПб. : Питер, 2009. С. 38, 39, 59, 79–82.

¹⁰ Антюшин С. С., Горностаева Л. Г. Философия : учебник для студентов юридического вуза. М. : РГУП, 2016. С. 283, 292.

¹¹ Макаренко О. В. Указ. соч. ; Стукалова Ю. В. Указ. соч.

¹² Корпоративное право : учебный курс : в 2 т. / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов [и др.] ; отв. ред. И. С. Шиткина. М. : Статут, 2018. Т. 2.

и его деятельности»¹³, в то же время ученый утверждал, что «нельзя отождествлять юридическое лицо с его наличным людским составом»¹⁴.

Г. Ф. Шершеневич отмечал, что «юридическое лицо само по себе лишено реальной воли... Действия только представителей обязывают юридическое лицо»¹⁵.

В то же время ряд ученых также указывают, что «при выделении юридического лица как самостоятельного субъекта правоотношений рациональными являются отказ от сплошного поиска стоящих за ним лиц»¹⁶.

Тем не менее в конечном счете для определения наличия или отсутствия воли юридического лица необходимо найти того человека или тех людей, которые являются волеобразующими и/или волеизъявляющими по отношению к юридическому лицу. Говоря «воля юридического лица», юристы вводят юридическую фикцию, ведь в действительности никакой воли у абстракции нет и быть не может.

В судебной практике высказывается позиция, что юридическое лицо не может самостоятельно формировать свою волю и определять свои действия, такая воля и действия определяются через волю и действия физических лиц¹⁷. Юридическое лицо является продуктом юридической техники, волю юридического лица выражают физические лица, в пределах компетенции наделенные полномочиями по управлению его делами путем формирования группового или единоличного волеизъявления¹⁸.

К. И. Забоев утверждает, что воля юридического лица немислима без действий его «людского субстрата», поэтому воля юридического лица должна устанавливаться через волю его органов, состоящих из физических лиц¹⁹.

В то же время, по мнению О. В. Макаренко, «наличие самостоятельных интересов и воли, не совпадающих с интересами и волей учредителей, участников (членов) юридического лица, или “корпоративной воли”, признавалось необходимой чертой юридической личности»²⁰.

Нам представляется невозможным существование воли юридического лица на передачу имущества в отрыве от воли его органов (например, участников общества или его генерального директора). Считаем, что формирование воли юридического лица и выражение волеизъявления от его имени осуществляют только его уполномоченные органы или представители. Поэтому лицо, которое распоряжается имуществом от имени юридического лица, должно иметь соответствующие полномочия.

В связи с этим подлежит установлению то лицо, которому имущество вверено и которое уполномочено на передачу владения.

Термин «вверенное имущество» используется скорее в уголовном праве при рассмотрении уголовных дел о присвоении и растрате (ст. 160 Уголовного кодекса Российской Федерации²¹). Согласно позиции Федеральной службы судебных приставов под вверенным понимается имущество, в отношении которого виновное лицо

¹³ Черепяхин Б. Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица // Правоведение. 1958. № 2. С. 43–50.

¹⁴ Черепяхин Б. Б. Указ. соч.

¹⁵ Шершеневич Г. Ф. Избранное. М.: Статут, 2017. Т. 5: Учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. С. 135.

¹⁶ Власова А. С., Лошкарева М. Е., Удалова Н. М. Указ. соч.

¹⁷ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 09.09.2020 по делу № А41-17669/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2022).

¹⁸ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.04.2021 по делу № А60-21853/2020, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18.08.2020 по делу № А60-40159/2019, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 02.04.2019 по делу № А40-222643/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2022).

¹⁹ Забоев К. И. Указ. соч.

²⁰ Макаренко О. В. Указ. соч.

²¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

в силу должностных обязанностей, договорных отношений или специального поручения государственной или общественной организации осуществляет определенные полномочия по распоряжению, управлению, хранению и т.д.²² Для целей уголовного права имущество является вверенным, если оно находилось в правомочном владении либо ведении лица, которое в силу должностного или иного служебного положения, договора либо специального поручения осуществляло полномочия по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении чужого имущества. В связи с этим П. С. Яни отмечает, что «по ст. 160 УК должны квалифицироваться действия... сторожа, продавшего... вверенное ему хозяином дома для пользования имуществом»²³.

На наш взгляд, для целей гражданского права подобный подход не будет отвечать целям правового регулирования и будет противоречить сущности сложившихся отношений. В связи с этим для гражданского оборота губительно квалифицировать передачу сторожем имущества юридического лица как волю самого юридического лица на такую передачу.

По мнению К. И. Забоева, воля юридического лица может быть «выражена 1) тем органом, который наделен возможностью ее выражать, 2) по тем вопросам, которые отнесены к его сфере компетенции, и 3) тем способом, который установлен для фиксации волеизъявления»²⁴.

Считаем, что центральной фигурой в волеизъявлении юридического лица является его единоличный исполнительный орган (как правило, генеральный директор). Именно поэтому для участников оборота символом наличия воли на передачу имущества юридического лица является передача имущества лицом, запись о котором в качестве генерального директора

указана в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ).

Таким образом, если имущество передано законно назначенным (избранным) единоличным исполнительным органом, то такая передача свидетельствует о наличии воли юридического лица. Распоряжение имуществом неуполномоченным лицом, напротив, свидетельствует о выбытии имущества помимо воли юридического лица²⁵.

Отметим также, что если уполномоченное физическое лицо передает имущество от имени юридического лица вследствие порока воли (например, под угрозой или в результате насильственного воздействия или обмана), то такая передача не свидетельствует о наличии воли юридического лица.

Особенности формирования воли юридического лица при множественности волеобразующих физических лиц

Возникают сложности с определением воли юридического лица, если решение об отчуждении или о передаче имущества принимается не одним физическим лицом, а их совокупностью (общим собранием участников, советом директоров), либо полномочия единоличного исполнительного органа предоставлены нескольким лицам, либо образовано несколько единоличных исполнительных органов (п. 3 ст. 65.3 ГК РФ).

Д. И. Мейер отмечал, что каждое физическое лицо выражает свою волю при голосовании. Поэтому «законодательству приходится принимать в соображение волю отдельных членов органа юридического лица и постановить, чтобы или единогласная воля членов считалась волей юридического лица, или воля большинства»²⁶.

²² Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства (утв. Федеральной службой судебных приставов России 15.04.2013 № 04-4).

²³ Яни П. С. Хищение вверенного имущества // Законность. 2016. № 7. С. 31–36.

²⁴ Забоев К. И. Указ. соч. ; Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 64–66, 112.

²⁵ Гусева А. Указ. соч.

²⁶ Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. По исправл. и доп. 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. М. : Статут, 2003. 831 с. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_16.html#23 (дата обращения: 01.06.2022).

Безусловно, процедура отчуждения имущества юридического лица в некоторых случаях имеет сложный юридический состав: принятие решения общим собранием участников, подписание договора генеральным директором, передача владения и др. Однако при данных обстоятельствах необходимо разграничивать обязательственную сделку (например, договор купли-продажи) и распорядительную сделку (то есть непосредственно передачу имущества).

Общее правило заключается в том, что действительность сделки, во исполнение которой передано имущество, не свидетельствует сама по себе о его выбытии из владения передавшего это имущество лица помимо его воли²⁷.

Отсутствие необходимого корпоративного одобрения влияет именно на обязательственную сделку и влечет возможность оспаривания договора (например, по правилам о крупных сделках, сделках с заинтересованностью). В то же время отсутствие необходимого согласия или одобрения со стороны каких-либо органов юридического лица само по себе не означает, что имущество выбыло помимо воли собственника (юридического лица). Подобного подхода придерживается и судебная практика²⁸.

Такой вывод, на наш взгляд, отвечает целям гражданского оборота. Так, участники оборота должны иметь возможность полагаться на ЕГРЮЛ во избежание необоснованных виндикационных исков. Проверка же положений устава компании или анализ сделки на предмет ее крупности не должна возлагаться на покупателя имущества.

Именно поэтому, если имущество было передано уполномоченным исполнительным органом во исполнение договора, не получившего надлежащего корпоративного одобрения, такая

передача свидетельствует о том, что имущество выбыло по воле юридического лица для целей виндикации. В подобной ситуации речь может идти только об оспаривании договора по правилам о недействительности сделок. Если же имущество уже было передано по цепочке сделок иному лицу и заявлен виндикационный иск, то будет несостоятельным довод о том, что имущество выбыло изначально помимо воли.

В то же время стоит отметить, что если единоличный исполнительный орган внесен в ЕГРЮЛ на основании поддельных документов (например, поддельного решения общего собрания участников или в результате преступного умысла нотариуса), то передачу владения таким «единоличным исполнительным органом» необходимо считать выбытием помимо воли юридического лица²⁹.

На данный момент гражданское законодательство прямо предусматривает возможность предоставления нескольким лицам полномочий выступать от имени юридического лица. В соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ³⁰, в отсутствие в ЕГРЮЛ сведений о совместном осуществлении или об ином распределении полномочий предполагается, что они действуют отдельно и осуществляют полномочия самостоятельно по всем вопросам компетенции соответствующего органа; если в корпорации образовано несколько единоличных исполнительных органов, предполагается, что они действуют независимо по всем вопросам компетенции.

Таким образом, по общему правилу, если полномочия предоставлены нескольким лицам, необходимо исходить из того, что они действуют самостоятельно. Следовательно, в такой ситуации передача владения одним из единоличных

²⁷ П. 39 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010.

²⁸ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20.09.2016 по делу № А28-4233/2015 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.11.2016 по делу № А40-179396/2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2022).

²⁹ Гусева А. Указ. соч.

³⁰ П. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 140. 30.06.2015.

исполнительных органов свидетельствует о наличии воли юридического лица на передачу.

Отдельного внимания заслуживает ситуация, когда полномочия единоличного исполнительного органа предоставлены нескольким лицам, действующим совместно. На наш взгляд, следует исходить из того, что здесь о наличии воли юридического лица может свидетельствовать только совместная передача имущества всеми лицами, выполняющими функции единоличного исполнительного органа.

Выводы

В рамках научной статьи, безусловно, нельзя предусмотреть все ситуации, которые могут возникнуть на практике. В то же время ценностью любого анализа является выявление наиболее часто встречающихся ситуаций. В результате проведенного исследования автором сделаны следующие выводы, имеющие ценность не только для теории, но и для практикующих юристов:

1. О выбытии имущества по воле юридического лица свидетельствует передача имущества единоличным исполнительным органом.

2. Волю юридического лица выражает только законно назначенный (избранный) единоличный исполнительный орган; если лицо указано в ЕГРЮЛ в результате преступных действий — оно не выражает волю юридического лица.

3. Для выражения воли юридического лица физическое лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, должно действовать свободно своей волей (то есть не вследствие угрозы, насилия, обмана и др.).

4. Необходимость корпоративного или иного одобрения договора (обязательственной сделки) не влияет на передачу имущества (распорядительной сделки), поэтому даже при отсутствии такого одобрения о наличии воли

юридического лица свидетельствует передача имущества единоличным исполнительным органом.

5. Если в корпорации полномочия единоличного исполнительного органа предоставлены нескольким лицам (действующим раздельно), то наличие воли самой корпорации подтверждает передача каждым из них; если же такие лица действуют совместно, то о воле юридического лица может свидетельствовать только совместная передача всеми.

6. В виндикационных спорах воля физических лиц (осуществляющих полномочия органов юридического лица) фактически подменяет собой волю юридического лица.

Учитывая, что характер выбытия имущества из владения является одним из важнейших вопросов при рассмотрении виндикационных споров, считаем, что во избежание неоднозначных толкований со стороны судов и юристов было бы целесообразно дополнить пункт 39 постановления Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 абзацем 3 следующего содержания:

«В целях применения статей 301 и 302 ГК РФ имущество считается выбывшим из владения юридического лица по его воле в случае, если владение фактически передано законно избранным или назначенным единоличным исполнительным органом юридического лица либо иным лицом, которому такой орган предоставил необходимые полномочия, оформленные в соответствии с законодательством. При этом имущество считается выбывшим из владения юридического лица помимо его воли, если указанные лица действовали вследствие применения или угрозы применения насилия, обмана и иных обстоятельств, которые препятствовали указанным лицам свободно (самостоятельно) совершать действия, необходимые для передачи владения имуществом юридического лица».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авилов Г. Е., Суханов Е. А.* Юридические лица в современном российском гражданском праве // *Вестник гражданского права*. — 2006. — № 1.
2. *Андреев В. К.* Современное понимание юридического лица // *Законы России: опыт, анализ, практика*. — 2015. — № 6. — С. 12–18.
3. *Антюшин С. С., Горностаева Л. Г.* *Философия : учебник для студентов юридического вуза*. — М. : РГУП, 2016.
4. *Васьковский Е. В.* *Учебник гражданского права*. — М., 2003.
5. *Власова А. С., Лошкарева М. Е., Удалова Н. М.* Юридическое лицо и его ответственность: от фикции к реальному субъекту правоотношений // *Закон*. — 2018. — № 4. — С. 120–134.
6. *Гусева А.* Виндикация имущества у добросовестного приобретателя. Когда суд на стороне собственника // *Арбитражная практика для юристов*. — 2020. — № 7.
7. *Забоев К. И.* Публичная достоверность Единого государственного реестра юридических лиц и воля юридического лица // *Закон*. — 2015. — № 3. — С. 94–120.
8. *Ильин Е. П.* *Психология воли*. — 2-е изд. — СПб. : Питер, 2009. — 368 с.
9. *Корпоративное право : учебный курс : в 2 т. / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов [и др.] ; отв. ред. И. С. Шиткина*. — М. : Статут, 2018. — Т. 2. — 990 с.
10. *Макаренко О. В.* «Юридическое лицо» в дореволюционной доктрине // *Российский юридический журнал*. — 2010. — № 3. — С. 138–143.
11. *Мамагеев В. З.* О значении теорий юридического лица в современном корпоративном праве // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. — 2021. — № 3. — С. 36–73.
12. *Мейер Д. И.* *Русское гражданское право : в 2 ч. По испр. и доп. 8-му изд., 1902*. — Изд. 3-е, испр. — М. : Статут, 2003. — 831 с.
13. *Сидорова В. Н.* К вопросу о теории «примитивной фикции» юридического лица // *Российская юстиция*. — 2020. — № 4. — С. 9–12.
14. *Стукалова Ю. В.* Институт юридического лица в дореволюционной России: теоретические идеи и практическая реализация // *Право и политика*. — 2007. — № 2.
15. *Суворов Н. С.* *Об юридических лицах по римскому праву*. — М., 2000.
16. *Воля в контексте личностно ориентированных системных исследований / И. Л. Шелехов, Г. В. Белозёрова, Е. В. Берестнева* // *Информационные технологии в науке, управлении, социальной сфере и медицине : сборник научных трудов VI Международной конференции, 14–19 октября 2019 г.* — Томск : Изд-во ТПУ, 2019. — С. 428–440.
17. *Шепель Т. В., Балашов П. П.* Понимание сознания и воли в психологии и праве: сравнительный анализ // *Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия «Психология»*. — 2006. — Вып. 2 (53). — С. 80–84.
18. *Шершеневич Г. Ф.* *Избранное. Т. 5 : Учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников*. — М. : Статут, 2017.
19. *Черепихин Б. Б.* Волеобразование и волеизъявление юридического лица // *Правоведение*. — 1958. — № 2. — С. 43–50.
20. *Яни П. С.* Хищение вверенного имущества // *Законность*. — 2016. — № 7. — С. 31–36.

Материал поступил в редакцию 6 октября 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avilov G. E., Sukhanov E. A. Yuridicheskie litsa v sovremennom rossiyskom grazhdanskom prave // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2006. — № 1.
2. Andreev V. K. Sovremennoe ponimanie yuridicheskogo litsa // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2015. — № 6. — S. 12–18.
3. Antyushin S. S., Gornostaeva L. G. Filosofiya: uchebnik dlya studentov yuridicheskogo vuza. — M.: RGUP, 2016.
4. Vaskovskiy E. V. Uchebnik grazhdanskogo prava. — M., 2003.
5. Vlasova A. S., Loshkareva M. E., Udalova N. M. Yuridicheskoe litso i ego otvetstvennost: ot fiktsii k realnomu subektu pravootnosheniy // Zakon. — 2018. — № 4. — S. 120–134.
6. Guseva A. Vindikatsiya imushchestva u dobrosovestnogo priobretatelya. Kogda sud na storone sobstvennika // Arbitrazhnaya praktika dlya yuristov. — 2020. — № 7.
7. Zaboev K. I. Publichnaya dostovernost Edinogo gosudarstvennogo reestra yuridicheskikh lits i volya yuridicheskogo litsa // Zakon. — 2015. — № 3. — S. 94–120.
8. Ilin E. P. Psikhologiya voli. — 2-e izd. — SPb.: Piter, 2009. — 368 s.
9. Korporativnoe pravo: uchebnyy kurs: v 2 t. / E. G. Afanaseva, V. A. Vaypan, A. V. Gabov [i dr.]; otv. red. I. S. Shitkina. — M.: Statut, 2018. — T. 2. — 990 s.
10. Makarenko O. V. «Yuridicheskoe litso» v dorevolutsionnoy doktrine // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2010. — № 3. — S. 138–143.
11. Mamageishvili V. Z. O znachenii teoriy yuridicheskogo litsa v sovremennom korporativnom prave // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2021. — № 3. — S. 36–73.
12. Meyer D. I. Russkoe grazhdansko pravo: v 2 ch. Po ispr. i dop. 8-mu izd., 1902. — Izd. 3-e, ispr. — M.: Statut, 2003. — 831 s.
13. Sidorova V. N. K voprosu o teorii «primitivnoy fiktsii» yuridicheskogo litsa // Rossiyskaya yustitsiya. — 2020. — № 4. — S. 9–12.
14. Stukalova Yu. V. Institut yuridicheskogo litsa v dorevolutsionnoy Rossii: teoreticheskie idei i prakticheskaya realizatsiya // Pravo i politika. — 2007. — № 2.
15. Suvorov N. S. Ob yuridicheskikh litsakh po rimskomu pravu. — M., 2000.
16. Volya v kontekste lichnostno orientirovannykh sistemnykh issledovaniy / I. L. Shelekhov, G. V. Belozerova, E. V. Berestneva // Informatsionnye tekhnologii v nauke, upravlenii, sotsialnoy sfere i meditsine: sbornik nauchnykh trudov VI Mezhdunarodnoy konferentsii, 14–19 oktyabrya 2019 g. — Tomsk: Izd-vo TPU, 2019. — S. 428–440.
17. Shepel T. V., Balashov P. P. Ponimanie soznaniya i voli v psikhologii i prave: sravnitelnyy analiz // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Psikhologiya». — 2006. — Vyp. 2 (53). — S. 80–84.
18. Shershenevich G. F. Izbrannoe. T. 5: Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava / vstup. slovo, sost.: P. V. Krashenninikov. — M.: Statut, 2017.
19. Cherepakhin B. B. Voleobrazovanie i voleizyavlenie yuridicheskogo litsa // Pravovedenie. — 1958. — № 2. — S. 43–50.
20. Yani P. S. Khishchenie vverennogo imushchestva // Zakonnost. — 2016. — № 7. — S. 31–36.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.073-087

Т. А. Литвинова*

Защита прокурором публичного интереса в сфере образования: гражданско-процессуальный аспект

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы защиты прокурором публичного интереса, связанного с образовательными правоотношениями и (или) их отдельными элементами. Дуализм частного и публичного начал в правовом регулировании образовательных отношений порождает ряд проблем в части защиты этих прав, указанные вопросы в науке являются малоисследованными, а на практике весьма актуальными. Обозначенная проблематика рассматривается автором на примере гражданских дел, возбуждаемых по инициативе прокурора: по искам о признании недействительными документов об образовании и о квалификации; искам в защиту интересов образовательных организаций (прямо или косвенно); искам в защиту неопределенного круга обучающихся. Делается вывод о необходимости наделения специализированного органа исполнительной власти правом на предъявление иска о признании недействительным документа об образовании, а также вывод о возможности рассмотрения вопроса о признании документов об образовании недействительными в административном порядке.

Ключевые слова: гражданский процесс; прокурор; публичный интерес; право на образование; образовательные правоотношения; иски о признании недействительными документов об образовании и о квалификации; иски в защиту неопределенного круга лиц; баланс частного и публичного начал; способы защиты образовательных прав; формы защиты образовательных прав.

Для цитирования: Литвинова Т. А. Защита прокурором публичного интереса в сфере образования: гражданско-процессуальный аспект // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 5. — С. 73–87. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.073-087.

Prosecutor's Protection of Public Interest in Education: A Civil Procedure Aspect

Tatyana A. Litvinova, Postgraduate student, Assistant, Department of Civil and Administrative Procedure, Legal Adviser, Legal Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
lit.tat.anat@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the issues of the prosecutor's protection of public interest related to educational legal relations and (or) their individual elements. The dualism of private and public principles in the legal regulation

© Литвинова Т. А., 2023

* Литвинова Татьяна Анатольевна, аспирант, ассистент кафедры гражданского и административного судопроизводства, юрист-консульт юридического отдела Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
lit.tat.anat@yandex.ru

of educational relations generates a number of problems in terms of protection of these rights. The issues are poorly researched in the science, but in practice they are very relevant. The problems under discussion are considered by the author on the example of civil cases initiated by the prosecutor: actions for nullity of documents on education and qualifications; actions in defense of the interests of educational organizations (directly or indirectly); actions in defense of an indefinite number of students. It is concluded that it is necessary to endow a specialized executive authority with the right to bring an action for nullity of an educational document and that it is possible to consider the issue of nullity of educational documents in administrative proceedings.

Keywords: civil procedure; prosecutor; public interest; right to education; educational legal relations; actions for nullity of documents on education and qualifications; actions in defense of an indefinite circle of persons; balance of private and public principles; ways to protect educational rights; forms of protection of educational rights.

Cite as: Litvinova TA. Zashchita prokurorom publicnogo interesa v sfere obrazovaniya: grazhdansko-protsessualnyy aspekt [Prosecutor's Protection of Public Interest in Education: A Civil Procedure Aspect]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(5):73-87. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.073-087. (In Russ., abstract in Eng.).

Для правового регулирования образования характерно единение частноправового и публично-правового начал. Этот дуализм обусловлен различием в характере правовых отношений, складывающихся при осуществлении образовательной деятельности между различными субъектами. С одной стороны, речь идет о реализации конституционного права конкретного гражданина на образование. Причем даже при рассмотрении правоотношений, складывающихся между образовательной организацией и обучающимся, в зависимости от основы обучения — бюджетной (на местах, финансируемых за счет бюджетных ассигнований соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации) либо платной (на местах, финансируемых за счет средств физических или юридических лиц) — возникает различие в характере этих правоотношений. С другой стороны, существует пул полностью публичных правоотношений с участием регуляторов образовательной деятельности и контролирующих органов.

На практике весьма затруднительно провести четкую грань между правоотношениями, на которые распространяются только частноправовые нормы, и правоотношениями, находящимися исключительно в сфере публично-правового регулирования. Кроме того, можно предположить, что такая четкая дифференциация и не требуется, гораздо больший интерес представляет взаимная интеграция частного и

публичного начал в правовом регулировании образовательных отношений.

Социальная значимость сферы образования не вызывает сомнений. В данном контексте весьма актуален вопрос о том, какое преломление получает содержание публичного интереса в рассматриваемой сфере для целей определения предмета судебной защиты.

Так, с точки зрения ст. 45 ГПК РФ защита публичного интереса прокурором возможна в форме предъявления иска в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

В рамках статьи предполагается рассмотреть вопрос практического применения упомянутой нормы в контексте разрешения судами дел, так или иначе связанных с реализацией образовательных прав и правоотношений, и обратить внимание на отдельные проблемы, возникающие в ходе рассмотрения таких дел.

1. Иски прокурора о признании недействительными документов об образовании можно назвать вполне самостоятельной группой исков, практика предъявления и рассмотрения которых к настоящему времени сложилась, — обнаруживается большое количество подобных дел, разрешаемых судами в гражданско-процессуальном порядке. Фабула подобных дел следующая: в уголовном процессе (который мог завершиться как вынесением приговора, так и

без его вынесения¹) устанавливается противоправное деяние, которое повлекло за собой создание и включение в оборот документа об образовании, затем прокурор обращается в суд с иском о признании такого документа недействительным. Фактические обстоятельства могут быть самыми различными: лицо, которое указано в документе об образовании, получило этот документ, не осваивая образовательную программу — например, в результате совершения преступлений, связанных с подделкой документов (ст. 327 УК РФ); в результате нарушения порядка прохождения аттестации по образовательной программе — как правило, речь идет о случаях, когда выдача документа об образовании предопределяется совершением коррупционных преступлений на этапе прохождения обучающимся аттестации (ст. 290, 291 УК РФ), и в иных случаях.

Но в большинстве случаев обращение в суд с уголовно-процессуальной деятельностью не связано и основывается лишь на результатах внепроцессуальной деятельности прокурора, в ходе которой факт выдачи документа об образовании был опровергнут образовательной организацией, но вопрос о возбуждении уголовного дела по тем или иным причинам не разрешался.

При рассмотрении означенной категории судебных дел для начала можно обратить внимание на **защищаемый прокурором интерес**, служащий правовым основанием обращения в суд. В рассматриваемых делах защищаемый интерес может быть обозначен как интерес неопределенного круга лиц², как интерес публично-правового образования, как правило Российской Федерации³, либо совокупность интересов неопределенного круга лиц и Российской Федерации⁴, либо других публично-правовых образований⁵ или совокупность всех возможных носителей защищаемого интереса⁶.

Примечательно, во-первых, что суды далеко не всегда уделяют внимание установлению содержания защищаемого интереса, во-вторых, вовсе не разграничивают разные виды интересов, правом на защиту которых наделен прокурор. Встречаются следующие описания:

«В дальнейшем С., предъявляя этот диплом о высшем образовании, может вводить работодателей в заблуждение относительно своего уровня профессионального образования и квалификации. Диплом о высшем профессиональном образовании государственного образца действует на всей территории Российской Федерации. Использование недействительно-

¹ О преюдициальной силе судебных и иных постановлений, которые завершают производство по делу без вынесения приговора, см.: *Мацкевич П. Н.* Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 190–192 ; *Лопатин С. А.* Преюдиция в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: реализация или преодоление / под ред. Л. Н. Масленниковой. М. : Норма, 2019 ; *Кузнеценко С. Ю.* Особенности преюдиции в уголовно-процессуальном праве России. Отличие от института преюдиции в гражданском, арбитражном и административном процессах // *Российская юстиция.* 2019. № 9. С. 25–28 ; *Загоруйко И. Ю., Егоров Б. Д.* Вопросы межотраслевой преюдиции судебных актов, постановленных по уголовным делам и по делам об административных правонарушениях, в гражданском процессе Российской Федерации // *Вестник гражданского процесса.* 2020. № 6. С. 252–264.

² Решение Мостовского районного суда Краснодарского края от 30.12.2019 по гражданскому делу № 2-1254/2019 // ГАС «Правосудие».

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Крым от 10.07.2019 по делу № 33-6360/2019 // ГАС «Правосудие».

⁴ Решение Снежинского городского суда Челябинской области от 26.08.2021 по гражданскому делу № 2-620/2021 // ГАС «Правосудие».

⁵ Решение Пыть-Яхского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 28.12.2018 по гражданскому делу № 2-662/2018 // ГАС «Правосудие».

⁶ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Тюменского областного суда от 02.07.2020 по гражданскому делу № 33-1625/2020 // ГАС «Правосудие».

го диплома затрагивает **интересы Российской Федерации**, которой создаются соответствующие социально-экономические условия для его получения, расширения возможностей удовлетворять потребности человека в получении образования различного уровня и направленности в течение всей жизни и нарушает права и **законные интересы неопределенного круга лиц** в сфере образовательной деятельности на занятия определенной трудовой деятельностью и замещения соответствующих должностей» (иск в этом случае был предъявлен в защиту неопределенного круга лиц)⁷.

Другим судом было приведено сходное обоснование: «[диплом] дает возможность необоснованно претендовать на занятие профессиональной деятельностью в соответствии с указанным в нем уровнем образования и квалификацией, что приводит к нарушению интересов как государства, так и неограниченного круга лиц, которые при возникновении правоотношений с ним исходят из наличия у него, в частности, профессионального образования по квалификации «юрист»»⁸.

Безусловно, нельзя отрицать наличие общественного и государственного интереса в том, чтобы в оборот не попадали поддельные документы, а к работодателям по таким документам не трудоустроивались некомпетентные специалисты, в том числе и в случаях, когда речь идет о поступлении на государственную службу. Однако этот интерес видится несколько иным, чем интерес неопределенного круга лиц, о котором идет речь в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ.

М. С. Шакарян выделяла следующие характерные черты иска в интересах неопределенного круга лиц: наличие публичного интереса,

в котором нет субъекта материального правоотношения (определенного истца); отсутствие необходимости соблюдать досудебный порядок урегулирования спора, поскольку прокурор не является стороной в нем; невозможность прокурора распоряжаться материальным правом⁹.

Е. М. Артамоновой было предложено понятие иска в защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц как требования, предъявляемого в защиту прав и законных интересов многочисленной группы лиц, общность которой обусловлена наличием одного и того же ответчика, единством заявляемых требований, тождеством предмета и основания иска, предмета доказывания, а также наличием общего способа защиты судом нарушенных прав; при котором круг лиц, в интересах которых предъявляется иск, численно и персонально не определен, но является столь многочисленным, что делает невозможным установление и привлечение к участию в деле всех потенциальных истцов¹⁰.

По справедливому суждению М. О. Доловой, важнейшее значение исков о защите неопределенного круга лиц состоит в том, что, как правило, они направлены на защиту общественного интереса и открывают возможность упрощенной защиты интересов частных лиц путем освобождения их от обязанности доказывания факта правонарушения. Данный институт позволяет избежать ненормальной ситуации, при которой в случае массового нарушения прав граждан защите получает только тот, кто обратился в суд¹¹.

Вопрос конкретизации защищаемого интереса в судебной практике иногда разрешается весьма неоднозначно, а зачастую не разреша-

⁷ Решение Мостовского районного суда Краснодарского края от 30.12.2019 по гражданскому делу № 2-1254/2019.

⁸ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.01.2022 № 88-2413/2022-(88-24561/2021) // ГАС «Правосудие».

⁹ Гражданское процессуальное право : учебник / под ред. М. С. Шакарян. М. : Проспект, 2005. С. 94–96.

¹⁰ Артамонова Е. М. Защита прокурором прав и законных интересов неопределенного круга лиц в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 6.

¹¹ Долова М. О. Практика применения норм о защите неопределенного круга лиц в гражданском судопроизводстве // Комментарий судебной практики / отв. ред. К. Б. Ярошенко. М. : ИЗСП при Правительстве РФ, Контракт, 2019. Вып. 24. С. 119–131.

ется вовсе, что порождает ряд вопросов. Так, например, по одному из дел прокурором был предъявлен иск к гражданину о взыскании в доход федерального бюджета затрат на обучение в связи с неисполнением обязательств по договору о целевом обучении¹². Вопрос о праве прокурора на предъявление такого иска судом отдельно не разрешался, а в контексте вынесенного судебного акта наличие этого права (как, собственно, и защищаемого интереса) было установлено в противоречии примененному судом нормативному правовому акту, определяющему в том числе порядок взыскания затрат на обучение, согласно которому штраф в размере расходов федерального бюджета, осуществленных на обучение гражданина в образовательной организации, выплачивается в пользу этой образовательной организации, а не в пользу федерального бюджета¹³. Соответственно, право на предъявление иска о взыскании указанного штрафа принадлежит образовательной организации. Не разрешив вопрос о праве прокурора на предъявление иска, суд рассмотрел его по существу и отказал лишь в связи с тем, что посчитал сделку (договор о целевом обучении) недействительной. По всей видимости, если бы сделка оказалась действительной, препятствий для удовлетворения иска при таком составе лиц, участвующих в деле, суд не усмотрел бы.

Между тем вопрос о праве на предъявление иска имеет первостепенное для возбуждения процесса значение.

Так, К. И. Комиссаров указывал на предпосылки права на предъявление иска как исклю-

чения, закрывающие возможность обращения к суду¹⁴. В свою очередь, И. Г. Ренц и В. В. Ярков полагают, что такой подход более всего соответствует духу и букве современного процессуального права, отмечая при этом, что процессуальная реформа «подчеркнула характер права на предъявление иска в рамках гражданского и административного судопроизводства как общего дозволения»¹⁵.

В. Ф. Борисовой было обосновано, что своевременная и правильная проверка допустимости обращения в суд и рассмотрение по ее результатам вопроса о принятии заявления к производству суда является одной из задач стадии возбуждения гражданского судопроизводства; а также указанным автором действия по проверке наличия (отсутствия) предпосылок права на обращение в суд были отнесены к первой группе процессуальных действий на стадии возбуждения производства по делу, а действия по проверке соблюдения условий реализации права на обращение в суд — ко второй¹⁶.

Право на предъявление иска в делах о признании недействительными документов об образовании реализует прокурор, выступая тем самым процессуальным **истцом**. С точки зрения действующего законодательства он является единственным представителем государства и неопределенного круга лиц, который вправе обратиться с таким иском, в силу универсальности его исковых полномочий и отсутствия в законодательстве указания на право иных субъектов обратиться в суд с таким иском. Однако имеет смысл поставить вопрос о целесообразности такого решения вопроса.

¹² Решение Алексеевского районного суда Белгородской области от 11.11.2021 по гражданскому делу № 2-1013/2021 // ГАС «Правосудие».

¹³ П. 53, 54 Положения о целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования, утв. постановлением Правительства РФ от 13.10.2020 № 1681 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» // СЗ РФ. 2020. № 43. Ст. 6783.

¹⁴ См.: Комиссаров К. И. Полномочия суда второй инстанции в советском гражданском процессе. М., 1962. С. 60, 61.

¹⁵ Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Д. Б. Абушенко, К. Л. Браницкий, С. К. Загайнова [и др.] ; под ред. В. В. Яркова. М. : Статут, 2021. С. 247.

¹⁶ Борисова В. Ф. Возбуждение гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 8.

Так, Л. А. Терехова констатирует некоторую «всеядность» органов прокуратуры по предъявлению исков по самым разнообразным категориям дел. Указанным автором отмечается, что целесообразность такого неограниченного инициирования судебного производства иногда вызывает вопросы — например, в тех случаях, когда прокурор не является специалистом в каком-либо узкоспециализированном вопросе, но тем не менее предъявляет такой иск¹⁷. В частности, в рамках рассматриваемой категории дел указанные критические замечания представляются более чем актуальными.

На проблему необоснованного перекладывания на суды вопросов, относящихся к ведению органов исполнительной власти, обращал внимание М. А. Алиэскеров. По мнению указанного автора, эти вопросы должны находиться в пределах компетенции и разрешаться органами исполнительной власти, а быть предметом судебного рассмотрения лишь в качестве исключения при одновременном наличии двух условий: необходимость защиты жизни и здоровья граждан и отсутствие возможности реального и своевременного обеспечения такой защиты другими органами власти¹⁸.

В системе органов исполнительной власти Российской Федерации создан специализированный орган, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере образования и науки, а также организации формирования и ведения федеральной информационной системы «Федеральный реестр сведений о до-

кументах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении»¹⁹ (далее — ФИС ФРДО). Таким органом является Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор). Целями создания ФИС ФРДО являются в том числе ликвидация оборота поддельных документов государственного образца об образовании, а также обеспечение ведомств и работодателей достоверной информацией о квалификации претендентов на трудоустройство²⁰.

Таким образом, представляется целесообразным наделить Рособрнадзор правом на предъявление исков о признании документов об образовании и о квалификации недействительными (целесообразность судебного порядка рассмотрения подобных дел при этом является предметом отдельной дискуссии), поскольку для Рособрнадзора это полномочие является тесно связанным с теми функциями, которые возложены на него соответствующим Положением. Примечательно, что в судебной практике не удалось обнаружить дел данной категории, к участию в которых Рособрнадзор был бы привлечен в каком-либо качестве.

Не менее интересным является вопрос об определении надлежащего **ответчика**. То, что таковым может являться лицо, данные которого указаны в оспариваемом документе об образовании, вопросов не вызывает. Однако в ряде случаев, наряду с этим лицом, ответчиком выступает образовательная организация²¹, а иногда и лишь она выступает ответчиком, а

¹⁷ Терехова Л. А. Обращения прокурора в защиту неопределенного круга лиц // Российский судья. 2018. № 5. С. 6–10.

¹⁸ Алиэскеров М. А. Реализация целевых установок состязательного гражданского процесса в правовом социальном государстве // Lex russica. 2017. № 12. С. 54–67.

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 28.07.2018 № 885 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. II). Ст. 5344.

²⁰ Формирование и ведение Федерального реестра сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении // URL: <https://obrnadzor.gov.ru/gosudarstvennye-uslugi-i-funkczii/7701537808-gosfunction/formirovanie-i-vedenie-federalnogo-reestra-svedenij-o-dokumentah-ob-obrazovanii-i-ili-o-kvalifikaczii-dokumentah-ob-obuchenii/> (дата обращения: 01.10.2022).

²¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.01.2022 № 88-2413/2022-(88-24561/2021); решение Пыть-Яхского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 28.12.2018 по гражданскому делу № 2-662/2018.

владельцы оспариваемых документов привлекаются в качестве третьих лиц²².

Вполне обоснованным в данном случае будет вопрос, каким образом образовательная организация может выступать надлежащим ответчиком по иску, основанному на том, что указанная организация оспариваемый документ не выдавала. В таком случае даже предположение о том, что образовательная организация может быть нарушителем какого-либо права, исключено.

С другой стороны, представляется обоснованным привлечение образовательной организации в качестве ответчика в тех случаях, когда документы об образовании оспариваются по основаниям, связанным с нарушением порядка их выдачи²³.

В любом случае весьма спорным является решение о привлечении в процесс образовательной организации и в качестве **третьего лица**²⁴.

Иногда привлечение образовательной организации в качестве третьего лица может выглядеть весьма оригинально: образовательная организация, которая указана в дипломе, с даты выдачи реорганизована путем присоединения и на момент рассмотрения дела уже самостоятельно не функционирует, что не мешает суду привлечь эту (несуществующую, неправоеспособную) организацию к участию в деле в качестве третьего лица²⁵.

Способы защиты. Вопрос о способах защиты, безусловно, находится в сфере материально-правового регулирования, однако вызывает не меньший интерес. Так, анализируя судебную практику по рассматриваемой категории дел,

можно выделить наиболее типичные применяемые способы защиты:

— признание документа (одного или нескольких взаимосвязанных) недействительным (основной способ защиты);

— признание недействительными распорядительных актов, на основании которых выдавались оспоренные документы;

— обязанность образовательной организации внести изменения в учетные документы в части сведений о выдаче соответствующих документов;

— обязанность передать документ для уничтожения.

На первый взгляд, все вышеперечисленные требования вполне понятны. Однако вопросы всё же возникают. Так, перечень способов защиты гражданских прав содержится в ст. 12 ГК РФ с указанием на допустимость применения и иных способов, предусмотренных законами. Упомянутые способы защиты ни одним законодательным или в крайнем случае судебным (как это было в случае с возникновением такого способа защиты, как признание права отсутствующим) актом не установлены, что порождает практические проблемы, как связанные с выбором надлежащего способа защиты, так и с последующим правовым обоснованием принятого по заявленным требованиям решения.

Представляется обоснованным поставить вопрос о том, является ли гражданским защищаемое подобными исками право, и, если является, то каково его содержание, поскольку именно защищаемое право определяет надлежащий способ его защиты. То есть удовлетворение иска, содержащего верно избранный

²² Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 19.05.2020 по делу № 88-3644/2020 // ГАС «Правосудие».

²³ Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 19.05.2020 по делу № 88-3644/2020 ; определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04.03.2021 № 88-3245/2021 // СПС «КонсультантПлюс» ; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27.07.2021 № 88-14181/2021 // ГАС «Правосудие» ; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.07.2018 № 18-КГПР18-100 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Решение Мостовского районного суда Краснодарского края от 30.12.2019 по гражданскому делу № 2-1254/2019.

²⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Крым по гражданскому делу от 10.07.2019 № 33-6360/2019.

способ защиты, должно гарантировать защиту нарушенного или оспариваемого права.

В связи с неурегулированностью применяемого способа защиты в виде признания документов недействительными судами делаются попытки подвести вновь возникший способ защиты под уже существующие. Так, например, одним из судов в качестве правового обоснования при разрешении заявленного требования была приведена ссылка на ст. 153 ГК РФ (понятие сделки) и вывод суда о том, что при выдаче диплома «имела место сделка в форме оформления документа о высшем образовании, позволившая ответчику приобрести соответствующие права на трудоустройство согласно квалификации, указанной в дипломе о высшем образовании»²⁶. Речь о купле-продаже диплома, разумеется, не шла.

Дополнительно следует обратить внимание, что такое правовое последствие оказания образовательных услуг, как выдача документа об образовании, не является безусловным следствием встречного предоставления в виде внесения платы за эти услуги. Исполнение обязательства образовательной организации по выдаче документа об образовании поставлено в прямую зависимость от исполнения обучающимся академических обязанностей (включая прохождение всех установленных видов аттестации), регламентируемых нормами образовательного законодательства, соответствующих подзаконных и локальных нормативных актов образовательной организации, а не ГК РФ. В свою очередь, исполнение соответствующих обязанностей обучающимся сложно назвать встречным предоставлением применительно к обязательствам по сделке.

Таким образом, правовая конструкция «сделки в форме оформления документа об образовании» видится отнюдь не бесспорной.

Можно встретить дела, в которых испрашивается обязать образовательную организацию, не выдававшую спорный диплом, исключить сведения о нем из своих учетных документов. Постановка вопроса о корректности избранного способа защиты обуславливается в том числе и практикой последующих уточнений таких исков, в результате которых указанное требование исключается из просительной части²⁷. Обозначенный способ защиты можно признать корректным лишь в случаях, когда оспаривается документ, выданный на основе признанного недействительным ранее выданного документа (например, диплома о повышении квалификации, когда недействительным признан диплом о высшем образовании), либо когда имела место в действительности выдача документа, например, с нарушением порядка проведения аттестации.

В ряде дел прокуроры, помимо признания соответствующих документов недействительными, просили суд обязать ответчика передать документ для уничтожения. Вариативно решается вопрос о том, кто должен осуществить уничтожение — образовательная организация²⁸ или соответствующее подразделение Федеральной службы судебных приставов²⁹.

Представляется, что физического уничтожения признанного недействительным документа об образовании не является достаточным, поскольку, в частности, могут иметь место случаи сохранения, например, нотариальных копий признанных недействительными документов. Как известно, при совершении юридически значимых действий, за редкими исключениями, нотариально удостоверенная копия документа об образовании может быть равнозначной альтернативой оригиналу. Хотя некоторые суды полагают, что именно вынесение решения о

²⁶ Решение Снежинского городского суда Челябинской области от 18.08.2021 по гражданскому делу № 2-652/2021 // ГАС «Правосудие».

²⁷ Решение Московского районного суда города Чебоксары от 15.08.2022 по делу № 2-1191/2022 // ГАС «Правосудие».

²⁸ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.01.2022 № 88-2413/2022-(88-24561/2021).

²⁹ Решение Мостовского районного суда Краснодарского края от 30.12.2019 по гражданскому делу № 2-1254/2019.

признании диплома недействительным делает невозможным его дальнейшее использование: «В связи с тем, что диплом о высшем профессиональном образовании государственного образца действует на всей территории Российской Федерации, отсутствие судебного решения о признании диплома недействительным не позволит ограничить его использование»³⁰, — говорится в решении суда.

Имеет смысл поставить вопрос о целесообразности дополнительного признания недействительными распорядительных актов образовательной организации, на основе которых выдавался оспариваемый документ.

Так, по одному из дел этот вопрос стал предметом рассмотрения суда кассационной инстанции, и суд пришел к выводу, что «доводы о том, что при признании недействительным диплома о высшем образовании, выданным ФГБОУ ВО «САГС», не были признаны недействительными результаты промежуточной и итоговой аттестации, иные распорядительные документы, не свидетельствуют о незаконности обжалуемого судебного постановления, так как диплом это официальный документ, подтверждающий окончание высшего учебного заведения и именно его наличие влечет соответствующие правовые последствия»³¹. Следует согласиться с тем, что существование необжалованных результатов аттестации не влечет правовых последствий, поскольку сами по себе эти результаты никаких прав (в том числе на осуществление профессиональной деятельности по соответствующей квалификации) не предоставляют.

Однако в случаях, когда оспаривание документа об образовании основывалось на фактах нарушения порядка его выдачи, такой способ защиты видится целесообразным.

Вопрос о форме защиты. Его постановка следует непосредственно из существа спора. Иском о признании диплома недействительным прокурор реализует свою публично-правовую функцию. Прокурор и ответчик не объединены

одним правоотношением, в том числе правоотношением, возникающим в рамках контрольно-надзорной деятельности, поскольку прокурорский надзор за физическими лицами не осуществляется.

Анализируя судебные акты по делам о признании дипломов недействительными, можно сделать вывод о сходном построении доказывания по этим делам. Иск подтверждается материалами прокурорской проверки «по факту...» (как правило, этим фактом является выявление спорного документа в ходе прокурорской проверки в отношении работодателя либо факт направления работодателем — государственным органом материалов служебной или иной проверки прокурору), затем в судебном заседании заслушивается лицо, которое пользовалось оспариваемым документом, суд направляет запрос в образовательную организацию и, получив ответ о том, что соответствующий документ образовательной организацией не выдавался, удовлетворяет иск.

В судебной практике не удалось обнаружить ни одного дела, по которому предмет спора расширился бы до установления факта получения образования. Ответчики либо признают факт нелегального приобретения документа об образовании, либо не оспаривают его. Таким образом, можно прийти к выводу, что как таковой спор о праве в рассматриваемых делах отсутствует. Исходя из этого, можно вполне обоснованно поставить вопрос о целесообразности судебно-искового порядка разрешения вопроса о признании недействительными документов об образовании. Представляется, что вполне достаточно было бы рассмотреть вопрос в порядке особого производства (например, производства по установлению фактов, имеющих юридическое значение, либо отдельного вида, определив необходимые условия и другие особенности).

Вполне плодотворной может оказаться и дискуссия о надлежащем виде судопроизвод-

³⁰ Решение Снежинского городского суда Челябинской области от 18.08.2021 по гражданскому делу № 2-652/2021.

³¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.01.2022 № 88-2413/2022-(88-24561/2021).

ства: гражданском или административном, в котором надлежит рассматривать требования о признании диплома недействительным. Мысль о допустимости рассмотрения указанного вопроса в порядке административного судопроизводства может быть обусловлена выводом о сходстве (но не тождественности) юридического факта выдачи документа об образовании с административными актами. Однако, погружаясь в характер права, обусловленного наличием такого документа, следует прийти к выводу о том, что первичным в данном случае должен быть частный интерес конкретного лица, базирующийся на свободе труда, а не абстрактный публичный интерес. Потому подходящим видом судопроизводства представляется всё же гражданское, а не административное.

Аргументом в пользу этого тезиса может служить и характер документа об образовании как юридического факта. Так, рассматривая вопрос о правовой квалификации документа об образовании как правопорождающего или правоподтверждающего факта, можно сделать вывод о том, что наличие документа установленной формы во всяком случае лишь подтверждает факт получения образования и квалификации, который, в свою очередь, может рассматриваться и как правопорождающий, и как правоподтверждающий факт. Определение вида такого факта в конкретном случае находится в прямой зависимости от наличия либо отсутствия установленных квалификационных требований к соответствующим должностям. Так, в случае если законом³² установлено требование о наличии определенного уровня образования, следует прийти к выводу, что наличие соответствующего образования и квалификации порождает право на осуществление соответствующего вида деятельности, поскольку их отсутствие исключает возможность осуществления трудовой деятельности (либо поступления на государственную службу) в этой сфере.

Иначе может быть разрешен вопрос, когда требования к образованию и квалификации установлены иным нормативным правовым актом³³ или локальным нормативным актом организации. В указанных случаях работодатель обладает достаточным уровнем автономии, поскольку не связан законодательным запретом приема на работу лиц, не отвечающих этим квалификационным требованиям, поэтому в указанных случаях факт наличия образования и квалификации лишь подтверждает право на осуществление трудовой деятельности по профессии (должности), требующей наличия определенного уровня образования.

В таком случае первичен интерес лица, чье право на ведение деятельности по соответствующей специальности оспаривается, а не решение каких-либо формальных вопросов, как правило, установленных законом для дел административного судопроизводства.

Однако более предпочтительным видится исключение указанных дел из подведомственности судов вообще с передачей рассмотрения вопросов о признании недействительными документов об образовании и о квалификации в Рособрнадзор. Это позволит снизить нагрузку на суды и прокуратуру без каких-либо потерь, поскольку само по себе признание диплома недействительным и даже его уничтожение без доведения информации о принятом решении до сведения неопределенного круга лиц не позволяет достичь поставленной цели.

В свою очередь, сведения ФИС ФРДО доступны любому заинтересованному в верификации документа об образовании лицу: располагая реквизитами этого документа, пользователь ФИС ФРДО заполняет поля формы на странице системы (фамилия владельца документа об образовании, серия и номер бланка документа, дата выдачи и образовательная организация), после чего система в автоматическом режиме предоставляет ответ на запрос — обнаружены

³² См., например: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (ст. 4); Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ст. 40.1); Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (ст. 16).

³³ См., например: Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих, утв. постановлением Минтруда России от 21.08.1998 № 37.

ли соответствующие сведения в системе или нет. На сегодняшний день для работодателя не существует сложности в самостоятельной проверке подлинности представленного соискателем документа об образовании. В ФИС ФРДО представлены сведения обо всех документах об образовании, выданных с 2015 г. (в том числе ведется работа по внесению сведений о документах, выданных с 2009 по 2014 гг.).

Таким образом, можно сформулировать предложение о включении сведений о принятых решениях о признании недействительными документов об образовании в реестр (ФИС ФРДО) с выделением специального раздела реестра либо созданием отдельного ресурса, аккумулирующего информацию о принятых решениях о недействительности документов об образовании и о квалификации.

Информационная открытость в данном случае является механизмом эффективной борьбы с поддельными документами, однако стоит признать, что информированность работодателей о возможности самостоятельной проверки документов об образовании в ФИС ФРДО далека от всеобщей. В частности, по опыту Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) можно констатировать, что работодателями по-прежнему в большом количестве направляются запросы о подтверждении факта выдачи диплома соискателю. Преимущественно такие запросы поступают от государственных органов.

2. Обращение прокурора с иском в защиту интересов образовательной организации. Рассматривая вопрос о возможности предъявления прокурором исков в защиту юридических лиц,

нельзя не признать достаточную стабильность подхода правоприменительной практики к разрешению указанного вопроса — большинством судов при рассмотрении исковых заявлений, из которых явно или неявно следует, что судебная защита инициирована в интересах юридического лица, указывается на отсутствие у прокурора права на предъявление соответствующих исков³⁴. Указанный подход в полной мере основан на нормах действующего процессуального законодательства.

Однако, когда речь идет о предъявлении прокурором исков в защиту образовательных организаций, вопрос не всегда решается единообразно³⁵, в частности, встречаются следующие ситуации:

— решением суда исковое заявление прокурора, предъявленное в интересах университета, являющегося федеральным казенным учреждением, о возмещении материального ущерба удовлетворено³⁶;

— суд указал на нарушение правил территориальной подсудности, не указав на отсутствие у прокурора права на предъявление иска в защиту юридического лица — образовательной организации, то есть суд косвенно подтвердил наличие права на предъявление иска³⁷;

— судами четырех инстанций, включая Верховный Суд РФ, рассмотрено дело по иску прокурора в интересах Российской Федерации в лице территориального управления Федерального агентства по управлению государственным имуществом, Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, университета³⁸;

³⁴ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 27.06.2016 по делу № 33-8317/2016 ; апелляционное определение Московского городского суда от 04.04.2018 по делу № 33-13113/2018 ; апелляционное определение Московского городского суда от 26.08.2020 по делу № 33-31516/2020 ; апелляционное определение Московского городского суда от 18.04.2022 по делу № 10-4713/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ Решение Ленинского районного суда города Смоленска от 28.11.2018 по гражданскому делу № 2-3514/2018 // ГАС «Правосудие».

³⁶ Решение Московского гарнизонного военного суда от 13.04.2017 по делу № 2-267/2017 // ГАС «Правосудие».

³⁷ Определение Московского гарнизонного военного суда от 10.05.2017 по делу № 2-266/2017 // ГАС «Правосудие».

³⁸ Определение Верховного Суда РФ от 05.02.2020 № 301-ЭС19-23073 по делу № А31-4641/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

— несколькими судебными инстанциями рассмотрен гражданский иск прокурора, заявленный в интересах неопределенного круга лиц и Российской Федерации в лице университета о возмещении вреда имуществу, переданному университету на праве оперативного управления³⁹. При этом постановлением следователя еще на этапе предварительного расследования университет был признан потерпевшим по уголовному делу. Вопрос о характере защищаемого прокурором интереса судами не исследовался, право прокурора на предъявление иска в обозначенной интерпретации сомнению не подвергалось, хотя весьма спорной видится конструкция предъявления гражданского иска о возмещении вреда, причиненного преступлением, в интересах неопределенного круга лиц.

Стоит отметить, что в случаях защиты прокурором права на имущество, находящееся в федеральной собственности, представляется целесообразным признавать за прокурором право на предъявление иска, несмотря на неправильное указание на защиту федеральных интересов *в лице* каких бы то ни было органов и организаций.

Представляется целесообразным при решении вопроса о наличии либо отсутствии права прокурора на предъявление иска, затрагивающего имущественные права и интересы, в частности образовательных организаций, исходить из характера такого права: признавать за прокурором право на предъявление исков, связанных с защитой прав на имущество, находящееся в публичной собственности, в целях противодействия ее незаконному выбытию из владения соответствующего публично-правового образования и констатировать его отсутствие в случаях, когда речь идет о защите прав организации в связи с осуществлением ею какой-либо приносящей доход деятельности, не связанной с имуществом публично-правовых образований и бюджетным финансированием, а также в случа-

ях защиты неимущественных прав и интересов, если их непосредственным носителем является только образовательная организация.

3. Иски в защиту обучающихся. В данном случае проблема правоприменительной практики сводится к вопросу квалификации соответствующей множественности лиц как неопределенного либо определяемого круга лиц.

В сфере, связанной с образовательными отношениями, суды по-разному подходят к оценке группы лиц, которую составляют обучающиеся одной образовательной организации. В одних случаях суды констатируют наличие возможности персональной идентификации и, как следствие, отсутствие у прокурора права на предъявление соответствующего иска. В других, исходя из постоянных изменений контингента, соглашаются с тем, что прокурор вправе прибегнуть к защите именно неопределенного круга лиц⁴⁰.

Представляется обоснованным вывод о том, что наметилась четкая тенденция в судебной практике — когда речь идет об учащих дошкольных образовательных организаций или учащих школ, суды не углубляются в вопросы идентификации и персонификации, принимают иски к производству и рассматривают их. Представляется, это связано с реализацией полномочия суда по осуществлению правильной правовой квалификации спора. Так, на существо заявленных требований, например, о понуждении образовательной организации к исполнению требований об антитеррористической защищенности объекта (об обязанности возвести ограждение на территории образовательной организации), никак не влияет их квалификация, как иска, предъявленного в защиту неопределенного круга лиц или определенного круга несовершеннолетних обучающихся, которые не могут самостоятельно реализовать право на судебную защиту.

В случае с обучающимися высших учебных заведений возможна разная оценка, хотя подоб-

³⁹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.07.2022 по делу № 88-16743/2022 // ГАС «Правосудие».

⁴⁰ Постановление президиума Брянского областного суда от 12.12.2018 по делу № 44-г-53/2018 // ГАС «Правосудие»; определение Судебной коллегии по гражданским делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 07.05.2020 по делу № 88-2128/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

ных дел в судебной практике удалось обнаружить не так много.

В качестве примера можно привести следующее дело. Прокурором по обращению обучающейся было выявлено нарушение университетом порядка выплаты стипендии. Это нарушение выразилось в том, что обучающимся выплатили стипендию с задержкой, в то время как локальным актом университета срок выплаты стипендии определен не был, что противоречило законодательству об образовании. Прокурор, исходя из того, что такое положение, существующее в университете ко времени рассмотрения им обращения, нарушает права всех обучающихся и может нарушить права тех обучающихся, которые могут поступить на обучение, предъявил иск в защиту неопределенного круга лиц. Только при разбирательстве дела в суде кассационной инстанции, инициированном прокурором, принятые судебные акты были отменены, дело возвращено на новое рассмотрение с указаниями о том, что необходимо принять во внимание наличие угрозы нарушения прав студентов на ежемесячное получение стипендии, согласившись таким образом с правильностью избранного прокурором способа защиты⁴¹.

Рассмотренные выше проблемы имеют теоретико-прикладное значение. Однако полагаем, что на современном этапе развития законодательства об образовании, характеризующемся прежде всего ярким проявлением дуализма частного и публичного начал, весьма сложно решить обозначенные проблемы путем изменения конкретных нормативных правовых актов. В то же время видится вполне реальным проведение судебной практики к обеспечиваемому процессуальным законодательством единообразием в части толкования норм, вызывающих сложности у правоприменителя, в частности путем обобщения практики и подготовки на основе такого обобщения руководящих разъяснений.

Имеет смысл обратить внимание и на теоретико-методологические сложности рассмотрения приведенных выше категорий споров: в частности, рассмотренные проблемы системно не анализируются в литературе, в то время как сложность правовой регламентации обозначенных вопросов требует от правоприменителя достаточно серьезного погружения в проблематику, которое на практике возможно далеко не всегда, учитывая нагрузку на судей районных судов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства : [монография] / [Абушенко Д. Б., Брановицкий К. Л., Загайнова С. К. [и др.]], под ред. В. В. Яркова ; Уральский государственный юридический университет, кафедра гражданского процесса. — М. : Статут, 2021. — 458, [1] с.; ISBN 978-5-8354-1734-6.
2. Алиэскеров М. А. Реализация целевых установок состязательного гражданского процесса в правовом социальном государстве // Lex russica. — 2017. — № 12. — С. 54–67.
3. Артамонова Е. М. Защита прокурором прав и законных интересов неопределенного круга лиц в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка при Генер. прокуратуре РФ. — М., 2004. — 27 с.
4. Борисова В. Ф. Возбуждение гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. — Саратов, 2009. — 26 с.
5. Гражданское процессуальное право : учебник под ред. М. С. Шакарян. — М. : Проспект, 2005. — С. 94–96.

⁴¹ Постановление президиума Хабаровского краевого суда от 15.04.2019 по гражданскому делу № 44 г.-56/2019 // ГАС «Правосудие».

6. *Долова М. О.* Практика применения норм о защите неопределенного круга лиц в гражданском судопроизводстве // Комментарий судебной практики / отв. ред. К. Б. Ярошенко. — М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Контракт, 2019. — Вып. 24. — С. 119–131.
7. *Загоруйко И. Ю., Егоров Б. Д.* Вопросы межотраслевой преюдиции судебных актов, постановленных по уголовным делам и по делам об административных правонарушениях, в гражданском процессе Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. — 2020. — № 6. — С. 252–264.
8. *Комиссаров К. И.* Полномочия суда второй инстанции в гражданском процессе. — М. : Госюриздат, 1961. — 106 с.
9. *Кузнеченко С. Ю.* Особенности преюдиции в уголовно-процессуальном праве России. Отличие от института преюдиции в гражданском, арбитражном и административном процессах // Российская юстиция. — 2019. — № 9. — С. 25–28.
10. *Лопатин С. А.* Преюдиция в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: реализация или преодоление: [монография] / С. А. Лопатин ; под ред. доктора юридических наук, профессора Л. Н. Масленниковой. — М. : Норма, 2019. — 205, [2] с.; ISBN 978-5-91768-610-3.
11. *Мацкевич П. Н.* Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. — М., 2017. — 241 с.
12. *Рабинович Н. В.* Недействительность сделок и ее последствия / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т имени А.А. Жданова. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. — 171 с.
13. *Терехова Л. А.* Обращения прокурора в защиту неопределенного круга лиц // Российский судья. — 2018. — № 5. — С. 6–10.

Материал поступил в редакцию 19 января 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aktualnye problemy grazhdanskogo i administrativnogo sudoproizvodstva: [monografiya] / [Abushenko D. B., Branovitskiy K. L., Zagaynova S. K. [i dr.]], pod red. V. V. Yarkova; Uralskiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet, kafedra grazhdanskogo protsesssa. — M.: Statut, 2021. — 458, [1] s.; ISBN 978-5-8354-1734-6.
2. *Alieskerov M. A.* Realizatsiya tselevykh ustanovok sostyazatel'nogo grazhdanskogo protsesssa v pravovom sotsialnom gosudarstve // Lex russica. — 2017. — № 12. — S. 54–67.
3. *Artamonova E. M.* Zashchita prokurorom prav i zakonnykh interesov neopredelennogo kruga lits v grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.11 / Nauch.-issled. in-t problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka pri Gener. prokurature RF. — M., 2004. — 27 s.
4. *Borisova V. F.* Vozbuzhdenie grazhdanskogo sudoproizvodstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.15. — Saratov, 2009. — 26 s.
5. *Grazhdanskoe protsessualnoe pravo: uchebnik pod red. M. S. Shakaryan.* — M.: Prospekt, 2005. — S. 94–96.
6. *Dolova M. O.* Praktika primeneniya norm o zashchite neopredelennogo kruga lits v grazhdanskom sudoproizvodstve // Kommentariy sudebnoy praktiki / отв. ред. К. В. Ярошенко. — М.: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitelstve RF, Kontrakt, 2019. — Vyp. 24. — S. 119–131.
7. *Zagoruyko I. Yu., Egorov B. D.* Voprosy mezhotraslevoy preyuditsii sudebnykh aktov, postanovlennykh po ugolovnym delam i po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh, v grazhdanskom protsesse Rossiyskoy Federatsii // Vestnik grazhdanskogo protsesssa. — 2020. — № 6. — S. 252–264.
8. *Komissarov K. I.* Polnomochiya suda vtoroy instantsii v grazhdanskom protsesse. — M.: Gosyurizdat, 1961. — 106 s.

9. Kuznechenko S. Yu. Osobennosti preyuditsii v ugovolno-protsessualnom prave Rossii. Otlchie ot instituta preyuditsii v grazhdanskom, arbitrazhnom i administrativnom protsessakh // Rossiyskaya yustitsiya. — 2019. — № 9. — S. 25–28.
10. Lopatin S. A. Preyuditsiya v ugovolnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii: realizatsiya ili preodolenie: [monografiya] / S. A. Lopatin; pod red. doktora yuridicheskikh nauk, professora L. N. Maslennikovoy. — M.: Norma, 2019. — 205, [2] s.; ISBN 978-5-91768-610-3.
11. Matskevich P. N. Preyuditsiya v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.15. — M., 2017. — 241 s.
12. Rabinovich N. V. Nedeystvitelnost sdelok i ee posledstviya / Leningr. ordena Lenina gos. un-t imeni A.A. Zhdanova. — L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1960. — 171 s.
13. Terekhova L. A. Obrashcheniya prokurora v zashchitu neopredelenного kruga lits // Rossiyskiy sudya. — 2018. — № 5. — S. 6–10.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.088-095

Г. В. Шония*

Трудовой договор с педагогическим работником: актуальные проблемы заключения и содержания сопровождающих документов

Аннотация. Педагогическая деятельность работника образовательной организации обладает особой социальной значимостью. Принципы непрерывности и профессиональности организации и проведения образовательного процесса оказывают существенное влияние на регулирование отношений, связанных с заключением, возобновлением, а также с содержанием трудового договора с педагогическим работником. Поворотной точкой в правоприменительной практике, а также в подходе законодателя к регулированию исследуемых отношений стало издание постановления Конституционного Суда РФ от 15.07.2022 № 32-П. Современный трудовой договор с педагогическим работником не ограничивается одним документом. Образовательной организацией (работодателю) следует обратить внимание на документы, сопровождающие трудовой договор с педагогическим работником. В статье на основании анализа актуальных положений трудового законодательства и законодательства о персональных данных, доктрины, судебной и деловой практики сделаны выводы и рекомендации относительно решения проблем, связанных с заключением, возобновлением и содержанием трудового договора с педагогическим работником, а также относительно сопровождающих его документов. В работе обосновывается состав и содержание таких документов, сделаны предложения относительно юридически корректной обработки персональных данных педагогических работников и отчетности перед Роскомнадзором.

Ключевые слова: трудовой договор; педагогический работник; образовательная организация; социальная значимость; сопровождающие документы; персональные данные; биометрические данные; изображение; конфиденциальность; обработка; согласие.

Для цитирования: Шония Г. В. Трудовой договор с педагогическим работником: актуальные проблемы заключения и содержания сопровождающих документов // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 5. — С. 88–95. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.088-095.

© Шония Г. В., 2023

* Шония Гури Вахтангович, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
gvshonija@msal.ru

An Employment Contract with a Teacher: Actual Problems of Concluding Such Contracts and Content of Supporting Documents

Guri V. Shonia, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Labor Law and Social Security Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
gvshonija@msal.ru

Abstract. The pedagogical activity of a teacher at an educational organization is of a special social significance. The principles of continuity and professionalism of organization and conduct of the educational process have a significant impact on relations regulating conclusion, renewal and the content of an employment contract with a teacher. A turning point in law enforcement practice, as well as in the legislator's approach to regulating the relations under consideration, took place when Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 32-P of 15.07.2022 was passed. A modern employment contract with a teacher is not limited to one document. The educational organization (an employer) should pay attention to the documents accompanying the employment contract with the teaching staff. Based on the analysis of current provisions of labor legislation and legislation protecting personal data, the doctrine, judicial and business practice, the author makes conclusions and recommendations regarding the solution of problems related to the conclusion, renewal and content of an employment contract with the teacher, as well as regarding the accompanying documents. The paper substantiates the composition and content of such documents, makes proposals regarding lawful processing of personal data of the teaching staff and reporting to Roskomnadzor.

Keywords: employment contract; teacher; educational organization; social significance; accompanying documents; personal data; biometric data; image; confidentiality; processing; consent.

Cite as: Shonia GV. Trudovoy dogovor s pedagogicheskim rabotnikom: aktualnye problemy zaklyucheniya i sodержaniya soprovozhdayushchikh dokumentov [An Employment Contract with a Teacher: Actual Problems of Concluding Such Contracts and Content of Supporting Documents]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(5):88-95. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.088-095. (In Russ., abstract in Eng.).

Издание постановления Конституционного Суда РФ от 15.07.2022 № 32-П¹, в котором часть 1 ст. 332 Трудового кодекса РФ признана частично не соответствующей Конституции РФ, ознаменовало начало нового периода применения норм о трудовом договоре с педагогическим работником.

В рамках названного постановления сформулированы выводы и приведен ряд иных положений, являющихся максимально перспективными для законотворчества и правоприменения, в частности:

1) сделан акцент на социальное предназначение трудового законодательства и защиту

интересов работника как слабой стороны трудового правоотношения;

2) подчеркнуто, что особый статус педагогического работника обусловлен спецификой выполнения им трудовой функции по подготовке высококвалифицированных кадров по всем ключевым направлениям общественно полезной деятельности;

3) определено, что нормы, устанавливающие специальный статус педагогического работника, должны быть недвусмысленными, исключающими возможность судебного двойного толкования;

4) установлено, что педагогическая деятельность характеризуется особой общественной

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2022 № 32-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Подакова» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. 19.07.2022.

значимостью, проявляющейся как в воспитательном воздействии на обучающихся, так и в обеспечении возможности реализации ими своего конституционного права на получение образования. Это определяет особый статус педагогических работников, а также их академические права и свободы;

5) подчеркнута, что особая социальная значимость педагогической деятельности ставит конкретную цель перед законодателем — совершенствовать нормативную базу для создания гарантий поддержания высокой социальной оценки педагогической деятельности и престижа педагогических работников;

6) даны рекомендации по выработке направлений совершенствования законодательства, регулирующего труд педагогических работников, в частности, законодателю предлагается учитывать автономность деятельности образовательных организаций, с одной стороны, и установление единых критериев конкурсного отбора педагогических работников, с другой стороны;

7) сделан акцент на длящихся трудовых отношениях с педагогическими работниками. Так, рекомендуемые сроки действия трудового договора с педагогическим работником составляют три и пять лет. Также допускается заключение трудового договора на неопределенный срок;

8) дана негативная оценка краткосрочному трудовому договору с педагогическим работником, а также отсутствию в ТК РФ правил о минимальном сроке трудового договора с педагогическим работником. Конституционный Суд поясняет, что заключение краткосрочного трудового договора является благоприятной

средой для произвола работодателя как более сильной стороны трудовых отношений;

9) сделан вывод, что заключение с педагогическими работниками преимущественно краткосрочных трудовых договоров не может быть оправдано спецификой педагогической работы, а также специальным правовым положением педагогических работников. Это делает бессмысленной конструкцию и случаи применения срочного трудового договора, а также приводит к нарушению ч. 3 ст. 17 Конституции РФ;

10) определено, что толкование ст. 332 ТК РФ должно исключать дискриминационный подход к заключению и возобновлению трудового договора с педагогическим работником посредством установления образовательной организацией (работодателем) неоправданно коротких дискриминационных сроков заключения и пролонгации трудового договора с данной категорией работников.

Помимо бесспорной важности приведенного Конституционным Судом толкования, отметим его своевременность. Срочный характер трудового договора с педагогическим работником неоднократно выступал предметом судебного разбирательства². В доктрине справедливо отмечается проблема разграничения понятий «трансформация срочного трудового договора в трудовой договор, заключенный на неопределенный срок» и «продление срочного трудового договора»³, наличие особых требований к педагогическим работникам⁴, включая заведующих кафедрами.

В представленном толковании Конституционного Суда РФ нашли свое отражение его пози-

² См., например: определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.10.2019 по делу № 8Г-19/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

О судебной практике по данной категории споров см. также: *Горошко Т.* Оспаривание увольнения преподавателя вуза: обзор судебной практики // *Трудовое право.* 2020. № 7. С. 97–104.

³ *Коршунова Т. Ю.* Проблемы правового статуса единоличного исполнительного органа юридического лица: соотношение корпоративного и трудового права // *Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики* : монография / О. А. Беляева, С. А. Бурлаков, М. М. Вильданова [и др.] ; отв. ред. О. В. Гутников. М. : ИЗИСП, Статут, 2021.

⁴ *Соколова Т. В.* Особенности аттестации научных работников // *Трудовое право в России и за рубежом.* 2020. № 2. С. 51–54.

тивные нормотворческие полномочия⁵ (ст. 80, 125 Конституции РФ), до внесения изменений в ч. 1 ст. 332 ТК РФ работодатель (образовательная организация) должен заключать трудовые договоры с педагогическими работниками на срок от 3 лет. Таким образом, Конституционный Суд применил ограничительный метод толкования правовой нормы, посчитав, что минимальный срок заключения срочного трудового договора с педагогическим работником составляет 3 года.

На наш взгляд, Конституционный Суд РФ, устанавливая, по существу, ограничения свободы труда в части определения условий трудового договора, очертил определенные рамки не только для работодателя (образовательной организации), но и для педагогического работника. Если работник в силу тех или иных обстоятельств имеет возможность осуществлять трудовую функцию в течение более короткого срока, чем 3 года, право работника на свободу труда (ст. 37 Конституции РФ, ч. 2 ст. 2 ТК РФ) теперь не может быть реализовано.

Конституционный Суд РФ не дает разъяснений относительно краткосрочных трудовых договоров, заключаемых в интересах работника. Работодатель (педагогическая организация) теперь не может заключить с педагогическим работником трудовой договор на срок менее 3 лет. Работник в этой ситуации вынужден соглашаться на заключение трудового договора на трехлетний срок, а впоследствии — расторгать трудовой договор по своей инициативе (ст. 80 ТК РФ).

Выявленная проблема, на наш взгляд, также требует разъяснений Конституционного Суда РФ и внесения изменений в ч. 1 ст. 332 ТК РФ, касающихся заключения краткосрочных трудовых договоров по инициативе педагогического работника.

Современный трудовой договор с педагогическим работником, помимо основного до-

кумента, содержит ряд сопровождающих документов (приложений). Термин «сопровождающие документы» не предусмотрен в трудовом законодательстве, на наш взгляд, под документами, сопровождающими трудовой договор, понимаются юридические акты (дополнительные соглашения и согласия), направленные на конкретизацию прав и обязанностей работника при выполнении им трудовой функции, включая дистанционную трудовую функцию. По нашему мнению, необходимо внести изменения в действующее трудовое законодательство применительно к особенностям выполнения педагогическими работниками дистанционной трудовой функции, на данный момент эти отношения не урегулированы действующим трудовым законодательством. До внесения соответствующих изменений в законодательство работодателю целесообразно применять трудовой договор, а также сопровождающие его документы. К таким документам, с нашей точки зрения, можно отнести:

- 1) согласие на обработку персональных данных;
- 2) соглашение о конфиденциальности (включая соглашение о неразглашении информации, составляющей врачебную тайну, персональных и биометрических данных третьих лиц);
- 3) согласие на фиксацию, обработку и распространение изображения;
- 4) согласие на обработку биометрических данных.

В практическом примере⁶ сопровождающие документы к трудовому договору отсутствуют. Дополнение трудового договора такими документами не является обязательным, в то же время они служат доказательством своевременного и юридически корректного уведомления работника о содержании его обязанностей, сопутствующих выполнению им трудовой функции. Рассмотрим более подробно каждое

⁵ См.: Татаринцов С. А. Полномочия Конституционного Суда Российской Федерации по преодолению конституционно-правовых пробелов // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 3. С. 48–52.

⁶ См.: Форма : Трудовой договор с педагогом-психологом образовательной организации (подготовлен Н. Д. Малеевой для системы «КонсультантПлюс», 2022).

из этих приложений. Отметим, что аналогичные документы могут прилагаться и к гражданско-правовому договору. В данном случае следует принять во внимание отличие трудовых отношений от отношений гражданских⁷ по критерию наличия (для трудовых) или отсутствия (для гражданских) признака субординации, а также невозможность субсидиарного применения к регулированию трудовых отношений норм Гражданского кодекса РФ (ст. 15 ТК РФ, ст. 2 ГК РФ).

1. Согласие на обработку персональных данных педагогического работника (гл. 14 ТК РФ)

1 сентября 2022 г. вступили в силу изменения, внесенные в Федеральный закон «О персональных данных»⁸. На наш взгляд, изменения, касающиеся заключения, действия и возобновления договора с педагогическим работником применительно к персональным данным, коснулись следующего.

Уведомление об обработке персональных данных является публичным не только в отношении работника, но и в отношении неограниченного круга лиц. Работодатель должен уведомить Роскомнадзор о своем намерении обрабатывать персональные данные. Срок ответа работодателя на запрос Роскомнадзора сокращен до 10 рабочих дней и может быть продлен до 5 рабочих дней, если работодатель об этом уведомит данный орган исполнительной власти с обоснованием причин такой пролонгации.

Работник должен быть ознакомлен с локальными актами, посвященными регулированию отношений по обработке персональных данных, у конкретного работодателя. В частности, локальные акты должны содержать: категории и перечни обрабатываемых персональных данных; категории субъектов персональных данных; способы и сроки обработки, хранения персональных данных; порядок их уничтожения.

В согласии педагогического работника на обработку персональных данных целесообразно указать, какая конкретно информация должна быть сообщена работником, а также какие способы обработки этих сведений будут применены. Поскольку отчитываться перед Роскомнадзором работодатель обязан только в случае автоматизированной обработки персональных данных, все случаи и способы неавтоматизированной их обработки (например, фиксация информации о выдаче и возврате одноразовых пропусков) должны быть указаны в локальном акте организации. В случае, если работодатель для обработки персональных данных использует информационную систему, на сайте в сети «Интернет», содержащем технический ресурс обработки, необходимо разместить локальный акт, регулирующий отношения по обработке персональных данных, к примеру, в конкретной образовательной организации.

Работодатель несет ответственность за незаконное раскрытие, передачу и распространение персональных данных педагогических работников. В случае компрометации их персональных данных работодатель обязан сообщить в Роскомнадзор, направив ему уведомление, содержащее сведения: о составе правонарушения, компрометирующего персональные данные педагогического работника; о предполагаемой причине такого правонарушения и примерном расчете масштаба вреда, причиненного педагогическому работнику, а также оператору обработки персональных данных; о мерах по устранению последствий такого правонарушения; о представителе образовательной организации, который уполномочен взаимодействовать с Роскомнадзором по вопросам, связанным с правонарушением.

Образовательная организация обязана провести расследование правонарушения, ском-

⁷ См. об этом также: *Грозовская Е.* Административная ответственность за нарушение трудового законодательства: как защититься // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2020. № 3. С. 46–55.

⁸ См.: Федеральный закон от 14.07.2022 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О персональных данных”, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части четырнадцатой статьи 30 Федерального закона “О банках и банковской деятельности”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. 14.07.2022.

прометировавшего персональные данные педагогического работника, в течение 72 часов с момента его совершения. Результаты внутреннего расследования должны быть сообщены в Роскомнадзор. Правила проведения внутреннего расследования подобных правонарушений целесообразно зафиксировать в локальном акте образовательной организации и ознакомить с этим актом педагогических работников. Перспективным направлением защиты персональных данных педагогических работников является взаимодействие образовательной организации с государственной системой обнаружения кибератак ГосСОПКА⁹.

Содержание согласия на обработку персональных данных любого работника (не являясь исключением педагогические работники) более не может носить поверхностный характер. В согласии педагогического работника должны быть указаны конкретные цели и способы их обработки. Если персональные данные работника планируется разместить на сайте образовательной организации в сети «Интернет», информация об этом должна содержаться в таком согласии. С нашей точки зрения, с педагогического работника возможно взять отдельное согласие на размещение этих сведений на сайте образовательной организации.

2. Соглашение о конфиденциальности

Педагогический работник, осуществляя свою трудовую функцию, сталкивается со значительным объемом сведений конфиденциального характера. К ним можно отнести персональные данные обучающихся, иных педагогических работников и сотрудников образовательной организации, биометрические данные и изображения этих лиц. В юридической и медицинской образовательной среде частыми являются ситуации, когда преподаватели совмещают свою образовательную деятельность с практической трудовой функцией и приводят обучающимся примеры из своей профессиональной деятельности. Практические примеры, приводимые в ходе осуществления образовательного процес-

са, не должны нелегально раскрывать персональные, биометрические данные третьих лиц, включая информацию, составляющую нотариальную и врачебную тайну. Не должны демонстрироваться в презентациях и видеороликах, сопровождающих образовательный процесс, изображения третьих лиц, если не получено их согласие на демонстрацию изображений. Если конфиденциальная информация была раскрыта в ходе осуществления педагогическим работником его трудовой функции, стороной, которая может быть привлечена к юридической ответственности за раскрытие конфиденциальной информации третьих лиц, выступает образовательная организация.

Полагаем, что соглашение о конфиденциальности, заключаемое с педагогическим работником, не может носить формальный характер. В нем должна быть указана обязанность не раскрывать конкретную конфиденциальную информацию третьих лиц. В противном случае такого работника будет сложно привлечь к ответственности в порядке регресса. Обратим внимание, что в случае нарушения педагогическим работником подписанного им соглашения о конфиденциальности к нему могут быть применены меры дисциплинарного воздействия (гл. 30 ТК РФ), кроме того, он может быть привлечен к материальной ответственности (гл. 39 ТК РФ).

3. Соглашение на фиксацию, обработку и распространение изображения педагогического работника

В настоящее время не найдется ни одной образовательной организации, которая бы не участвовала в цифровой образовательной среде, а также в различных проектах, связанных с цифровизацией и цифровым развитием. Подобная деятельность образовательной организации имеет связь с изображением педагогических работников. Педагогические работники участвуют в значительном количестве мероприятий, сопровождаемых фото- и видеофиксацией, автоматической аудио- и видеозаписью, синхронной трансляцией с помощью ресурсов различных

⁹ См.: ст. 5 Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 26.07.2017.

информационных систем; изображение педагогического работника размещается на сайте образовательной организации. Педагогический работник имеет правовой статус физического лица, регулирование отношений, связанных с его изображением, подчиняется правилам статьи 152.1 ГК РФ.

Применение к отношениям, связанным с изображением педагогического работника, норм ст. 152.1 ГК РФ сталкивается с проблемой определения его статуса в момент выполнения им трудовой функции¹⁰. В момент осуществления трудовой функции педагогический работник является представителем образовательной организации (ст. 49, 53 ГК РФ), соответственно, все его действия считаются действиями такой организации. К образовательной организации не применимы правила об охране изображения гражданина (ст. 152.1 ГК РФ). В то же время доступ к размещенному в цифровой среде изображению педагогического работника возможен и в тот период времени, когда он не осуществляет свою трудовую функцию (период отдыха, отпуска или временной нетрудоспособности педагогического работника). В этом случае данный работник выступает в статусе физического лица и к нему применима статья 152.1 ГК РФ.

По совокупности вышеуказанных причин полагаем, что с педагогического работника необходимо взять согласие на фиксацию, обработку и распространение его изображения, в котором указываются цели и способы фиксации, обработки и распространения.

4. Согласие на обработку его биометрических данных

Вышеизложенные аргументы актуальны и для необходимости подписания педагогическим работником согласия на обработку его биометрических данных. Биометрические данные являются разновидностью персональных данных педагогического работника. Требования, предъявляемые к содержанию согласия на обработку персональных данных и к содержанию локальных актов, посвященных обработке этих сведений, применимы к отношениям, связан-

ным с биометрическими данными педагогических работников.

Подводя итоги рассмотрения актуальных проблем применительно к трудовому договору, заключаемому с педагогическими работниками, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, в законодательстве и практике признаются две модели трудового договора с педагогическим работником — срочная и бессрочная. Срочный трудовой договор теперь заключается на период от 3 до 5 лет. Более короткий срок трудового договора с педагогическим работником нарушает, с одной стороны, его право на свободу труда, дестабилизирует образовательный процесс, что снижает особую социальную значимость педагогической деятельности. В то же время минимальный трехлетний срок трудового договора, по нашему мнению, ограничивает право педагогического работника на свободу труда в том случае, когда он намерен осуществлять свою трудовую функцию на более короткий срок, чем 3 года.

Во-вторых, в отсутствие специального нормативного регулирования современный трудовой договор с педагогическим работником, помимо классических его условий, немислим без сопровождающих его документов (согласие на обработку персональных данных; соглашение о конфиденциальности, заключаемое между образовательной организацией и педагогическим работником; согласие на фиксацию, обработку и распространение изображения педагогического работника; согласие на обработку биометрических данных). Обязанности педагогического работника, вытекающие из содержания сопровождающих документов, могут быть включены в текст трудового договора.

В-третьих, сбор и обработка персональных данных педагогических работников образовательной организацией предполагает публичное освещение правил сбора и обработки данных сведений, а также ознакомление под подпись педагогического работника с этими правилами.

В-четвертых, внедрение цифровых технологий в современный образовательный процесс и науч-

¹⁰ См.: определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.11.2021 № 88-17628/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

ную деятельность ставят перед образовательной организацией задачу обеспечения легальности проведения любых образовательных и научных мероприятий. Одним из условий такой легальности является ознакомление педагогического работника с правилами фиксации и обнародования его биометрических данных, а также изображения. Целесообразно взять у педагогического работника соответствующие согласия.

В-пятых, осуществляя образовательную и научную деятельность, педагогический работник получает доступ к конфиденциальной информации. Обязанность нераспространения данных сведений целесообразно установить в соглашении о конфиденциальности, подписываемом работником и работодателем. Также эта обязанность может быть закреплена в самом трудовом договоре с педагогическим работником.

В-шестых, для современного оформления отношений между образовательной организацией и педагогическим работником недопустим формальный подход к определению содержания трудового договора и сопровождающих его документов. В отсутствие специальных норм в ТК РФ относительно особенностей выполнения педагогическим работником своей трудовой функции дистанционно работодатель (образовательная организация) вынужден наряду с заключением с работником трудового договора применять дополнительные сопровождающие к нему документы. Полнота и конкретность их содержания являются, на наш взгляд, гарантией реализации трудовых прав педагогического работника, а также легальности осуществления деятельности образовательной организацией.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Горошко Т.* Оспаривание увольнения преподавателя вуза: обзор судебной практики // Трудовое право. — 2020. — № 7. — С. 97–104.
2. *Грозовская Е.* Административная ответственность за нарушение трудового законодательства: как защититься // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. — 2020. — № 3. — С. 46–55.
3. *Коршунова Т. Ю.* Проблемы правового статуса единоличного исполнительного органа юридического лица: соотношение корпоративного и трудового права // Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики : монография / О. А. Беляева, С. А. Бурлаков, М. М. Вильданова [и др.] ; отв. ред. О. В. Гутников. — М. : ИЗиСП, Статут, 2021.
4. *Соколова Т. В.* Особенности аттестации научных работников // Трудовое право в России и за рубежом. — 2020. — № 2. — С. 51–54.

Материал поступил в редакцию 17 октября 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Goroshko T. Osparivanie uvolneniya prepodavatelya vuza: obzor sudebnoy praktiki // Trudovoe pravo. — 2020. — № 7. — S. 97–104.
2. Grozovskaya E. Administrativnaya otvetstvennost za narushenie trudovogo zakonodatelstva: kak zashchititsya // Kadrovaya sluzhba i upravlenie personalom predpriyatiya. — 2020. — № 3. — S. 46–55.
3. Korshunova T. Yu. Problemy pravovogo statusa edinolichnogo ispolnitelnogo organa yuridicheskogo litsa: sootnoshenie korporativnogo i trudovogo prava // Sovremennoe korporativnoe pravo: aktualnye problemy teorii i praktiki: monografiya / O. A. Belyaeva, S. A. Burlakov, M. M. Vildanova [i dr.]; отв. red. O. V. Gutnikov. — M.: IZiSP, Statut, 2021.
4. Sokolova T. V. Osobennosti attestatsii nauchnykh rabotnikov // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. — 2020. — № 2. — S. 51–54.

Моральные категории в уголовном праве России

Аннотация. Исследуются формы взаимодействия уголовного права и морально-этических предписаний как двух систем, регулирующих поведение субъектов общественных отношений. Проведенное исследование позволило установить, что в настоящее время существует пять основных форм реализации морально-этических категорий в уголовном законе Российской Федерации. Во-первых, нормы морали воплощаются через институт принципов уголовного права. На примере принципа справедливости подробно описывается, в чем состоит исследуемая взаимосвязь. Во-вторых, отдельные морально-нравственные предписания трансформировались в уголовно-правовые запреты и в настоящее время легитимированы в диспозициях УК РФ. Особое внимание уделяется исторической трансформации морально-этической нормы в норму уголовного закона. В-третьих, уголовный закон непосредственно охраняет общественные отношения по поводу общественной нравственности и морали, что нашло закрепление в гл. 25 УК РФ. В-четвертых, оценка моральности (аморальности) поведения лиц, потерпевших от отдельных преступлений, влияет на квалификацию преступлений и назначение наказания. Рассмотрены материалы следственно-судебной практики, в которых правоприменительные органы давали оценку аморальному поведению жертв преступлений. В-пятых, взаимосвязь морально-этических нормативов и системы уголовного права обнаруживается в том обстоятельстве, что практически все действующие уголовно-правовые запреты социально-исторически были детерминированы требованиями морали и этики. При этом установлено, что существуют как сугубо моральные уголовно-правовые запреты наподобие запретов на присвоение чужого или на лишение жизни, так и уголовно-правовые запреты, основанные на морали, но существенно модифицированные в ходе общественного развития (преступления в сфере экономической деятельности, компьютерные преступления и иные).
Ключевые слова: аморальное поведение; мораль; нравственность; общественная нравственность; принципы; социальная обусловленность; уголовно-правовой запрет; уголовный закон; этика.

Для цитирования: Григорьев П. А. Моральные категории в уголовном праве России // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 5. — С. 96–106. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.096-106.

Благодарности. В научной работе использованы результаты проекта «Этика и право: соотношение и механизмы взаимовлияния», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

© Григорьев П. А., 2023

* Григорьев Павел Александрович, стажер-исследователь лаборатории комплексных междисциплинарных проектов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», аспирант департамента систем судопроизводства и уголовного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Россия, 101000
pgrigorev@hse.ru

Moral Categories in Russian Criminal Law

Pavel A. Grigoriev, Intern Researcher, Laboratory for Complex Interdisciplinary Projects,
HSE University; Postgraduate Student, Department of Judicial Systems and Criminal Law,
Faculty of Law, HSE University
ul. Myasnitskaya, d. 20, Moscow, Russia, 101000
pgrigorev@hse.ru

Abstract. The paper studies the forms of interaction between criminal law and moral ethical prescriptions as two systems that regulate the behavior of subjects of public relations. The study made it possible to establish that at present there are five main forms of implementation of moral and ethical categories in the criminal law of the Russian Federation. First, the norms of morality are embodied through the institution of the principles of criminal law. Analyzing the principle of justice, the author describes in detail the relationship under study. Secondly, certain moral prescriptions have been transformed into criminal law prohibitions and are currently legitimized in the dispositions of the Criminal Code of the Russian Federation. Particular attention is given to the historical transformation of the moral and ethical norm into the norm of the criminal law. Thirdly, the criminal law directly protects public relations regarding public morality and morality, which is enshrined in Ch. 25 of the Criminal Code of the Russian Federation. Fourth, the assessment of the morality (immorality) of the behavior of victims of individual crimes affects the classification of crimes and the imposition of punishment. The materials of investigative and judicial practice are considered, in which law enforcement agencies assessed the immoral behavior of crime victims. Fifthly, the relationship between moral and ethical standards and the system of criminal law is found in the fact that almost all existing criminal law prohibitions were socially and historically determined by the requirements of morality and ethics. At the same time, it was established that there are both purely moral criminal law prohibitions, such as prohibitions on appropriation of someone else's property or deprivation of life, and criminal law prohibitions based on morality, but significantly modified in the course of social development (crimes in the field of economic activity, computer crimes and others).

Keywords: immoral behavior; morality; moral; public morality; principles; social conditioning; criminal law prohibition; criminal law; ethics.

Cite as: Grigoriev PA. *Moralnye kategorii v ugovnom prave Rossii* [Moral Categories in Russian Criminal Law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(5):96-106. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.096-106. (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgements. The scientific work incorporates the results of the project «Ethics and Law: Correlation and Mechanisms of Mutual Influence», carried out as part of the HSE University Basic Research Program in 2022.

Постановка проблемы. В научных работах по юриспруденции за последние несколько десятков лет детально и обстоятельно исследованы теоретические вопросы соотношения права и морали. Вместе с этим подобные исследования в подавляющем большинстве случаев проводятся в рамках общей теории права и не отражают специфику конкретных отраслей права, включая и право уголовное. Для уголовного права же проблематика взаимовлияния морали и права особенно насущна и важна, поскольку предмет

регулирования этой отрасли чрезвычайно широк: уголовно-правовые запреты имеют место во всех сферах общественных отношений, они действуют буквально во всех областях человеческой жизнедеятельности. С. С. Алексеев в этой связи отмечал, что «с генетической стороны именно уголовно-нормативная регламентация людских поступков и уголовное преследование наиболее тесно, по сравнению с иными подразделениями системы права, связаны с моралью»¹. Поэтому мы считаем целесообразным

¹ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2002. С. 160.

рассмотреть моральные категории в рамках уголовного права как отдельно взятой отрасли российского права и установить основные формы взаимовлияния морали и запретительных предписаний Уголовного кодекса Российской Федерации².

В настоящей работе мы оперируем терминами «мораль», «этика» и «нравственность» как синонимичными. Для отечественной уголовно-правовой науки в целом характерно отождествление указанных понятий, несмотря на их порой различное понимание в философии и в общей теории права. Каждое из этих понятий обозначает установившуюся в обществе систему ценностей, представлений о плохом и хорошем. А. И. Бойко указывает, что представления людей о порядочности и благочестии традиционно обозначаются тремя терминами: «нравственность», «мораль» и «этика». В научной традиции, отмечает ученый, принято отождествлять первый и второй, а иногда и третий термины³. В фундаментальных работах о взаимодействии систем морали и уголовного права упомянутые три термина использовались и продолжают использоваться как взаимозаменяемые⁴.

Итак, рассмотрение моральных категорий на уровне конкретной отрасли позволят лучше видеть особенности синтеза нормативных систем, дает возможность учитывать специфику регулирования исходя из ценностных императивов. Очевидно, что в условиях, когда частноправовые отрасли характеризуются преимущественно диспозитивным методом пра-

вового регулирования, а публично-правовым отраслям присущ метод императивного воздействия, выраженные в праве морально-этические категории будут иметь различное влияние на участников правоотношений. Эти категории действуют с известной свободой усмотрения субъектов при правовой координации (гражданское право и иные отрасли частного права), и они же становятся строго обязательными при правовой субординации (уголовное право и иные отрасли публичного права).

В действующем российском уголовном законе, который состоит из единственного кодифицированного акта, разделенного на Общую и Особенную части, в настоящее время предусмотрены 34 области правового регулирования⁵. Уголовно-правовое регламентирование проникло в сферы здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25 УК РФ) и в иные, не всегда явно связанные с моралью сферы. Морально-этические категории выражены и в конкретных положениях (статьях) действующего УК РФ. Текстологический анализ УК РФ позволяет заключить, что однокоренные слова, образованные от слова «мораль», возникают в УК РФ шесть раз (при этом слово «аморальность» в различных склонениях встречается пять раз, а слово «моральный» — один раз). Слова, однокоренные слову «нравственность», встречаются по тексту Кодекса также шесть раз (из них собственно слово «нравственность» — два раза, а четыре раза — прилагательное «нравственный»). Но было бы совершенно неправильным

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Бойко А. И. Нравственно-религиозные основы уголовного права : монография. 2-е изд. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 114.

⁴ Н. Ф. Кузнецова, несмотря на название ее труда «Уголовное право и мораль», с первых же строк оперирует термином «нравственность»: «Определить соотношение уголовного права и нравственности — значит прежде всего раскрыть их общие черты и различия, а затем показать характер взаимоотношения уголовного права и нравственности» (Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль. М. : Изд-во Московского университета, 1967. С. 5). Аналогичный подход красной нитью проходит через труды И. И. Карпеца по рассматриваемой проблематике. В монографии «Уголовное право и этика» ученый применял словосочетания «мораль и право», «этические основы уголовного права», «нравственные аспекты понятия преступления» (Карпец И. И. Уголовное право и этика. М. : Юридическая литература, 1985. С. 31, 78, 56).

⁵ Под областями уголовно-правового регулирования мы понимаем сферы общественных отношений, соответствующие видовым объектам преступлений (которые, в свою очередь, в архитектонике Кодекса соответствуют его главам).

констатировать наличие однокоренных слов со словами «мораль», «этика» и на этом сделать вывод о присутствии в уголовном праве морально-этических категорий. В действительности синтез морали и права в действующем УК РФ многоаспектен, широк, отчасти лишен системности и проявляется в разных, не идентичных друг другу институциональных плоскостях.

Учеными были предприняты достаточно результативные попытки объяснить взаимовлияние уголовного права и морали в виде некоторой завершенной формулы, представить взаимовлияние в качестве теоретической модели, систематизированной концепции. К примеру, А. М. Герасимов предлагает свою модель реализации нравственных начал в УК РФ, в которой предусмотрено сосуществование: 1) правотворческого, 2) правоисполнительного и 3) правоприменительного уровней реализации нравственности в уголовном праве. Так, на правотворческом уровне нравственность реализуется в уголовном праве посредством законодательной деятельности Государственной Думы. Правоисполнительный уровень реализации нравственности в уголовном праве, по мнению ученого, увязывается с поведением человека в рамках возложенных на него уголовным законом обязанностей и предоставленных ему прав. А на правоприменительном уровне нравственность сводится к определению границ практического применения уголовного законодательства, считает А. М. Герасимов⁶.

Еще одним примером построения модели, отражающей иной подход, может являться модель, предложенная И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеевым. Рассматривая проблему взаимовлияния морали и уголовного права, ученые приходят к выводу о существовании трех способов такого влияния морали на право: 1) межнормативность, 2) юридический морализм, а также 3) моральный популизм. Межнормативность трак-

туется как разного рода взаимосвязи, переплетения двух нормативных систем (в частности, в форме трансформации моральных предписаний в уголовно-правовые запреты). Юридический морализм понимается как обеспечение моральных норм силой государственного принуждения. Ученые приводят в пример включение в 2013 г. в ч. 1 ст. 148 УК РФ соответствующего дополнения, направленного на защиту дискуссионной категории «чувства верующих». Наконец, моральный популизм — это придание уголовно-правового значения моральным категориям, вызванное стихийной народной поддержкой, всеобщим одобрением, обусловленными определенными обстоятельствами жизни⁷.

Полагаем, что подобные попытки универсализации и систематизации всех форм взаимосвязи морали и уголовного права изначально обречены на неполноту и чрезмерную упрощенность. Взаимосвязи морали и уголовного права разнообразны, они не имеют единой структуры, проявляются в различных институтах уголовного права, а потому вряд ли могут быть объединены под каким-то общим знаменателем. Да, иногда через теоретическое моделирование возможно раскрыть, к примеру, концепцию бланкетных норм уголовного закона как одной из форм взаимосвязи уголовного права с иными императивами (с гражданским, административным и др. правом). Можно подвести под общий знаменатель вопросы взаимодействия разных отраслей права. Но мораль — это не формализованный императив. Мораль, как совершенно справедливо указывает С. В. Анощенкова, «неинституционализируемая система, моральные нормы не имеют официальных форм фиксации»⁸. Имея дело с моралью, мы имеем дело не с систематизированным источником регулирования и не с письменным формально-юридическим документом. Поэтому конкретизировать формы взаимовлияния мора-

⁶ Герасимов А. М. Нравственность в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 12–13.

⁷ См.: Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Должно ли уголовное право обеспечивать принудительность моральных запретов? // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 1. С. 40–49.

⁸ Анощенкова С. В. Механизм легитимации норм морали (уголовно-правовой аспект) // Lex russica (Русский закон). 2016. № 8. С. 42.

ли и уголовного закона наиболее всеобъемлюще возможно при обращении к определенной конкретике и описательности и при отходе от стремления выстроить универсальную теоретическую модель.

По нашему мнению, могут быть выделены следующие пять основных механизмов взаимовлияния морально-этических категорий и уголовного права:

I. Морально-этические категории формализованы как основополагающие начала УК РФ. В статьях 3–7 гл. 1 УК РФ («Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации») закреплены принципы российского уголовного законодательства. В их числе следующие: принцип законности, принцип равенства граждан перед законом, принцип вины, принцип справедливости, принцип гуманизма.

В уголовно-правовой доктрине даются различные определения термину «принцип». Все они так или иначе отсылают к философскому пониманию принципа как основного начала. Согласно одному определению, «принципы в уголовном праве — это вытекающие из природы демократического общества и пронизывающие всё уголовное право и законодательство незыблемые руководящие идеи, которые выявляют внутренние объективные закономерности уголовного права и уголовного законодательства и направляют их на решение поставленных перед уголовным правом и законодательством задач»⁹. Существует мнение, что хотя принципы в науке начали выделять с конца XVIII в., существовали они всегда, ровно столько времени, сколько существует само уголовное право¹⁰.

С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев в своих работах утверждали, что правовые принципы представляют собой идеи и положения, которые, с одной стороны, отражают господствующие взгляды по вопросам права, с другой стороны,

формулируют определенные требования, выраженные в обобщенной форме и адресованные участникам правоотношений¹¹. Мы лишь дополним, что отражение господствующих взглядов и предъявление требований — это только две формы реализации уголовно-правовых принципов. Вся же область действия принципов в отрасли уголовного права чрезвычайно широка, и форм выраженности принципов в нормах права очень много. Принципы, конечно же, не являются одной лишь декларацией, закрепленной в вводных положениях Общей части УК РФ. Не являются они и «рядовыми» нормами Общей части УК РФ. Каждый принцип имманентно включается во все иные нормы уголовного закона, во все факты правоприменительной деятельности и факты законотворческого процесса в области противодействия преступности.

Рассмотрим подробнее принцип справедливости, который в перечне принципов несет максимальную морально-этическую нагрузку. Представления людей о справедливости возникли очень давно. В исследованиях указывается, что понимание справедливости начало формироваться в доклассовый период в форме эмоций, чувств, оценок¹². Справедливое отношение, доброта, милосердие, сострадание, чувство взаимопомощи и иные морально-этические проявления действительно имеют древнейшую историю, начали формироваться в догосударственный период и в условиях отсутствия систем письменности, однако со временем прошли большой эволюционный путь, стали моральными императивами поведения и обрели юридическое значение. По утверждению С. А. Галактионова, идея справедливости лежит в основе всего права, в том числе и уголовного. Воплощаясь в действующем законодательстве, справедливость остается явлением

⁹ Лопашенко Н. А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс : монография. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 20.

¹⁰ Лопашенко Н. А. Указ. соч. С. 4.

¹¹ Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М. : Наука, 1988. С. 23.

¹² Галактионов С. А. Принцип справедливости в уголовном праве России : монография. Самара : Изд-во МГПУ, 2006. С. 6.

нравственности и правосознания, социальным и этическим критерием права¹³.

В статье 6 УК РФ установлены два проявления морально-этического принципа справедливости: в ч. 1 — справедливость как мера соответствия наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, в ч. 2 — справедливость как запрет на претерпевание уголовной ответственности дважды за одно и то же деяние.

Подобное законодательное описание справедливости является лаконичным, конечно, неполным. Никто не будет спорить, что справедливыми должны быть и действия законодателя, устанавливающего или отменяющего уголовную ответственность за какое-либо поведение. Справедливость должна сопровождать весь процесс квалификации преступного поведения и вообще все действия, связанные с применением уголовного закона. Поэтому значение принципа справедливости в действительности шире, чем указано в ст. 6 УК РФ. Это же можно сказать и об иных принципах, выраженных в УК РФ.

II. Морально-этические предписания легитимированы в уголовном законе в форме уголовно-правовых запретов. То обстоятельство, что в определенный период истории отдельные нормы морали начали обеспечиваться силой государственного принуждения, хорошо известно в теории права. По мере усложнения и дифференциации общественного уклада моральных регуляторов становилось недостаточно для регулирования поведения людей. Возникла необходимость в некотором общем знаменателе норм поведения, и решение нашлось в уголовном законодательстве, обладающем общеобязательной силой в рамках конкретной юрисдикции¹⁴. Именно так древнейшие моральные запреты, в числе которых запреты причинять смерть, осуществлять сексуальное насилие, похищать чужие вещи, обрели свою юридическую форму и стали нормами сначала обычаев,

затем — писаного права (до явного выделения отраслей), а потом и уголовного права — уже как дифференцированной отрасли.

Действительно, общность и взаимосвязь структурных элементов морали и права, в том числе и уголовного права, делает возможной трансформацию одних норм в другие (моральных — в уголовно-правовые)¹⁵. Правда, обычно такая трансформация значительно растянута во времени, иной раз занимает столетия и даже тысячелетия общественной истории. Пока Законы Хаммурапи не стали писанным правом и источником древнейшего уголовного права Месопотамии, их содержимое имело форму устного обычая, а еще ранее — форму моральных правил. То же самое может быть сказано и о действующем УК РФ, которому предшествовали советские кодексы. Последние, в свою очередь, были предварены дореволюционным законодательством Российской империи, которое строилось на еще более раннем феодальном праве, выраженном в Соборном уложении 1649 г. Разумеется, и акты раннефеодального права Древней Руси имели под собой основу из обычая и морально-нравственных императивов, не закрепленных письменно и еще не имевших государственно-принудительного обеспечения.

С. В. Анощенкова указывает, что нормы морали, не изменяя своего статуса, присутствуют и в правовых нормах. Однако такое присутствие нельзя назвать повторением, дублированием, отражением и т.п., поскольку содержание моральной нормы (но не суть) конкретизируется, адаптируется и уточняется с учетом специфики отраслевой принадлежности. Вариант перенесения смысловой матрицы моральной нормы в правовую норму, по сути, можно назвать трансформацией, а форму — легитимацией. Механизм трансформации и легитимации норм морали в право, по мнению С. В. Анощенковой, можно представить в виде схемы «нормы морали → моральное сознание → правовое сознание → нормы права»¹⁶.

¹³ Галактионов С. А. Указ. соч. С. 25.

¹⁴ Fuller R. C. *Morals and the Criminal Law* // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1942. Vol. 32. Iss. 6. P. 626.

¹⁵ Анощенкова С. В. Указ. соч. С. 39.

¹⁶ Анощенкова С. В. Указ. соч. С. 45.

Среди морально-этических предписаний, легитимированных в тексте УК РФ, заметны такие старинные предписания, как не убивать (ст. 105 УК РФ), не красть (ст. 158 УК РФ и иные), не предавать родину (ст. 275 УК РФ) и т.д. Можно сказать, что подобные предписания сохранились в неизменном виде с древнейших времен. Иные предписания также несут морально-этическую нагрузку и имеют корни в древнейших обычаях, хотя и представлены в УК РФ в модифицированном, адекватном современному уровню развития виде. Так, например, уголовно-правовой запрет на создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) является разновидностью предписания не причинять вред окружающим.

III. Отдельные морально-этические категории (институты) непосредственно охраняются предписаниями действующего УК РФ. В Особенной части Кодекса есть значительное количество уголовно-правовых запретов, явно или неявно направленных на защиту морально-этических аспектов жизни общества. К «явным» уголовно-правовым запретам морально-этической направленности возможно отнести значительную часть запретов, установленных в гл. 25 («Преступления против здоровья населения и общественной нравственности») УК РФ. Уже само наименование указанной главы содержит отсылку к общественной нравственности.

Нравственность, как пишет Е. А. Старков, является этической категорией, поэтому уголовное право оперирует понятием нравственности, разработанным наукой этикой. Несмотря на то что нравственность является этической категорией, продолжает ученый, она охраняется от посягательств на нее нормами права: административного, гражданского, уголовного и др.¹⁷ К преступлениям против общественной нравственности относятся следующие составы, установленные в гл. 25 УК РФ:

- вовлечение в занятие проституцией (ст. 240);
- получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240.1);

- организация занятия проституцией (ст. 241);

- незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. 242);

- изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242.1);

- использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (ст. 242.2);

- уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей (ст. 243);

- нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия (ст. 243.1);

- незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2);

- уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере (ст. 243.3);

- уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при

¹⁷ Старков Е. А. Уголовная ответственность за преступления против общественной нравственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 14.

защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России (ст. 243.4);

— надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244);

— жестокое обращение с животными (ст. 245).

Родовой объект данных преступлений — общественная нравственность, которая понимается как «исторически выработанная и принятая людьми совокупность норм и правил поведения, отражающих представление о добре и зле, чести и достоинстве, справедливости, жестокости и милосердии»¹⁸. Большое разнообразие составов преступлений против общественной нравственности свидетельствует о широком охвате уголовно-правовой охраны морально-этических категорий, установившихся в российском обществе. Преступления против общественной нравственности могут быть группированы следующим образом:

1) преступления, посягающие на господствующие принципы половой морали (ст. 240–242.2 УК РФ);

2) преступления, связанные с уничтожением или повреждением памятников истории и культуры (ст. 243–243.4 УК РФ);

3) преступления, нарушающие нормы общественной нравственности в сфере социальной памяти общества и гуманного обращения с животными (ст. 244–245)¹⁹.

Стоит также отметить, что преступления против общественной нравственности в последние пару лет являются предметом активной новеллизации. В 2020 г. глава 25 УК РФ была дополнена статьей 243.4 («Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных

сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России») ²⁰. До этого поправки вносились в 2012 и 2013 гг. Концентрация внимания законодателя на охране общественной нравственности, вероятно, свидетельствует об актуальности и принимаемой во внимание законодателем важности правовой охраны морально-этических представлений российского общества.

IV. Морально-этические категории обязательно учитываются при квалификации преступлений и назначении наказания по УК РФ.

Это обстоятельство также следует из анализа конкретных уголовно-правовых запретов. Например, в соответствии со ст. 107 («Убийство, совершенное в состоянии аффекта») УК РФ, на установление вины влияют противоправные или аморальные действия потерпевшего.

Р. А. Сабитов предлагает свой подход к квалификации поведения лица, пострадавшего от преступления. Отмечая важность учета поведения потерпевшего, ученый аргументирует свой подход, в том числе и через закрепленные в УК РФ упоминания об аморальности. Так, поведение пострадавшего, указанное в качестве признака составов преступлений, предусмотренных статьями 107, 113 УК РФ, нуждается в квалификации как противоправное или аморальное. А противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления, является обстоятельством, смягчающим наказание (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ)²¹.

Свойство аморальности — антипод свойства моральности. Как это следует из ряда диспозиций УК РФ (п. «з» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 107, ст. 113 УК РФ), для верной квалификации деяний пра-

¹⁸ Шалагин А. Е. Общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 2. С. 178.

¹⁹ Подобная классификация предлагается А. Е. Шалагиным (Шалагин А. Е. Указ. соч. С. 179). По нашему мнению, третья группа может быть заменена двумя группами: «Преступления, нарушающие нормы общественной нравственности в сфере социальной памяти общества» и «Преступления против гуманного обращения с животными».

²⁰ Федеральный закон от 07.04.2020 № 112-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 15 (ч. I). Ст. 2235.

²¹ Сабитов Р. А. Квалификация поведения лица, пострадавшего от преступления // Виктимология. 2019. № 4. С. 12.

воприменительным органам придется оценить аморальность поведения. Получается, что для такой квалификации правоприменитель обязан не просто иметь представление о господствующих морально-нравственных стандартах, но и исключительно хорошо в них разбираться, фактически уметь разграничивать хорошее и плохое. В этом заключается одна из трудностей применения УК РФ в части рассматриваемых запретов. Суды, оценивая доказательства по внутреннему убеждению и действуя в пределах, установленных нормами материального и процессуального права, обязаны сталкиваться с оценкой неформализованной моральности и придавать ей юридическое уголовно-правовое значение, которое влечет применение тяжелых наказаний.

Из сложившейся следственно-судебной практики по уголовным делам, в рамках которых суды оценивали аморальность поведения потерпевших, возможно увидеть, что в настоящее время может толковаться в качестве подобного поведения.

Так, в одном деле суд апелляционной инстанции, пересматривая приговор за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, указал на нарушения суда первой инстанции. Нижестоящий суд не учел в качестве смягчающего обстоятельства аморальное и противоправное поведение потерпевшего, который «в состоянии алкогольного опьянения вел себя агрессивно, вызывая, конфликтовал с другими посетителями, на замечания не реагировал, его поведение не соответствовало нормам морали и правилам поведения в обществе»²². В другом деле об убийстве (ч. 1 ст. 105 УК РФ), принимая

апелляционное определение от 19.02.2019 по делу № 22-243/2019, Верховный суд Республики Саха (Якутия) охарактеризовал как аморальное следующее поведение потерпевшего: грубо вел себя в отношении осужденного, допустив оскорбительное высказывание в его адрес²³.

В еще одном деле об умышленном убийстве суд квалифицировал как аморальное следующее поведение потерпевшего: проявление агрессии при распитии спиртных напитков, в ходе которого потерпевший кричал, матерился, оскорблял сожительницу подсудимого, угрожал ему расправой²⁴. Отказ совместно с подсудимым выпить водку и последовавшие за таким отказом оскорбления подсудимого и его малолетнего сына со стороны потерпевшего стали обстоятельствами, которые суды квалифицировали как аморальные и противоправные действия и учли при назначении наказания в другом уголовном деле (апелляционное определение Московского городского суда от 16.03.2021 по делу № 10-2357/2021)²⁵. Сходные обстоятельства получали оценку и в иных уголовных делах, где на назначение наказания повлияло аморальное поведение потерпевшего²⁶.

V. Уголовно-правовые запреты социально-исторически детерминированы морально-этическими предписаниями. Данный подраздел (данная форма взаимовлияния морально-нравственных императивов и уголовного права) отчасти обобщает четыре предыдущих подраздела. Исторически мораль предшествует уголовному праву, именно в согласии с морально-этическими представлениями общества выстраивается система правового и, в частности, уголовно-правового регулирования. Таким образом, уголовный закон обусловлен моральными нормами.

²² Апелляционное определение Московского городского суда от 07.02.2018 по делу № 10-445/2018 (здесь и далее в статье материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

²³ Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 19.02.2019 по делу № 22-243/2019.

²⁴ Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 27.08.2020 по делу № 22-1288/2020.

²⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 16.03.2021 по делу № 10-2357/2021.

²⁶ См., например: апелляционное определение Московского городского суда от 25.05.2021 по делу № 10-7248/2021 ; апелляционное определение Московского городского суда от 25.02.2021 по делу № 10-347/2021.

Согласно прочно устоявшемуся мнению, первичные представления о добром, справедливом, гуманном, правде, уважении к людям и пр. формируются в сознании большинства населения, а власть лишь реципирует их в статье закона²⁷. В догосударственный период, когда общественные отношения регулировались преимущественно через догмы ранних религий и через обычай, мораль уже имела принудительную силу. Принудительность правил обеспечивалась самим обществом, религиозными институциями. Лишь с началом построения государственных институтов и возникновением первых городов-государств как территориально обособленных сообществ людей, находящихся под властью суверена, обычаи, религиозные догмы и иные регуляторы получают правовую форму.

В этой связи, по нашему мнению, уголовное право всегда имело под собой моральную основу, оно всегда было следствием морально-этических требований и условий. Абсолютно все уголовно-правовые запреты, включая те, которые прямо не направлены на охрану общественной нравственности, имеют под собой морально-этическую подоплеку. В современном уголовном законе морально-этические категории проявляются в различной интенсивности: где-то моральное предписание не лишать жизни, нашедшее также выражение в религиозной прописной заповеди «не убий», равнозначно норме УК РФ о запрете убийства (ст. 105 УК РФ); где-то же моральная обоснованность запрета уже не так явно прослеживается из-за истори-

ческих модификаций, о чем говорилось выше на примере компьютерных преступлений.

Заключение. Итак, нами были установлены основные формы записных соприкосновений и пересечений уголовного права России с морально-этическими предписаниями. Таких форм взаимовлияния двух нормативных систем пять:

- 1) моральные категории выражены в принципах уголовного законодательства России;
- 2) моральные предписания легитимированы в законе как уголовно-правовые запреты;
- 3) отдельные моральные категории и явления прямо охраняются уголовным законом;
- 4) степень моральности поведения потерпевшего учитывается при квалификации преступлений и назначении наказания;
- 5) весь уголовный закон социально-исторически обусловлен моралью.

Дальнейшие исследования форм взаимовлияния морали и уголовного права видятся перспективными и способными не только объяснить связь с нравственностью конкретных уголовно-правовых запретов, но и совершенствовать всю систему уголовно-правового регулирования. Повышение уровня этичности правового регулирования особенно важно в условиях происходящих общественных трансформаций, которые не обходят стороной и уголовное законодательство. И теоретическое описание форм взаимовлияния морали и отрасли уголовного права является первым шагом в направлении совершенствования системы законодательства в духе этичности и соответствия моральным ценностям российского общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2002. — 608 с.
2. Анощенкова С. В. Механизм легитимации норм морали (уголовно-правовой аспект) // Lex russica (Русский закон). — 2016. — № 8. — С. 33–47.
3. Бойко А. И. Нравственно-религиозные основы уголовного права : монография. — 2-е изд. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 248 с.
4. Галактионов С. А. Принцип справедливости в уголовном праве России : монография. — Самара : Изд-во МГПУ, 2006. — 152 с.

²⁷ Бойко А. И. Указ. соч. С. 133.

5. Герасимов А. М. Нравственность в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2006. — 24 с.
6. Карпец И. И. Уголовное право и этика. — М. : Юридическая литература, 1985. — 256 с.
7. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. — М. : Наука, 1988. — 176 с.
8. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Должно ли уголовное право обеспечивать принудительность моральных запретов? // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2022. — № 1. — С. 40–49.
9. Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль. — М. : Изд-во Московского университета, 1967. — 104 с.
10. Лопашенко Н. А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс : монография. — М. : Юрлитинформ, 2020. — 440 с.
11. Сабитов Р. А. Квалификация поведения лица, пострадавшего от преступления // Виктимология. — 2019. — № 4. — С. 11–19.
12. Старков Е. А. Уголовная ответственность за преступления против общественной нравственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 23 с.
13. Шалагин А. Е. Общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны // Вестник экономики, права и социологии. — 2011. — № 2. — С. 177–180.
14. Fuller R. C. Morals and the Criminal Law // Journal of Criminal Law and Criminology. — 1942. — Vol. 32. — Iss. 6. — P. 624–630.

Материал поступил в редакцию 20 сентября 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma, 2002. — 608 s.
2. Anoshchenkova S. V. Mekhanizm legitimatsii norm morali (ugolovno-pravovoy aspekt) // Lex russica (Russkiy zakon). — 2016. — № 8. — S. 33–47.
3. Boyko A. I. Nравstvenno-religioznye osnovy ugolovnogogo prava: monografiya. — 2-e izd. — M.: Yurilitinform, 2010. — 248 s.
4. Galaktionov S. A. Printsip spravedlivosti v ugolovnom prave Rossii: monografiya. — Samara: Izd-vo MGPU, 2006. — 152 s.
5. Gerasimov A. M. Nравstvennost v ugolovnom prave Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 2006. — 24 s.
6. Karpets I. I. Ugolovnoe pravo i etika. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1985. — 256 s.
7. Kelina S. G., Kudryavtsev V. N. Printsipy sovetskogo ugolovnogogo prava. — M.: Nauka, 1988. — 176 s.
8. Kozachenko I. Ya., Sergeev D. N. Dolzhno li ugolovnoe pravo obespechivat prinuditelnost moralnykh zapretov? // Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2022. — № 1. — S. 40–49.
9. Kuznetsova N. F. Ugolovnoe pravo i moral. — M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1967. — 104 s.
10. Lopashenko N. A. Razmyshleniya ob ugolovnom prave. Printsipy ugolovnogogo zakonodatelstva. Ugolovnyy zakon. Prestuplenie, prostupok i sostav prestupleniya. Avtorskiy kurs: monografiya. — M.: Yurilitinform, 2020. — 440 s.
11. Sabitov R. A. Kvalifikatsiya povedeniya litsa, postradavshogo ot prestupleniya // Viktimologiya. — 2019. — № 4. — S. 11–19.
12. Starkov E. A. Ugolovnaya otvetstvennost za prestupleniya protiv obshchestvennoy нравstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2011. — 23 s.
13. Shalagin A. E. Obshchestvennaya нравstvennost kak obekt ugolovno-pravovoy okhrany // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. — 2011. — № 2. — S. 177–180.
14. Fuller R. C. Morals and the Criminal Law // Journal of Criminal Law and Criminology. — 1942. — Vol. 32. — Iss. 6. — P. 624–630.

Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, механизм превентивного воздействия и виды

Аннотация. В статье раскрывается специфика механизма превентивного воздействия уголовно-правовых норм с двойной превенцией, на основе которой формулируется определение и осуществляется классификация данных норм. Концепция норм с двойной превенцией возникла в советской криминологической науке в результате исследований рецидивной преступности и мер предупреждения тяжких преступлений против личности. Несмотря на рост в действующем Уголовном кодексе норм с явной профилактической направленностью (например, ст. 173.1 «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица», ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности», ст. 205.6 «Несообщение о преступлении»), теория о нормах с двойной превенцией как средстве предупреждения преступлений не развивается: ученые преимущественно воспроизводят положения советской доктрины, изредка внося уточнения. С помощью системно-структурного анализа Особенной части УК РФ и на основе криминологической теории о предупреждении преступлений автор приходит к выводу о том, что двойным превентивным потенциалом обладают нормы, которые запрещают деяния, выступающие в роли объективных и субъективных криминогенных факторов. Соответственно, суть механизма превентивного воздействия норм с двойной превенцией сводится к сокращению и нейтрализации таких факторов посредством привлечения к уголовной ответственности либо ее угрозы. При описании модели превентивного воздействия уголовно-правовых норм с двойной превенцией, направленных на объективные криминогенные факторы, использована концепция ситуационного предупреждения преступлений. Специфика норм с двойной превенцией, воздействующих на субъективные криминогенные факторы, объясняется в рамках данных о рецидивной (фактической) насильственной преступности и теории научения Г. Тарда.

Ключевые слова: двойная превенция; объективные криминогенные факторы; субъективные криминогенные факторы; криминализация; ситуационное предупреждение преступлений; механизм превентивного воздействия; меры безопасности; снижение выгоды; криминальная деформация; антиобщественная установка.

Для цитирования: Чуклина Э. Ю. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, механизм превентивного воздействия и виды // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 5. — С. 107–122. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.107-122.

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН «Стабильность южного макрорегиона: политико-правовые, социальные и этнокультурные аспекты», № гр. проекта 122020100350-2.

© Чуклина Э. Ю., 2023

* Чуклина Елена Юрьевна, соискатель Университета прокуратуры Российской Федерации, научный сотрудник лаборатории политологии и права Федерального исследовательского центра «Южный научный центр Российской академии наук»
пр. Чехова, д. 41, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344006
die_sehnsucht@mail.ru

Criminal Legal Norms with Double Prevention: Concept, Mechanism of Preventive Action and Types

Elena Yu. Chuklina, Postgraduate Student, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Fellow Researcher, Laboratory of Political Science and Law, Federal Research Center «Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
pr. Chekhova, d. 41, Rostov-on-Don, Russia, 344006
die_sehnsucht@mail.ru

Abstract. The paper reveals the specifics of the mechanism of preventive impact of criminal law norms with double prevention, which results in the definition and classification of these norms. The concept of norms with double prevention arose in Soviet criminology following the research on recidivism and measures to prevent serious crimes against a person. Despite the fact that the current Criminal Code of the Russian Federation is expanding the number of norms with a clear preventive focus (for example, Art. 173.1 «Illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity», Art. 205.1 «Assistance to terrorist activities», Art. 205.6 «Failure to report a crime»), the theory on norms with double prevention as a means of preventing crime is not developing. Scientists mainly reproduce the provisions of the Soviet doctrine, occasionally making clarifications. Having applied the system structural analysis of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation and analyzed the criminological theory of crime prevention, the author concludes that the norms prohibiting actions that act as objective and subjective criminogenic factors have a double preventive potential. Accordingly, the essence of the mechanism of the preventive impact of the norms with double prevention is to reduce and neutralize such factors by bringing to criminal responsibility or its threat. When describing the model of the preventive impact of criminal law norms with double prevention, aimed at objective criminogenic factors, the author applied the concept of situational prevention of crimes. The specifics of norms with double prevention that affect subjective criminogenic factors are explained within the framework of data on recurrent (actual) violent crime and G. Tarde's theory of learning.

Keywords: double prevention; objective criminogenic factors; subjective criminogenic factors; criminalization; situational crime prevention; mechanism of preventive action; security measures; reduction in benefits; criminal deformation; antisocial attitude.

Cite as: Chuklina EYu. Uголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, механизм превентивного воздействия и виды [Criminal Legal Norms with Double Prevention: Concept, Mechanism of Preventive Action and Types]. *Актуальные проблемы российского права*. 2023;18(5):107-122. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.107-122. (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgments. The paper is prepared in line with the State Program of Southern Research Center of the Russian Academy of Sciences (UNC RAS) «Stability of the Southern Microregion: Political, Legal, Social and Ethno-Cultural Aspects», project No. 122020100350-2.

Выявление преступлений, предусмотренных нормами с двойной превенцией, является одним из важнейших направлений профилактической деятельности органов правоохранительных органов. Так, А. Н. Тагиров считает, что выявление и расследование преступлений с двойной превенцией стало с 2015 г. новым направлением в деятельности Следственного комитета Российской

Федерации¹. Количество расследованных преступлений, предусмотренных статьями 112, 115, 116, 117, 119, 150, 151, 156, частями 1–2 ст. 213, статьями 232, 241 УК РФ (в доктрине относятся к нормам с двойной превенцией), исходя из положений приказа МВД России от 31.12.2013 № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Россий-

¹ Тагиров А. Н. Понятие и структура преступлений с «двойной превенцией» и их влияние на профилактическую деятельность органов Следственного комитета Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 3 (13). С. 61.

ской Федерации», используется для оценки профилактической работы органов внутренних дел².

Вместе с тем уголовно-правовые нормы с двойной превенцией как средства предупреждения преступлений остаются наименее изученными в юридической науке. Будучи продуктом советской доктрины, данные нормы сохранили значимость в современной науке в качестве превентивного средства, но не исследовательский интерес со стороны криминологов.

Теория о нормах с двойной превенцией требует актуализации в условиях растущей криминальной угрозы и адаптации под регулярно меняющееся уголовное законодательство.

Определение и классификация уголовно-правовых норм с двойной превенцией впервые встречается в трудах таких советских ученых, как Э. А. Саркисова, Н. А. Гордуз, В. П. Ревин и Э. Ф. Побегайло. Позиция авторов заключалась в том, что нормы с двойной превенцией предусматривают уголовную ответственность за деяния, которые выступают в качестве причин, условий или непосредственной обстановки для совершения других, зачастую более тяжких преступлений. Двойная превенция проявляется в предупреждении с помощью уголовного наказания непосредственно запрещенных нормой с двойной превенцией деяний, а также иных преступлений, для которых первые могут послужить благоприятной почвой³.

Ученые осуществляли дифференциацию норм с двойной превенцией в зависимости от направленности их предупредительного воз-

действия и выделяли нормы, направленные на предупреждение тяжких преступлений против личности, хищений государственного или общественного имущества, рецидивной преступности, преступлений, совершаемых на почве социального паразитизма, а также пьянства и алкоголизма, наркомании и токсикомании и т.д.⁴

В постсоветский период концепция двойной превенции не претерпела существенных изменений и не развивалась, несмотря на фактический рост норм с двойной профилактической направленностью в уголовном законе (к примеру, в целях повышения эффективности предупреждения террористических актов в 2013 г. введены статьи 205.3, 205.4 и 205.5 УК РФ, в 2016 г. — статья 205.6 УК РФ). Современные авторы преимущественно воспроизводят положения, выработанные советской доктриной, либо вносят некоторые уточнения, чаще всего относительно классификации норм с двойной превенцией.

Так, А. С. Шуйский акцентирует внимание на обуславливающем характере связи между деянием, запрещенным нормой с двойной превенцией, и другим преступлением⁵. Например, изготовление самодельного взрывного устройства является условием, способствующим совершению террористического акта. Причем подчеркивается, что условие должно быть необходимым при совершении преступных посягательств определенного вида⁶. Автор предлагает классификацию норм с двойной превенцией исходя из направленности их первичного (ка-

² Калашников А. Д., Меркулов М. А. К вопросу об отдельных критериях оценки деятельности полиции // 300 лет на страже закона и правопорядка : сборник трудов всерос. науч.-практ. конференции. Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России, 2018. С. 156–158.

³ Саркисова Э. А. Предупредительная роль уголовного закона. Минск, 1979. С. 47 ; Побегайло Э. Ф., Ревин В. П. Уголовно-правовые средства предупреждения тяжких преступлений против личности : учебное пособие. М., 1989. С. 10.

⁴ Саркисова Э. А. Указ. соч. С. 49 ; Гордуз Н. А. Система уголовно-правовых средств предупреждения преступлений и некоторые вопросы эффективности их использования // Проблемы состава преступления и дифференциации ответственности в свете нового законодательства : тезисы межкафедрального семинара. М. : Изд-во Академии МВД СССР, 1983. С. 104–105 ; Побегайло Э. Ф., Ревин В. П. Указ. соч. С. 10.

⁵ Шуйский А. С. Противодействие терроризму посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией : монография. Пятигорск, 2018. С. 27.

⁶ Шуйский А. С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 25.

кие деяния запрещены) или вторичного (какие преступления должны быть предупреждены) предупредительного воздействия. На основании первого критерия он выделяет пять групп норм с двойной превенцией, которые предусматривают ответственность: за склонение, публичные призывы и иное вовлечение, вооружение и подготовку лиц в целях совершения преступления чужими руками (ст. 150, 205.1, 205.2 УК РФ и др.); организацию преступных групп (ст. 208–210, 239, 282.1 УК РФ); фоновые явления преступности (ст. 151, 156, 228–232, 240–242.1 УК РФ и др.); изготовление и незаконный оборот, небрежное хранение, хищение и вымогательство материалов, предметов и веществ, которые могут использоваться для совершения преступления (ст. 186, 187, 220–226 УК РФ и др.); деяния, со временем перерастающие в другие, более тяжкие преступления (ст. 115–117, 119, 213 УК РФ).

При делении норм с двойной превенцией по направленности вторичного превентивного воздействия А. С. Шуйский использует несколько подкритериев, а именно: 1) объект преступлений (нормы, направленные на предупреждение преступлений против личности, общественной безопасности и т.д.); 2) криминологическая типология преступлений (нормы, направленные на предупреждение насильственных, корыстных, политических преступных деяний); 3) адресат превентивного воздействия (нормы, запрещающие вовлечение в преступную деятельность или менее тяжкие преступления, способные перерасти в более тяжкие)⁷.

Существенным недостатком вышеприведенных определений и классификаций уголовно-правовых норм с двойной превенцией является неполное раскрытие специфики механизма их превентивного воздействия, чем они, собственно, и отличаются от всех остальных норм Особенной части УК РФ.

Следует заметить, что в доктрине нередко используется понятие «механизм превентивного воздействия», однако его дефиниция отсутствует. При этом в литературе встречаются различные трактовки механизма уголовно-правового воздействия. Так, А. И. Чучаев сводит суть данной категории к модели реакции на совершение преступления⁸, т.е. сложной правовой конструкции, отражающей внутреннее строение и функциональное назначение данного воздействия⁹. Ю. В. Трунцевский определяет данную категорию как совокупность возможностей и средств, закрепленных в уголовном законодательстве и используемых в противодействии преступности¹⁰. Более развернутое определение механизма уголовно-правового воздействия дает В. К. Дуюнов, который рассматривает его как функционирующую систему предусмотренных уголовным законодательством средств, приемов и технологий, применяемых в отношении лиц, совершивших преступление, а также неустойчивых граждан в целях общей превенции¹¹.

На основании изложенного предлагается рассматривать понятие «механизм превентивного воздействия» в широком и узком значениях. В первом случае он является частью более широкой категории — механизма уголовно-правового воздействия — и представляет собой

⁷ Шуйский А. С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией. С. 28–29.

⁸ Бабанина В. В. Соотношение понятий «механизм уголовно-правового воздействия», «механизм уголовно-правового регулирования», «механизм реализации уголовного законодательства», «механизм реализации уголовно-правовой нормы» и «механизм реализации уголовной ответственности» // Закон и жизнь. 2019. № 4/2. С. 11.

⁹ Чучаев А. И., Фирсова А. П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация : монография. М., 2010. С. 121.

¹⁰ Трунцевский Ю. В. Понятие, содержание и виды мер уголовно-правового и административного воздействия // Административное и муниципальное право. 2015. № 6 (90). С. 555.

¹¹ Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации : дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001. С. 39.

функционирующую систему уголовно-правовых средств предупреждения преступлений. Во втором случае механизм превентивного воздействия выступает в качестве модели реализации превентивного потенциала конкретного уголовно-правового средства предупреждения преступлений. Именно в узком смысле предлагается рассмотреть механизм превентивного воздействия норм с двойной превенцией.

Как верно подмечает В. Н. Шиханов, в науке усматривается два подхода к описанию механизма превентивного воздействия норм с двойной превенцией. Первый подход укладывается в рамки диалектического закона о переходе количества в качество: чем больше выявляется нетяжких насильственных преступлений, тем меньше совершается тяжких насильственных преступлений¹². Так, советские ученые, ссылаясь на результаты изучения рецидивной преступности, обосновывали важность своевременного привлечения к уголовной ответственности за хулиганство в целях недопущения превращения вчерашнего хулигана в убийцу или насильника¹³.

Второй подход опирается на наличие обуславливающей связи между запрещенным нормой с двойной превенцией деянием и другим преступлением¹⁴, когда первое выступает в качестве условия, способствующего совершению второго. К примеру, такая связь существует между незаконным оборотом оружия и вооруженной преступностью, финансированием террористической деятельности и террористическими актами и т.п. Он используется в работах К. В. Ображиева, А. С. Шуйского¹⁵ и В. В. Макарова¹⁶.

Представляется, что для описания специфики механизма превентивного воздействия норм с

двойной превенцией следует применять комбинацию двух подходов с рядом дополнений.

Криминологи под условиями, способствующими совершению преступления, понимают обстоятельства, которые непосредственно преступление не порождают, но способствуют формированию и действию причины, возникновению преступного умысла, а также облегчению его реализации¹⁷.

Следовательно, хулиганство, побои, истязание, причинение легкого вреда здоровью, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью не могут быть условием, способствующим совершению другого преступления. Если данные действия облегчают совершение другого преступления, например в качестве способа подавления сопротивления жертвы, они охватываются составом другого, более тяжкого преступления (ч. 1 ст. 131, п. «б» ч. 2 ст. 131, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ) и обозначаются единым понятием «насилие».

В. Н. Кудрявцев усматривал три вида криминальных условий: физические (обстоятельства места и времени, например отсутствие охраны); организационные (недостатки учета и контроля за хранением и оборотом имущества); психологические (безразличное или снисходительное отношение к криминальному поведению)¹⁸. Ученый обращал внимание на объективный характер таких условий, а меры, направленные на их устранение в целях предупреждения преступлений, называл ситуационными.

Действительно, в криминологии существует концепция ситуационного предупреждения преступлений, суть которой заключается в сокращении возможностей для совершения преступле-

¹² Шиханов В. Н. Преступления двойной превенции: критический анализ в условиях современности // Криминалистика. 2019. № 1 (26). С. 104.

¹³ Побегайло Э. Ф. Избранные труды. СПб., 2008. С. 170–171.

¹⁴ Шиханов В. Н. Указ. соч. С. 106.

¹⁵ Ображиев К. В., Шуйский А. С. Нормы с двойной превенцией: понятие, сущность и виды // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 12. С. 118.

¹⁶ Макаров В. В. Самодетерминация преступности : монография. М., 2015. С. 61.

¹⁷ Криминология : учебник / под ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 236 ; Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 1997. С. 47.

¹⁸ Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования : учебное пособие. М., 1998. С. 132–137.

ний путем затруднения реализации преступного умысла и снижения выгоды от преступления¹⁹. Как отмечал основоположник данной концепции Р. Кларк, ситуационные превентивные меры не призваны улучшить общественные институты, их цель — устранить в окружающей среде удобные для совершения преступления условия²⁰. Неслучайно в Руководящем документе Организации Объединенных Наций «Руководство по основным направлениям предупреждения преступлений» 1990 г. разделены ситуационные и социальные меры предупреждения преступлений²¹.

В названном Руководстве ситуационные превентивные меры по механизму воздействия дифференцируются на меры безопасности, затрудняющие совершение преступления, и на меры, снижающие заинтересованность в совершении преступления. Первые реализуются посредством укрепления объекта преступного посягательства (замки, охранная сигнализация), изъятия из свободного оборота средств совершения преступления, вторые — с помощью идентификационной маркировки для усложнения перепродажи и использования похищенного имущества (транспортная маркировка деталей и узлов, водяные знаки на купюрах и документах), а также усиления форм наблюдения в целях повышения угрозы разоблачения и поимки преступника (камеры видеонаблюдения, патрули).

Все перечисленные меры не просто используются в России, но и имеют правовую защиту в виде административной и уголовной ответственности за их неисполнение. Так, укреплению физической и технической защищенности опасных производственных объектов способствует уголовно-правовой запрет на нарушения

требований антикриминальной безопасности при их возведении и эксплуатации, предусмотренные статьями 215, 217.1 и 217.2 УК РФ. Угрозой уголовного наказания ответственные за безопасность лица побуждаются к неукоснительному соблюдению требований обеспечения антитеррористической и физической защищенности ядерных материалов и установок, объектов топливно-энергетического комплекса, промышленных объектов от актов незаконного вмешательства.

Целый ряд уголовно-правовых норм запрещает незаконные изготовление и оборот орудий и средств совершения преступлений, тем самым ограничивая их доступ для широкого круга лиц:

1) ч. 1 ст. 205.1, ст. 220–226.1, 234 УК РФ — орудия и средства, способные поражать живую цель, причинять вред здоровью и материальным объектам;

2) ст. 138.1, 272–274.1 УК РФ — технические средства, информационные технологии, которые могут быть использованы в преступных целях;

3) ст. 170–170.2, 172.1, 172.3, 173.1, 173.2, 185.5, 186, 187, 292, ч. 4 ст. 303, ст. 324, 325, 325.1, 327–327.2 УК РФ — носители информации, искажение или сокрытие информации для облегчения преступной деятельности.

Как правило, содействие и помощь в преступной деятельности влечет ответственность в соответствии с ч. 5 ст. 33 УК РФ. Однако в последние годы Особенная часть УК РФ пополняется самостоятельными составами пособничества, посредничества, организации. Так, законодатель, пытаясь обеспечить эффективное предупреждение террористических угроз, выделил в качестве самостоятельного преступления действия пособника и организатора.

¹⁹ Щедрин Н. В. Основы общей теории предупреждения преступности : учебное пособие. Красноярск, 1999. С. 20 ; Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : в 2 т. Т. 1 : Общая часть. М., 2011. С. 943.

²⁰ Clarke R. V. Introduction // Situational Crime Prevention: Successful Case Studies. Albany, NY : Harrow and Heston, 1992. P. 3.

²¹ Руководство по основным направлениям предупреждения преступлений, которые были подготовлены для представления Восьмому Конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, Куба, 27 августа — 7 сентября 1990 г.) // Советская юстиция. 1993. № 2. С. 28–31 ; № 3. С. 24–27 ; № 5. С. 25–28.

Содержательно данные формы содействия не отличаются от соучастия, предусмотренного частями 3, 4 ст. 33 УК РФ, если исходить из примечания к ст. 205.1 УК РФ и судебной практики по ч. 4 ст. 205.1 УК РФ. При этом наказываются пособничество и организация по ст. 205.1 УК РФ существенно суровее, чем обычное соучастие и даже террористический акт. Следовательно, результативность данных новелл законодатель связывает с устрашением лиц, намеревающихся оказывать содействие террористам, что, в свою очередь, должно затруднить реализацию терактов, захват заложников и т.д.

Следует согласиться с авторами, которые считают вооружение и подготовку лиц в целях осуществления террористической деятельности формами пособничества, где первое представляет собой физическое пособничество (предоставление орудий для совершения преступлений), второе — интеллектуальное (дача советов и указаний)²².

Аналогичные выводы о дублировании норм Общей части с установлением более сурового наказания за содействие террористам можно сделать в отношении ч. 4 ст. 205.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию совершения ряда преступлений террористической направленности.

Посредничество является важным элементом преступной деятельности, и введение ст. 291.1 УК РФ обусловлено необходимостью жесткой реакции на действия, которые способствуют разрастанию и укреплению коррупционных связей²³. Как верно замечает О. В. Гейнце, посредничество — это еще одна форма соучастия, не тождественная пособничеству, которую

следует закрепить в ч. 6 ст. 33 УК РФ, а наиболее опасные его проявления (как в случае с взяточничеством) выделить в нормах Особенной части УК РФ²⁴.

Маркировка как способ снижения выгоды от совершения преступлений охраняется уголовным законом в сфере идентификации транспортных средств, алкогольной, табачной и иной продукции, для оборота которой обязательно использование марок. С точки зрения механизма превентивного воздействия статья 326 УК РФ призвана противодействовать нелегальному авторынку путем устранения такого важного звена преступной деятельности, как уничтожение или подделка идентификационных номеров, которые позволяют впоследствии перепродавать похищенные автомобили или запчасти.

Нормы, предусмотренные статьей 171.1, частью 3 ст. 325, статьей 327.1 УК РФ, адресованы недобросовестным предпринимателям, которые посредством неиспользования либо подделки акцизных и специальных марок обходят государственный контроль качества производимой продукции и уклоняются от уплаты налогов. Они будут вынуждены исполнять обязанность по нанесению маркировки или понесут наказание, что в обоих случаях должно обеспечить предупреждение преступлений, предусмотренных статьями 171, 199, 199.2, 236 и 238 УК РФ.

Кроме того, уголовный закон содержит нормы, направленные на блокирование источников материальной выгоды от совершения преступлений: запрет отмывания преступных доходов и скупки краденого (ст. 174, 174.1 и 175 УК РФ), финансирования преступной деятельности (ч. 1.1 ст. 205.1, ст. 282.3 УК РФ). Превышение

²² Тарбагаев А. Н., Москалев Г. Л. Пособничество террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право. 2017. Т. 8. Вып. 3. С. 354–355 ; Илджеев А. А. Преступления пособника и их отражение в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29. № 1. С. 119–120 ; Игнатов А. Н., Сапрунов А. Г. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: совершенствование законодательной регламентации // Общество и право. 2018. № 2 (4). С. 41.

²³ Гармышев Я. В., Христюк А. А. Посредничество во взяточничестве как новый вид преступной профессиональной деятельности: постановка проблемы и вопросы квалификации // Baikal Research Journal. 2020. Т. 11. № 1. С. 17.

²⁴ Гейнце О. В. Уголовная ответственность за посредничество в совершении преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 9–10.

негативных последствий за совершение хищений, преступлений террористической и экстремистской направленности в виде уголовного наказания и судимости над ожидаемой выгодой может вынудить ряд лиц отказаться от преступной деятельности.

Наконец, снижение заинтересованности в преступлении обеспечивается увеличением угрозы разоблачения и, соответственно, неотвратимости наказания. В рамках концепции ситуационного предупреждения преступлений делается акцент на осознании преступником высокой вероятности его задержания (благодаря записям с камер видеонаблюдения либо расставленным полицейским патрулям). Однако применительно к уголовному закону правильной говорить об увеличении вероятности предотвращения и пресечения преступления на стадии обнаружения умысла, приготовления или покушения с помощью норм, предусмотренных статьями 205.6, 293, 314 и 314.1 УК РФ. Как следует из пояснительной записки к законопроекту о введении нормы, предусмотренной статьей 205.6 УК РФ, уголовная ответственность за несообщение о преступлении призвана способствовать предупреждению преступлений террористической направленности²⁵. Фактически угрозой уголовного наказания граждан побуждают к доносительству, что, впрочем, оправдано необходимостью обеспечения общественной безопасности.

Уголовная ответственность за халатность выступает в роли негативной мотивации сотрудников правоохранительных органов к добросовестному исполнению должностных обязанностей по охране правопорядка и предупреждению правонарушений.

Нормы, предусмотренные статьями 314 и 314.1 УК РФ, направлены на принуждение осужденных соблюдать наложенные судом ограничения свободы выбора места пребывания и передвижения, что, в свою очередь, обеспечивает надзор за ними со стороны уголовно-исполнительной инспекции или полиции в целях предупреждения рецидива.

В соответствии с первым законом диалектики наряду с объективными криминогенными факторами существуют субъективные, которые в криминологии условно делятся на два типа: непосредственно связанные с личностью (особенности характера, психическое состояние, умственное развитие); влияющие на личность извне (условия воспитания, пропаганда, криминальная субкультура).

Нормы, устанавливающие уголовную ответственность за хулиганство, побои, истязание, причинение легкого вреда здоровью, угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, в доктрине традиционно наделяются свойством двойной превенции. Советские ученые пришли к данному выводу по результатам изучения рецидивной преступности. Так, согласно исследованиям 1950–1960-х гг., охватившим несколько регионов СССР, примерно 60–66 % осужденных опасных преступников ранее привлекались за хулиганские действия²⁶. В. П. Гришанин усматривал связь между хулиганством и более тяжкими насильственными преступлениями и полагал, что безнаказанность хулигана может повлечь совершение им в будущем грабежа, изнасилования и даже убийства²⁷. Статистика свидетельствовала о том, что 60–70 % умышленных убийств и иных преступлений против личности были совершены лицами, ранее

²⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=144431#0> (дата обращения: 22.09.2022).

²⁶ Овчинский С. С. Преступное насилие. Преступность в городах. М., 2017. С. 4–5.

²⁷ Гришанин П. Ф. Юридическая квалификация хулиганских действий : лекция. М., 1969. С. 3–5.

²⁸ См.: Овчинский С. С. Хулиганство и тяжкие преступления // Проблемы борьбы с хулиганством : сборник статей. М., 1968. С. 49–78 ; Жалинский А. Э., Герасун А. А. Криминологические аспекты непредумышленных преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. 1972. № 15. С. 3–10.

обвинявшимися в хулиганстве, а ученые связывали рост количества убийств и причинения тяжких телесных повреждений с ослаблением противодействия хулиганству²⁸.

Современные авторы полагают, что при многократном рецидиве насильственных преступлений у лица возрастает агрессивность, и его последующие преступления — более тяжкие по сравнению с первыми²⁹. При этом осужденные за убийство часто имеют опыт совершения хулиганства, причинения легкого вреда здоровью³⁰.

Следовательно, у ряда преступников есть стадии развития их агрессивности, антиобщественной направленности, которые они проходят до конца (т.е. до совершения тяжких и особо тяжких насильственных преступлений), если остаются безнаказанными за хулиганство и (или) не тяжкие насильственные преступления. Поэтому нормы, предусмотренные статьями 115–117, 119, 213 УК РФ, призваны пресечь развитие криминальных свойств личности на раннем этапе, чтобы не допустить усиления антиобщественной установки и преступной мотивации.

Поскольку вандализм выделился в качестве самостоятельного преступления из состава хулиганства в УК РФ 1996 г.³¹, то норму, предусмотренную статьей 214 УК РФ, следует отнести к данной группе норм с двойной превенцией.

Кроме того, развитию антиобщественной направленности на ранней стадии препятствует в какой-то мере норма, запрещающая жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ). Многие серийные убийцы начинали свой путь с истязания и убийства животных, что отмечается в исследованиях по судебной психиатрии и криминологии³². Поэтому садизм в отношении

животных сигнализирует о склонности лица к насилию, которая впоследствии может развиваться до совершения насильственных преступлений против личности.

Таким образом, механизм превентивного воздействия норм, предусмотренных статьями 115–117, 119, 213, 214 и 245 УК РФ, заключается в пресечении усиления криминальной установки личности на ранней стадии путем устрашения или исправления.

Следующая группа норм с двойной превенцией призвана устранить такой криминогенный субъективный фактор, как негативное влияние на неустойчивую личность со стороны третьих лиц. К ним относятся нормы, запрещающие различные формы приобщения к преступной деятельности или противоправному образу жизни.

Таких форм можно выделить четыре:

1) вовлечение в совершение преступления или правонарушения (ст. 150, 151, 151.2, ч. 1 и 1.1 ст. 205.1, ч. 1.1 ст. 212, ч. 1.1 ст. 282.1 и ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ);

2) публичные призывы к совершению преступлений (ст. 205.2, 280, 280.1, 280.4 и 354 УК РФ);

3) организованная преступность (ст. 205.4, 205.5, 208–210, 239, 282.1 и 282.2 УК РФ);

4) обучение совершению преступлений (ч. 1 и 1.1 ст. 205.1, ст. 205.3, ч. 1 и 4 ст. 212 УК РФ).

Под вовлечением в совершение преступления или правонарушения понимаются умышленные действия, направленные на побуждение или вынуждение лица совершить конкретное преступление или правонарушение. Оно осуществляется любыми ненасильственными (обещание, убеждение, обман и т.д.) или на-

²⁹ Волконская Е. К. Криминологическое понятие рецидива насильственных преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 3. С. 142; Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 33.

³⁰ Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника: криминологическое исследование. М., 2010. С. 126.

³¹ Смирнов А. С. Вандализм и хулиганство как культурно-исторический феномен переплетения // Россия в глобальном мире. 2014. № 4 (27). С. 103.

³² Giannangelo S. J. Real-life Monsters: A Psychological Examination of the Serial Murderer. Santa Barbara, CA, 2012. P. 54; Daniszewska A. Serial Homicide. Profiling of Victims and Offenders for Policing. Switzerland, 2017. P. 51; Anderson J. Genesis of a Serial Killer: Fantasy's integral role in the creation of a monster // URL: http://www.bahaistudies.net/asma/genesis_of_a_serial_killer.pdf (дата обращения: 14.07.2022).

силыственными (угроза, шантаж, физическое насилие и т.д.) методами. Вовлечение может осуществляться с целью совершения преступления чужими руками либо поиска соучастника. Опасность вовлечения несовершеннолетнего в совершение правонарушений и антиобщественных действий состоит в том, что его морально-нравственные установки подвергаются искажению, формируя заинтересованность и положительное отношение к противоправному образу жизни.

Публичные призывы к совершению преступления отличаются от вовлечения адресатом (неопределенный круг лиц) и способом (только обращение). При этом законодатель, исходя из повышенной общественной опасности террористической преступности, установил уголовную ответственность также за любое публичное выражение поддержки идеологии терроризма, содержащее ее оправдание и пропаганду.

Большинство ученых относит к нормам с двойной превенцией нормы, запрещающие создание преступных групп³³. Организованная преступная группа — это, по сути, форма объединения физических и умственных способностей криминально настроенных лиц, их навыков, связей, имущества. Некоторые преступления ввиду сложности реализации требуют участия сплоченных групп с распределением ролей (к примеру, разбойное нападение на банковское учреждение, захват и угон судна воздушного транспорта, вымогательство в отношении крупных предпринимателей и др.). Следовательно, указанные нормы запрещают объединение не просто отдельных индивидов, а личностей как носителей криминальных свойств. Причем степень развития таких свойств у каждого участника может быть разная, но чем дольше они действуют в составе группы, тем сильнее развиваются их криминальные свойства и навыки. Так, Г. Тард

на основе теории подражания разработал криминологическую концепцию обучения, одним из выводов которой является то, что нахождение в преступной среде позволяет быстрее овладевать криминальным ремеслом³⁴. Поэтому нормы, запрещающие создание преступных групп и участие в них, призваны препятствовать не только объединению способностей, необходимых в преступном деле, но и развитию криминальных навыков и свойств.

К данным нормам примыкают нормы ст. 205.5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации», ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации», поскольку, по сути, они сходны с нормами, запрещающими руководство преступной организацией и участие в ней.

Приобретение теоретических знаний и практических умений, необходимых для совершения преступлений, является одним из элементов приобщения к криминальному ремеслу. Действующий уголовный закон содержит две нормы, устанавливающие ответственность за прохождение обучения в целях совершения таких преступных деяний, как осуществление террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ), организация массовых беспорядков либо участие в них (ч. 4 ст. 212 УК РФ), а также три нормы, в которых обучение обозначается термином «подготовка» (ч. 1 и 1.1 ст. 205.1, ч. 1 ст. 212 УК РФ).

Наконец, формированию и усилению антиобщественной установки способствуют такие негативные социальные явления, как наркотизация и алкоголизация населения, проституция, беспризорность и безнадзорность несовершеннолетних, нелегальная миграция. В криминологии они называются фоновыми явлениями преступности³⁵. Так, наркотизация может влиять на рост насильственных и корыстных преступлений

³³ Кириков А. В. Проблемы правового обеспечения предупреждения преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2002. С. 81 ; Потоцкий Н. К. Значение норм уголовного и уголовно-исполнительного права как инструментов обеспечения предупреждения преступлений // Законы России. 2006. № 11. С. 112–117.

³⁴ Тард Г. Типология толпы, теория подражания // URL: <http://www.bibliotekar.ru/4-1-38-sociologiya-prava/29.htm> (дата обращения: 13.01.2022).

³⁵ Кулаков А. В., Путько А. М. Определение и содержание понятия «фоновые явления преступности» // Вестник Самарского юридического института. 2016. № 1 (19). С. 30–35.

виду того, что ухудшение физического и психического здоровья наркозависимых лиц толкает последних на совершение краж, грабежей и разбоев в целях добычи денег на наркотики или иные вещества. Нелегальная продажа алкоголя способствует алкоголизации населения, что, в свою очередь, отражается на динамике преступности, в частности бытовых насильственных преступлений³⁶. Порнография и проституция, по мнению криминологов, косвенно влияют на преступность, поскольку способствуют нравственному разложению потребителей и виктимизации лиц, оказывающих интимные услуги³⁷. Фоновым явлением корыстной и насильственной преступности считается также незаконная миграция³⁸, когда нелегальные мигранты, оставшись без средств к существованию, с одной стороны, и вне поля зрения органов исполнительной власти, с другой — решают свои проблемы преступным путем.

Соответственно, уголовно-правовые нормы, запрещающие распространение данных явлений (ст. 228–233, 151.1, 171.3, 171.4 УК РФ и т.д.), обладают двойным превентивным потенциалом.

С учетом изложенного уголовно-правовые нормы с двойной превенцией следует определить как предусмотренные в Особенной части УК РФ меры специально-криминологического предупреждения преступлений, направленные на затруднение совершения преступлений, снижение выгоды от преступной деятельности и увеличение угрозы разоблачения, а также воспрепятствование криминальной деформации личности на ранней стадии посредством привлечения к уголовной ответственности либо его

угрозы за деяния, служащие объективными или субъективными криминогенными факторами.

Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией делятся на две группы, которые, в свою очередь, классифицируются на виды в зависимости от специфики механизма превентивного воздействия:

— уголовно-правовые нормы с двойной превенцией, воздействующие на объективные криминогенные факторы, которые призваны обеспечить:

1) соблюдение требований антикриминальной защищенности опасных объектов (ст. 215, 217.1 и 217.2 УК РФ);

2) изъятие из свободного доступа средств и орудий совершения преступлений (ст. 138.1, 170–170.2, 172.3, 173.1, 173.2, 185.5, 186, 187, 220–226.1, 234, 272–274.1, 292, ч. 4 ст. 303, ст. 324, 325, 325.1, 327, 327.1 и 327.2 УК РФ);

3) устранение соучастников преступления (ч. 5 ст. 184, ч. 3, 4 ст. 205.1, ст. 204.1, ч. 1 ст. 205.5, ч. 1 ст. 212, ч. 1 ст. 282.2 и ст. 291.1 УК РФ);

4) уменьшение материальной выгоды от совершения преступления (ст. 171.1, 174, 174.1, 175, ч. 1.1 ст. 205.1, ст. 282.3, ч. 3 ст. 325, ст. 326, ч. 2 ст. 361 УК РФ);

5) повышение угрозы разоблачения преступника (ст. 205.6, 293, 314, 314.1 и 316 УК РФ);

— уголовно-правовые нормы с двойной превенцией, воздействующие на субъективные криминогенные факторы, которые призваны обеспечить:

1) пресечение криминальной деформации личности на ранней стадии (ст. 115–117, 119, 213, 214 и 245 УК РФ);

³⁶ Тамбовцева Г. М. Алкоголизм и эскалация преступности // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2016. № 1 (26). С. 83–89.

³⁷ Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сахарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы: монография. М., 2001. С. 472; Гусарова М. В. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографической продукции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 51–56; Булов М. М., Прохонов В. С. Основные детерминанты бродяжничества, попрошайничества, суицидального поведения, проституции среди несовершеннолетних и молодежи и их связь с преступностью // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2019. № 1 (6). С. 15–22.

³⁸ См.: Бышевский Ю. Ю. Миграция как криминологическая проблема: монография. Ставрополь, 2007. 259 с.

2) противодействие таким формам приобретения к преступной деятельности, как вовлечение в совершение преступления или правонарушения (ст. 150, 151, 151.2, ч. 1 и 1.1 ст. 205.1, ч. 1.1 ст. 212, ч. 1.1 ст. 282.1 и ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ), публичные призывы к совершению преступлений (ст. 205.2, 280, 280.1, 280.4 и 354

УК РФ), организованная преступность (ст. 205.4, 205.5, 208–210, 239, 282.1 и 282.2 УК РФ), обучение совершению преступлений (ч. 1 и 1.1 ст. 205.1, ст. 205.3, ч. 1 и 4 ст. 212 УК РФ);

3) противодействие фоновым явлениям преступности (ст. 151.1, 156, 171.3, 171.4, 228–233, 234.1, 240–242.2, 322–322.3 УК РФ).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сахарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы : монография. — М., 2001. — 496 с.
2. Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2014. — 345 с.
3. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника: криминологическое исследование. — М., 2010. — 366 с.
4. Бабанина В. В. Соотношение понятий «механизм уголовно-правового воздействия», «механизм уголовно-правового регулирования», «механизм реализации уголовного законодательства», «механизм реализации уголовно-правовой нормы» и «механизм реализации уголовной ответственности» // Закон и жизнь. — 2019. — № 4/2. — С. 8–13.
5. Буслев М. М., Прохонов В. С. Основные детерминанты бродяжничества, попрошайничества, суицидального поведения, проституции среди несовершеннолетних и молодежи и их связь с преступностью // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. — 2019. — № 1 (6). — С. 15–22.
6. Бышевский Ю. Ю. Миграция как криминологическая проблема : монография. — Ставрополь, 2007. — 259 с.
7. Волконская Е. К. Криминологическое понятие рецидива насильственных преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. — 2013. — № 3. — С. 140–146.
8. Гармышев Я. В., Христюк А. А. Посредничество во взяточничестве как новый вид преступной профессиональной деятельности: постановка проблемы и вопросы квалификации // Baikal Research Journal. — 2020. — Т. 11. — № 1. — С. 17–17.
9. Гейнце О. В. Уголовная ответственность за посредничество в совершении преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2022. — 202 с.
10. Гордуз Н. А. Система уголовно-правовых средств предупреждения преступлений и некоторые вопросы эффективности их использования // Проблемы состава преступления и дифференциации ответственности в свете нового законодательства : тезисы межкафедрального семинара. — М. : Изд-во Академии МВД СССР, 1983. — С. 104–106.
11. Гришанин П. Ф. Юридическая квалификация хулиганских действий : лекция. — М., 1969. — 26 с.
12. Гусарова М. В. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографической продукции // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2010. — № 1. — С. 51–56.
13. Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации : дис. ... д-ра юрид. наук. — Тольятти, 2001. — 512 с.
14. Жалинский А. Э., Герасун А. А. Криминологические аспекты непредумышленных преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. — 1972. — № 15. — С. 3–10.

15. Игнатов А. Н., Сапрунов А. Г. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: совершенствование законодательной регламентации // Общество и право. — 2018. — № 2 (4). — С. 39–45.
16. Илidgeв А. А. Преступления пособника и их отражение в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. — 2021. — Т. 29. — № 1. — С. 112–122.
17. Калашников А. Д., Меркулов М. А. К вопросу об отдельных критериях оценки деятельности полиции // 300 лет на страже закона и правопорядка : сборник трудов всероссийской науч.-практ. конференции. — Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России, 2018. — С. 155–158.
18. Кириков А. В. Проблемы правового обеспечения предупреждения преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — М., 2002. — 148 с.
19. Криминология : учебник / под ред. А. И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2009. — 383 с.
20. Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. — М., 1997. — 512 с.
21. Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования : учебное пособие. — М., 1998. — 214 с.
22. Кулаков А. В., Путько А. М. Определение и содержание понятия «фоновые явления преступности» // Вестник Самарского юридического института. — 2016. — № 1 (19). — С. 30–35.
23. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : в 2 т. Т. I : Общая часть. — М., 2011. — 1003 с.
24. Макаров В. В. Самодетерминация преступности : монография. — М., 2015. — 141 с.
25. Ображиев К. В., Шуйский А. С. Нормы с двойной превенцией: понятие, сущность и виды // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2009. — № 12. — С. 116–122.
26. Овчинский С. С. Преступное насилие. Преступность в городах. — М., 2017. — 406 с.
27. Овчинский С. С. Хулиганство и тяжкие преступления // Проблемы борьбы с хулиганством : сборник статей. — М., 1968. — С. 49–78.
28. Побегайло Э. Ф. Избранные труды. — СПб., 2008. — 1064 с.
29. Побегайло Э. Ф., Ревин В. П. Уголовно-правовые средства предупреждения тяжких преступлений против личности : учебное пособие. — М., 1989. — 78 с.
30. Потоцкий Н. К. Значение норм уголовного и уголовно-исполнительного права как инструментов обеспечения предупреждения преступлений // Законы России. — 2006. — № 11. — С. 112–117.
31. Саркисова Э. А. Предупредительная роль уголовного закона. — Минск, 1979. — 144 с.
32. Смирнов А. С. Вандализм и хулиганство как культурно-исторический феномен переплетения // Россия в глобальном мире. — 2014. — № 4 (27). — С. 98–112.
33. Тагиров А. Н. Понятие и структура преступлений с «двойной превенцией» и их влияние на профилактическую деятельность органов Следственного комитета Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2016. — № 3 (13). — С. 61–65.
34. Тарбагаев А. Н., Москалев Г. Л. Пособничество террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право. — 2017. — Т. 8. — Вып. 3. — С. 349–359.
35. Тард Г. Типология толпы, теория подражания // URL: <http://www.bibliotekar.ru/4-1-38-sociologiya-prava/29.htm> (дата обращения: 13.01.2022).
36. Трунцевский Ю. В. Понятие, содержание и виды мер уголовно-правового и административного воздействия // Административное и муниципальное право. — 2015. — № 6 (90). — С. 554–562.
37. Тамбовцева Г. М. Алкоголизм и эскалация преступности // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2016. — № 1 (26). — С. 83–89.
38. Чучаев А. И., Фирсова А. П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация : монография. — М., 2010. — 304 с.
39. Шиханов В. Н. Преступления двойной превенции: критический анализ в условиях современности // Криминалистика. — 2019. — № 1 (26). — С. 104–109.

40. Шуйский А. С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — 194 с.
41. Шуйский А. С. Противодействие терроризму посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией : монография. — Пятигорск, 2018. — 196 с.
42. Щедрин Н. В. Основы общей теории предупреждения преступности : учебное пособие. — Красноярск, 1999. — 58 с.
43. Anderson J. Genesis of a Serial Killer: Fantasy's integral role in the creation of a monster // URL: http://www.bahaistudies.net/asma/genesis_of_a_serial_killer.pdf (дата обращения: 14.07.2022).
44. Clarke R. V. Introduction // Situational Crime Prevention: Successful Case Studies. — Albany, NY : Harrow and Heston, 1992. — 357 p.
45. Daniszewska A. Serial Homicide. Profiling of Victims and Offenders for Policing. — Switzerland, 2017. — 88 p.
46. Giannangelo S. J. Real-life Monsters: A Psychological Examination of the Serial Murderer. — Santa Barbara, CA, 2012. — 185 p.

Материал поступил в редакцию 16 октября 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev A. I., Gerasimov S. I., Sakharev A. Ya. Kriminologicheskaya profilaktika: teoriya, opyt, problemy: monografiya. — M., 2001. — 496 s.
2. Antonyan E. A. Lichnost retsidivista: kriminologicheskoe i ugovolno-ispolnitelnoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2014. — 345 s.
3. Antonyan Yu. M., Eminov V. E. Lichnost prestupnika: kriminologo-psikhologicheskoe issledovanie. — M., 2010. — 366 s.
4. Babanina V. V. Sootnoshenie ponyatij «mekhanizm ugovolno-pravovogo vozdeystviya», «mekhanizm ugovolno-pravovogo regulirovaniya», «mekhanizm realizatsii ugovolnogo zakonodatelstva», «mekhanizm realizatsii ugovolno-pravovoy normy» i «mekhanizm realizatsii ugovolnoy otvetstvennosti» // Zakon i zhizn. — 2019. — № 4/2. — S. 8–13.
5. Buslov M. M., Prokhnov V. S. Osnovnye determinanty brodyazhnichestva, poproshaynichestva, suitsidalnogo povedeniya, prostitutsii sredi nesovershennoletnikh i molodezhi i ikh svyaz s prestupnostyu // Ugovolno-protsessualnaya okhrana prav i zakonnykh interesov nesovershennoletnikh. — 2019. — № 1 (6). — S. 15–22.
6. Byshevskiy Yu. Yu. Migratsiya kak kriminologicheskaya problema: monografiya. — Stavropol, 2007. — 259 s.
7. Volkonskaya E. K. Kriminologicheskoe ponyatie retsidiva nasilstvennykh prestupleniy // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2013. — № 3. — S. 140–146.
8. Garmyshev Ya. V., Khristyuk A. A. Posrednichestvo vo vzyatochnichestve kak novyy vid prestupnoy professionalnoy deyatel'nosti: postanovka problemy i voprosy kvalifikatsii // Baikal Research Journal. — 2020. — T. 11. — № 1. — S. 17–17.
9. Geyntse O. V. Ugolovnaya otvetstvennost za posrednichestvo v sovershenii prestupleniy: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2022. — 202 s.
10. Gorduz N. A. Sistema ugovolno-pravovykh sredstv preduprezhdeniya prestupleniy i nekotorye voprosy effektivnosti ikh ispolzovaniya // Problemy sostava prestupleniya i differentsiatsii otvetstvennosti v svete novogo zakonodatelstva: tezisy mezhkafedralnogo seminara. — M.: Izd-vo Akademii MVD SSSR, 1983. — S. 104–106.
11. Grishanin P. F. Yuridicheskaya kvalifikatsiya khuliganskikh deystviy: lektsiya. — M., 1969. — 26 s.
12. Gusarova M. V. Kriminologicheskaya kharakteristika prestupleniy, svyazannykh s nezakonnym oborotom pornograficheskoy produktsii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2010. — № 1. — S. 51–56.

13. Duyunov V. K. Mekhanizm ugolovno-pravovogo vozdeystviya: teoreticheskie osnovy i praktika realizatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Tolyatti, 2001. — 512 s.
14. Zhalinskiy A. E., Gerasun A. A. Kriminologicheskie aspekty nepredumyshlennykh prestupleniy // Voprosy borby s prestupnostyu. — 1972. — № 15. — S. 3–10.
15. Ignatov A. N., Saprunov A. G. Ugolovnaya otvetstvennost za sodeystvie terroristicheskoy deyatel'nosti: sovershenstvovanie zakonodatel'noy reglamentatsii // Obshchestvo i pravo. — 2018. — № 2 (4). — S. 39–45.
16. Ilidzhev A. A. Prestupleniya posobnika i ikh otrazhenie v Osobennoy chasti Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. — 2021. — T. 29. — № 1. — S. 112–122.
17. Kalashnikov A. D., Merkulov M. A. K voprosu ob otdelnykh kriteriyakh otsenki deyatel'nosti politzii // 300 let na strazhe zakona i pravoporyadka: sbornik trudov vserossiyskoy nauch.-prakt. konferentsii. — Khabarovsk: Dalnevostochnyy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2018. — S. 155–158.
18. Kirikov A. V. Problemy pravovogo obespecheniya preduprezhdeniya prestupleniy: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. — M., 2002. — 148 s.
19. Kriminologiya: uchebnik / pod red. A. I. Dolgovoy. — 3-e izd., pererab. i dop. — M., 2009. — 383 s.
20. Kriminologiya: uchebnik / pod red. V. N. Kudryavtseva, V. E. Eminova. — M., 1997. — 512 s.
21. Kudryavtsev V. N. Genезis prestupleniya. Opyt kriminologicheskogo modelirovaniya: uchebnoe posobie. — M., 1998. — 214 s.
22. Kulakov A. V., Putko A. M. Opredelenie i sodержanie ponyatiya «fonovye yavleniya prestupnosti» // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. — 2016. — № 1 (19). — S. 30–35.
23. Luneev V. V. Kurs mirovoy i rossiyskoy kriminologii: uchebnik: v 2 t. T. I: Obshchaya chast. — M., 2011. — 1003 s.
24. Makarov V. V. Samodeterminatsiya prestupnosti: monografiya. — M., 2015. — 141 s.
25. Obrazhiev K. V., Shuyskiy A. S. Normy s dvoynoy preventsiyey: ponyatie, sushchnost i vidy // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2009. — № 12. — S. 116–122.
26. Ovchinskiy S. S. Prestupnoe nasilie. Prestupnost v gorodakh. — M., 2017. — 406 s.
27. Ovchinskiy S. S. Khuliganstvo i tyazhkie prestupleniya // Problemy borby s khuliganstvom: sbornik statey. — M., 1968. — S. 49–78.
28. Pobegaylo E. F. Izbrannyye trudy. — SPb., 2008. — 1064 s.
29. Pobegaylo E. F., Revin V. P. Ugolovno-pravovyye sredstva preduprezhdeniya tyazhkiykh prestupleniy protiv lichnosti: uchebnoe posobie. — M., 1989. — 78 s.
30. Pototskiy N. K. Znachenie norm ugolovnogo i ugolovno-ispolnitelnogo prava kak instrumentov obespecheniya preduprezhdeniya prestupleniy // Zakony Rossii. — 2006. — № 11. — S. 112–117.
31. Sarkisova E. A. Predupreditelnaya rol ugolovnogo zakona. — Minsk, 1979. — 144 s.
32. Smirnov A. S. Vandalizm i khuliganstvo kak kulturno-istoricheskiy fenomen perepleteniya // Rossiya v globalnom mire. — 2014. — № 4 (27). — S. 98–112.
33. Tagirov A. N. Ponyatie i struktura prestupleniy s «dvoynoy preventsiyey» i ikh vliyanie na profilakticheskuyu deyatel'nost organov Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii // Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya. — 2016. — № 3 (13). — S. 61–65.
34. Tarbagaev A. N., Moskalev G. L. Posobnichestvo terroristicheskoy deyatel'nosti (st. 205.1 UK RF) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. — 2017. — T. 8. — Vyp. 3. — S. 349–359.
35. Tard G. Tipologiya tolpy, teoriya podrazhaniya // URL: <http://www.bibliotekar.ru/4-1-38-sociologiya-prava/29.htm> (data obrashcheniya: 13.01.2022).
36. Truntsevskiy Yu. V. Ponyatie, sodержanie i vidy mer ugolovno-pravovogo i administrativnogo vozdeystviya // Administrativnoe i munitsipalnoe pravo. — 2015. — № 6 (90). — S. 554–562.
37. Tambovtseva G. M. Alkogolizm i eskalatsiya prestupnosti // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii. — 2016. — № 1 (26). — S. 83–89.
38. Chuchayev A. I., Firsova A. P. Ugolovno-pravovoye vozdeystvie: ponyatie, obekt, mekhanizm, klassifikatsiya: monografiya. — M., 2010. — 304 s.

39. Shikhanov V. N. Prestupleniya dvoynoy preventsii: kriticheskiy analiz v usloviyakh sovremennosti // Kriminalist. — 2019. — № 1 (26). — S. 104–109.
40. Shuyskiy A. S. Protivodeystvie terroristicheskim aktam posredstvom ugovolno-pravovykh norm s dvoynoy preventsiyey: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2012. — 194 s.
41. Shuyskiy A. S. Protivodeystvie terrorizmu posredstvom ugovolno-pravovykh norm s dvoynoy preventsiyey: monografiya. — Pyatigorsk, 2018. — 196 s.
42. Shchedrin N. V. Osnovy obshchey teorii preduprezhdeniya prestupnosti: uchebnoe posobie. — Krasnoyarsk, 1999. — 58 s.
43. Anderson J. Genesis of a Serial Killer: Fantasy's integral role in the creation of a monster // URL: http://www.bahaistudies.net/asma/genesis_of_a_serial_killer.pdf (data obrashcheniya: 14.07.2022).
44. Clarke R. V. Introduction // Situational Crime Prevention: Successful Case Studies. — Albany, NY: Harrow and Heston, 1992. — 357 p.
45. Daniszewska A. Serial Homicide. Profiling of Victims and Offenders for Policing. — Switzerland, 2017. — 88 p.
46. Giannangelo S. J. Real-life Monsters: A Psychological Examination of the Serial Murderer. — Santa Barbara, CA, 2012. — 185 p.

Процессуальная форма участия защитника в доказывании в досудебном производстве требует оптимизации

Аннотация. Уголовно-процессуальное доказывание, являющееся сердцевинной досудебного производства, с одной стороны, предопределяет правосудность итогового судебного решения по уголовному делу, с другой стороны, способно своевременно оградить личность от незаконного и необоснованного уголовного преследования. Достижение указанного находится в прямой корреляции с процессуальными возможностями защитника результативно участвовать в таком доказывании. Однако изучение мнений ученых, практических работников, обобщение результатов следственной практики, судебной статистики приводят к убеждению о доминировании в ходе доказывания по уголовному делу необоснованного усмотрения следователя, дознавателя над закрепленными уголовно-процессуальным законом гарантиями права личности на защиту. Защитник, несмотря на усиление Федеральным законом от 17.04.2017 № 73-ФЗ указанных гарантий, пока не способен преодолеть обвинительный уклон следователя, дознавателя и надлежало защищать подозреваемого, обвиняемого. Автором вносится предложение по решению данной проблемы с учетом особенностей современной формы (типа) досудебного производства.

Ключевые слова: следователь; защитник; уголовно-процессуальное доказывание; досудебное производство; уголовное дело; собрание доказательств; процессуальная самостоятельность; ходатайство защитника; суд; обжалование; предварительное расследование.

Для цитирования: Малышева О. А. Процессуальная форма участия защитника в доказывании в досудебном производстве требует оптимизации // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 5. — С. 123–131. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.123-131.

© Малышева О. А., 2023

* Малышева Ольга Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
moa_0510@mail.ru

Procedural Form of Defense Counsel Participation in Establishment of Evidence in Pre-Trial Proceedings Requires Optimization

Olga A. Malysheva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
moa_0510@mail.ru

Abstract. Criminal procedural proof, which is the core of pre-trial proceedings, on the one hand, predetermines the justice of the final court decision in a criminal case, on the other hand, is able to protect a person from illegal and unreasonable criminal prosecution in a timely manner. The achievement of this is in direct correlation with the procedural capabilities of the defender to effectively participate in such establishment of evidence. However, the study of the opinions of academia, practitioners and generalization of the results of investigative practice, judicial statistics has led to the belief that in the course of establishment of evidence in a criminal case there exists an unreasonable discretion of the investigator and the interrogating officer over the guarantees of the individual's right to protection enshrined in criminal procedure law. The defense counsel, despite the strengthening of these guarantees by the Federal Law of April 17, 2017 No. 73-FZ, is not yet able to overcome the accusatory bias of the investigator, interrogator and properly defend the suspect, the accused. The author makes a proposal to solve this problem, taking into account the features of the modern form (type) of pre-trial proceedings.

Keywords: investigator; defender; criminal procedure establishment of evidence; pre-trial proceedings; criminal case; collecting evidence; procedural independence; defender's petition; court; appeal; preliminary investigation.

Cite as: Malysheva OA. Protsessualnaya forma uchastiya zashchitnika v dokazyvanii v dosudebnom proizvodstve trebuet optimizatsii [Procedural Form of Defense Counsel Participation in Establishment of Evidence in Pre-Trial Proceedings Requires Optimization]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(5):123-131. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.123-131. (In Russ., abstract in Eng.).

В теории уголовного процесса общепризнано, что основу досудебного производства составляет уголовно-процессуальное доказывание факта совершения преступления, причастности лица к совершенному преступлению, отсутствия обстоятельств, препятствующих производству по уголовному делу, наличия основания для избрания конкретной меры процессуального принуждения и т.д., полнота, объективность и всесторонность которого предопределяет правосудность итогового судебного решения по уголовному делу. Ввиду указанного научный и практический интерес вызывает вопрос об оптимальности процессуальной формы участия защитника в обозначенной доказательственной деятельности в контексте предписаний

п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ: назначение уголовного судопроизводства — ограждение личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования, обвинения.

Формирование доказательственной базы по уголовному делу начинается с собирания уголовно-процессуальных доказательств. Согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ доказательства уполномочен собирать следователь (дознатель¹), согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ — защитник². Приведенное законодательное установление не означает, что защитник обладает процессуальными полномочиями, сходными с полномочиями следователя, по собиранию указанных доказательств.

Системное толкование уголовно-процессуальных норм, регламентирующих понятие «до-

¹ Поскольку в рассматриваемом аспекте права следователя и дознавателя тождественны, то в данной научной работе будет указан только следователь.

² По уголовным делам публичного, частно-публичного преследования, составляющим около 97 % от числа всех уголовных дел, по которым осуществляется досудебное производство, в качестве такового выступает адвокат.

казательства» (ст. 74–81 УПК РФ), правила доказывания (ст. 85–90 УПК РФ) и правовых норм Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»³, уточняющих права адвоката, которые он может осуществить в досудебном производстве, выступая в качестве защитника (ст. 6, 6.1), приводит к заключению о том, что полученные указанным адвокатом сведения, предметы, документы становятся уголовно-процессуальными доказательствами только в случае удовлетворения следователем ходатайства защитника (ч. 1, 2 ст. 119 УПК РФ) о признании таких предмета, документа в качестве вещественных доказательств и приобщении их к материалам уголовного дела. В силу предписаний ст. 122 УПК РФ следователь правомочен частично удовлетворить указанное ходатайство защитника либо отказать в его удовлетворении.

Указанное правовое регулирование, характеризующееся коллизией правовых норм федеральных законов: УПК РФ и Закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ, обуславливает существование противоположных точек зрения о процессуальной форме участия защитника в доказывании в досудебном производстве, его роли в нем. В частности, Е. Б. Смагоринская⁴ считает защитника субъектом доказывания ввиду того, что данный невластный субъект не только наделен правом собирать доказательства, но и имеет процессуальную возможность наряду со следователем участвовать в проверке и оценке доказательств по уголовному делу. Именно последние правомочия, по мнению указанного автора, усиливают процессуальное положение защитника

как субъекта доказывания. Сходную позицию высказывает и И. М. Ершова, аргументируя ее тем, что профессиональной обязанностью адвоката-защитника является честно, разумно отстаивать права, законные интересы доверителя. В противном случае обоснованно утверждать о несоблюдении конституционного права подозреваемого, обвиняемого на получение квалифицированной юридической помощи в ходе уголовного преследования⁵.

Обращаясь к зарубежному опыту уголовно-процессуального доказывания, отметим, что, несмотря на отсутствие регулирования нормами уголовно-процессуального закона в иностранных государствах способов собирания защитником доказательств, такая возможность не исключается. Вопрос о признании допустимости доказательства, полученного защитником, в каждом конкретном случае решает суд⁶.

Собирание адвокатом-защитником доказательств допускается, в частности, в итальянском уголовном процессе. Эти доказательства именуются нетиповыми, поскольку собираются посредством не предусмотренных уголовно-процессуальным законом действий. Оценивание их судом осуществляется более тщательно, в отличие от типовых доказательств⁷.

Большинство же специалистов в области российского досудебного уголовного производства разделяют мнение А. В. Кудрявцевой о том, что «субъектами доказывания являются только те лица, на которых лежит обязанность по сборанию, проверке и оценке доказательств для принятия властных решений»⁸. Среди них отсутствует защитник. П. А. Лупинская также считала, что сведения, собранные защитником, приобретут статус доказательств только после того, как они

³ СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Смагоринская Е. Б. Участие адвоката в доказывании в досудебном уголовном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 10.

⁵ Ершова И. М. Участие адвоката-защитника в уголовно-процессуальном доказывании // URL: <https://xn--80afeb9beico.78.xn--b1aew.xn--p1ai/document/21529929> (дата обращения: 20.11.2022).

⁶ Сущенко С. А. Судебная оценка недопустимости доказательств в уголовном процессе: некоторые сравнительно-правовые аспекты // *Мировой судья*. 2017. № 2. С. 21–24.

⁷ Serene B. Le prove atipiche e le prove illecite // URL: <http://www.diritto.it/docs/35290-le-prove-atipiche-e-le-prove-illecite>.

⁸ Кудрявцева А. В. Теория доказывания в юридическом процессе. Челябинск, 2006. С. 175.

будут признаны таковыми лицами, ведущими производство по уголовному делу⁹.

Следует согласиться с А. А. Давлетовым, Н. В. Азаренком в том, что разработчики УПК РФ в ч. 3 ст. 86 УПК РФ определили защитника как субъекта самостоятельного собирания доказательств, однако в ч. 1 ст. 86 УПК РФ не наделили обозначенным правом. Наряду с указанным следует уточнить, что уголовно-процессуальный закон не содержит правовых норм, устанавливающих процессуальный порядок собирания рассматриваемым субъектом доказательств способами, перечисленными в ч. 3 ст. 86 УПК РФ¹⁰.

С учетом изложенного обоснованно утверждать, что УПК РФ не закрепляет условия обеспечения равенства сторон при доказывании в досудебном производстве. Защитник не является равноправной стороной рассматриваемой

процессуальной деятельности, что, следует полагать, обуславливается действием такого принципа уголовного судопроизводства, как публичность.

Но вместе с тем необходимо отметить, что правовое положение защитника в досудебном производстве, характеризующееся меньшими, в сравнении со следователем, процессуальными возможностями отстаивать (доказывать) свою правовую позицию, согласованную с подзащитным, не позволяет защитнику своевременно оградить своего подзащитного от необоснованного уголовного преследования. Указанное подтверждается и официальными статистическими данными (см. табл. 1). В частности, в 2010–2015 гг. ежегодно в отношении более 20 тыс. человек уголовное преследование следователями, дознавателями осуществлялось незаконно или необоснованно.

Таблица 1

Динамика соблюдения законности и обоснованности в сфере уголовного преследования в досудебном производстве в 2010–2015 гг.¹¹

Год	Количество человек		
	Число оправданных судами	Число лиц по прекращенным судами уголовным делам по реабилитационным основаниям	Всего
2010	9 152	19 392	28 544
2011	8 855	20 210	29 065
2012	5 164	15 130	20 294
2013	5 624	13 184	18 808
2015	5 167	11 981	17 148

Складывающаяся процессуальная практика требовала принятия кардинальных мер по расширению процессуальных гарантий осуществления качественной защиты подозреваемого, обвиняемого от незаконного или необоснованного уголовного преследования. В указанных целях

Федеральным законом от 17.04.2017 № 73-ФЗ¹² была совершенствована процессуальная форма участия защитника в доказывании в досудебном производстве. В частности, статья 159 УПК РФ была дополнена частью 2.2, в силу которой был установлен запрет в качестве основного правила

⁹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П. А. Лупинской. М., 2009. С. 254.

¹⁰ Давлетов А. А., Азаренок Н. В. Следственный судья в современной модели уголовного процесса // Российский судья. 2020. № 6. С. 19–26.

¹¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. Раздел 1 // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=951> (дата обращения: 10.01.2023).

¹² Федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

для следователя отказывать защитнику в приобщении материалов к уголовному делу, за исключением тех, которые не отвечали требованию относимости. Показатели, характеризующие

количество лиц, незаконно или необоснованно признанных подозреваемыми, обвиняемыми по уголовным делам, существенно снизились (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика соблюдения законности и обоснованности в сфере уголовного преследования в досудебном производстве в 2017–2020 гг.¹³

Год	Количество человек		
	Число оправданных судами	Число лиц по прекращенным судами уголовным делам по реабилитационным основаниям	Всего
2017	2 233	3 457	5 690
2018	2 083	1 722	3 805
2019	2 257	1 570	3 827
2020	1 932	1 296	3 228
2021	2 190	1 138	3 328

Однако, как свидетельствует анализ следственной практики, проблему отстаивания защитником своей позиции по уголовному делу решить до сих пор не удается. В большинстве случаев следователи по-прежнему продолжают отказывать адвокату-защитнику в удовлетворении рассматриваемого ходатайства. Указанное — свидетельство необоснованного усмотрения следователя в рамках своей процессуальной самостоятельности при определении относимости к уголовному делу представленного защитником документа, предмета. Основой этого выступает обвинительный уклон, присущий процессуальной деятельности следователя, что подчеркивают другие авторы¹⁴.

Складывается аналогичная правоприменительная практика реагирования следователя на ходатайство защитника о вовлечении в досудебное производство специалиста, возможность чего предусмотрена частью 2.1 ст. 58 УПК РФ. Причиной формирования указанной практики выступает отсутствие законодательно установ-

ленного процессуального порядка получения защитником заключения специалиста как доказательства по уголовному делу. Ситуация не меняется, несмотря на неоднократное выражение Конституционным Судом РФ своей правовой позиции по рассматриваемым вопросам (определения КС РФ от 21.10.2008 № 514-О-О; от 25.01.2012 № 173-О-О и др.). По мнению Суда, 1) сторона защиты вправе получить заключение от специалиста и представить его следователю для приобщения к материалам уголовного дела в качестве доказательства; 2) лишение защитника права собирать доказательства является нарушением реализации конституционного принципа равенства сторон. Ранее в постановлении Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П уточнялось, что нарушение права защитника собирать доказательства может лишить обвиняемого эффективной судебной защиты.

Очевидно, что неполнота правового регулирования участия защитника в доказывании в досудебном производстве не может быть вос-

¹³ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. Раздел 1.

¹⁴ Воскобитова Л. А. Обвинение или обвинительный уклон // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 458–461; Назаров А. Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 149–151.

полнена правовыми позициями Конституционного Суда РФ, поскольку они в силу своей правовой природы не могут выступать в качестве регулятора общественных отношений, в отличие от правовых норм. Поэтому следователи продолжают отказываться от проверки и оценки документов, сведений, заключения специалиста, полученных защитником, поскольку последний представляет их, как правило, с целью подвергнуть сомнению верность следственной версии, разрабатываемой следователем и характеризующейся часто обвинительным уклоном, либо побудить следователя еще раз проверить достоверность собранных по уголовному делу доказательств, что властный субъект расценивает как преднамеренное затягивание защитником досудебного производства, что в отдельных случаях не лишено оснований.

Институт обжалования рассматриваемых процессуальных решений следователя, как показывает обобщение судебно-следственной практики, не способен изменить анализируемую ситуацию в досудебном производстве. На данный факт обращает внимание и С. А. Касаткина. По этому поводу она пишет, что в одних случаях суды мотивируют свой отказ в удовлетворении жалобы защитника, предметом которой выступал отказ следователя приобщить полученный защитником документ или заключение специалиста к материалам уголовного дела, невозможностью вмешательства в процессуально независимую деятельность следователя. В других случаях суды не удовлетворяли анализируемые жалобы защитников по причине неусмотрения в действиях следователя нарушений конституционных прав и свобод подозреваемого, обвиняемого. Последнее, согласно закону, выступает обязательным основанием

обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ. Одновременно суды указывали защитникам на возможность обжалования незаконных действий и решений следователя прокурору или руководителю следственного органа¹⁵, тем самым отстраняясь от разрешения уголовно-процессуального спора, возникшего между защитником и следователем в ходе уголовного преследования.

Необходимо уточнить, что и учеными, и практическими работниками вносятся различные предложения по созданию процессуальных условий для обеспечения равенства сторон в досудебном производстве. Отдельными авторами предлагается возложить на следователя обязанность приобщать к материалам уголовного дела фактически любые сведения, полученные адвокатом, с последующей их оценкой судом при рассмотрении уголовного дела по существу¹⁶. Такое предложение сложно поддержать, поскольку не во всех случаях очевидной становится уголовно-процессуальная природа таких сведений, их процессуальное значение в ходе принятия указанными властными субъектами процессуального решения по окончании предварительного расследования. Кроме того, в таком случае отмечается игнорирование внутреннего убеждения следователя в процессе формирования доказательственной базы по уголовному делу.

По мнению А. А. Давлетова, в УПК РФ целесообразно уточнить процессуальное условие осуществления следователем права отказывать защитнику в удовлетворении анализируемого ходатайства — только с согласия руководителя следственного органа. По аналогии дознаватель — с согласия прокурора¹⁷. Поскольку следователь, дознаватель несет личную ответственность за полноту и качество расследования уголовного дела, своевременное принятие

¹⁵ Касаткина С. А. К вопросу о привлечении специалиста защитником на досудебной стадии (в свете изменений, внесенных Федеральным законом от 17.04.2017 № 73-ФЗ) // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4. С. 117–118.

¹⁶ Жамкова О. Е., Салова А. С. Совершенствование деятельности защитника в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : сборник науч. трудов X Ежегодной всероссийской науч.-практ. конференции (26 ноября 2020 г.) / сост. О. В. Химичева. М., 2021. С. 56.

¹⁷ Давлетов А. А. Обязан ли следователь приобщать к уголовному делу и закреплять в качестве доказательств материалы, представленные адвокатом-защитником? // Адвокатская практика. 2019. № 4. С. 36.

процессуальных решений по уголовному делу, то вносимое предложение следует расценивать как средство необоснованного сужения процессуальной самостоятельности следователя. Одновременно следует обратиться к Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г., определяющей направления совершенствования российского уголовного судопроизводства. Применительно к роли руководителя следственного органа (ранее — начальник следственного отдела) в досудебном производстве устанавливается, что его задачей является создание материально-технических условий для процессуальной деятельности следователя, а не согласование принимаемых следователем процессуальных решений.

Иное решение обозначенной проблемы связывается с изменением подходов к оценке доказательственной деятельности следователя. Такое изменение предполагает закрепление в ст. 220 УПК РФ требования об указании в обвинительном заключении перечня и краткого содержания оправдательных доказательств, полученных «в целях проверки версии о невиновности обвиняемого»¹⁸.

Изменение подходов к оценке процессуальной деятельности действительно требуется, но оно связывается с концептуальным изменением функционального построения досудебного производства. Только в этом случае следователь как субъект всестороннего, полного, объективного исследования фактических обстоятельств совершенного преступления вынужден будет собирать и обвинительные, и оправдательные доказательства. Указанное выше предложение законодательного характера не позволит усилить процессуальные гарантии права на защиту в ходе доказательственной деятельности, оптимизировать участие защитника в такой деятельности. Отдельно отрабатывать следователем версию невиновности лица — необоснованное увеличение его процессуальной нагрузки.

Высказывается предложение о расширении предмета обжалования в порядке ст. 125

УПК РФ: в качестве такого должен выступать не только отказ в удовлетворении рассматриваемого ходатайства защитника, но и основания такого отказа. Указанное также представляется неэффективным средством оптимизации процессуальной формы участия защитника в доказывании, поскольку уголовно-процессуальный закон не способен конкретизировать перечень оснований рассматриваемого отказа ввиду их многообразия. Кроме того, содержание судебного усмотрения относительно того, что понимать под вмешательством в процессуальную деятельность следователя, для судей может быть различным ввиду субъективного характера указанной категории. УПК РФ также не регламентирует основания признания процессуальных решений следователя незаконными и необоснованными.

Н. А. Колоколов считает, что анализируемая практика не изменится до тех пор, пока законодатель не сочтет возможным включить результаты параллельного адвокатского расследования в перечень доказательств, подлежащих обязательной оценке органом, осуществляющим предварительное расследование¹⁹. По данному поводу следует уточнить, что к введению параллельного расследования в российском государстве в современных условиях не готовы ни органы уголовного преследования, ни адвокатское сообщество.

Учитывая особенность современной модели досудебного производства, сочетающей черты розыскного и состязательного процесса с превалированием первых, представляется, что оптимизации процессуальной формы участия защитника в доказывании в досудебном производстве будет способствовать дополнение отечественного уголовного судопроизводства институтом защитительного заключения. Возложение на защитника обязанности составления защитительного заключения, во-первых, позволит усилить гарантии права подозреваемого, обвиняемого на защиту, во-вторых, побудит

¹⁸ Мурашкин И. Ю. Сторона обвинения как субъект доказывания невиновности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 1 (68). С. 28.

¹⁹ Колоколов Н. А. Параллельное адвокатское расследование // URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/6328-parallelnoe-advokatskoe-rassledovanie> (дата обращения: 23.10.2022).

следователя с начального момента производства по уголовному делу тщательно изучать все ходатайства защитника и более обоснованно их разрешать, в-третьих, способно дисциплинировать защитника при собирании достоверных, в максимально возможном полном объеме сведений, материалов, способных оградить его подзащитного от незаконного и необоснованного уголовного преследования еще на этапе досудебного производства, и выработке им четкой позиции по уголовному делу.

Структурно такое заключение должно состоять из вводной, описательной и резолютивной частей²⁰. К нему следует прилагать список материалов, собранных защитником, и список лиц, подлежащих, по мнению защиты, вызову в суд. Защитительное заключение должно направляться в суд непосредственно защитником, чем будут созданы реальные условия для состязательности сторон и нивелирования обвинительного уклона со стороны следователя в уголовно-процессуальном доказывании.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Воскобитова Л. А.* Обвинение или обвинительный уклон // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 3. — С. 458–461.
2. *Давлетов А. А.* Обязан ли следователь приобщать к уголовному делу и закреплять в качестве доказательств материалы, представленные адвокатом-защитником? // Адвокатская практика. — 2019. — № 4. — С. 33–38.
3. *Давлетов А. А., Азаренок Н. В.* Следственный судья в современной модели уголовного процесса // Российский судья. — 2020. — № 6. — С. 19–26.
4. *Ершова И. М.* Участие адвоката-защитника в уголовно-процессуальном доказывании // URL: <https://xn--80afeb9beico.78.xn--b1aew.xn--p1ai/document/21529929> (дата обращения: 20.11.2022).
5. *Жамкова О. Е., Салова А. С.* Совершенствование деятельности защитника в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : сборник науч. трудов X Ежегодной всероссийской науч.-практ. конференции (26 ноября 2020 г.) / сост. О. В. Химичева. — М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. — С. 54–56.
6. *Колоколов Н. А.* Параллельное адвокатское расследование // URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/6328-parallelnoe-advokatskoe-rassledovanie> (дата обращения: 23.10.2022).
7. *Касаткина С. А.* К вопросу о привлечении специалиста защитником на досудебной стадии (в свете изменений, внесенных Федеральным законом от 17.04.2017 № 73-ФЗ) // Юридический вестник Самарского университета. — 2017. — Т. 3. — № 4. — С. 113–120.
8. *Кудрявцева А. В.* Теория доказывания в юридическом процессе. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2006. — 220 с.
9. *Мальшева О. А.* Досудебное производство по уголовным делам как форма реализации уголовной политики. — М. : Юрист, 2007. — 184 с.
10. *Мурашкин И. Ю.* Сторона обвинения как субъект доказывания невиновности // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2018. — № 1 (68). — С. 25–29.
11. *Назаров А. Д.* Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 9. — С. 149–154.
12. *Смагоринская Е. Б.* Участие адвоката в доказывании в досудебном уголовном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2004. — 18 с.

²⁰ *Мальшева О. А.* Досудебное производство по уголовным делам как форма реализации уголовной политики. М. : Юрист, 2007. С. 166–167.

13. Сущенко С. А. Судебная оценка недопустимости доказательств в уголовном процессе: некоторые сравнительно-правовые аспекты // *Мировой судья*. — 2017. — № 2. — С. 21–24.
14. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П. А. Лупинской. — М., 2009. — 1008 с.
15. Serene B. Le prove atipiche e le prove illecite // URL: <http://www.diritto.it/docs/35290-le-prove-atipiche-e-le-prove-illecite> (дата обращения: 10.10.2021).

Материал поступил в редакцию 11 января 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Voskobitova L. A. Obvinenie ili obvinitelnyy ukлон // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. — 2014. — № 3. — С. 458–461.
2. Davletov A. A. Obyazan li sledovatel priobshchat k ugovolnomu delu i zakrepyat v kachestve dokazatelstv materialy, predstavlennye advokatom-zashchitnikom? // *Advokatskaya praktika*. — 2019. — № 4. — С. 33–38.
3. Davletov A. A., Azarenok N. V. Sledstvennyy sudya v sovremennoy modeli ugovolnogo protsesssa // *Rossiyskiy sudya*. — 2020. — № 6. — С. 19–26.
4. Ershova I. M. Uchastie advokata-zashchitnika v ugovolno-protsessualnom dokazyvanii // URL: <https://xn--80afeb9beico.78.xn--b1aew.xn--p1ai/document/21529929> (дата обращения: 20.11.2022).
5. Zhamkova O. E., Salova A. S. Sovershenstvovanie deyatel'nosti zashchitnika v ugovolnom sudoproizvodstve // *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: sovremennoe sostoyanie i strategiya razvitiya: sbornik nauch. trudov X Ezhegodnoy vserossiyskoy nauch.-prakt. konferentsii (26 noyabrya 2020 g.)* / sost. O. V. Khimicheva. — М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. — С. 54–56.
6. Kolokolov N. A. Parallelnoe advokatskoe rassledovanie // URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/6328-parallelnoe-advokatskoe-rassledovanie> (дата обращения: 23.10.2022).
7. Kasatkina S. A. K voprosu o privlechenii spetsialista zashchitnikom na dosudebnoy stadii (v svete izmeneniy, vnesennykh Federalnym zakonom ot 17.04.2017 № 73-FZ) // *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*. — 2017. — Т. 3. — № 4. — С. 113–120.
8. Kudryavtseva A. V. Teoriya dokazyvaniya v yuridicheskom protsesse. — Chelyabinsk: Izd-vo YuUrGU, 2006. — 220 s.
9. Malysheva O. A. Dosudebnoe proizvodstvo po ugovolnym delam kak forma realizatsii ugovolnoy politiki. — М.: Yurist, 2007. — 184 s.
10. Murashkin I. Yu. Storona obvineniya kak subekt dokazyvaniya nevinovnosti // *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. — 2018. — № 1 (68). — С. 25–29.
11. Nazarov A. D. Obvinitelnyy ukлон v deyatel'nosti subektov, vedushchikh ugovolnyy protsess, kak faktor, sposobstvuyushchiy poyavleniyu oshibok v ugovolnom sudoproizvodstve // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. — 2015. — № 9. — С. 149–154.
12. Smagorinskaya E. B. Uchastie advokata v dokazyvanii v dosudebnoy ugovolnom proizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2004. — 18 s.
13. Sushchenko S. A. Sudebnaya otsenka nedopustimosti dokazatelstv v ugovolnom protsesse: nekotorye sravnitel'no-pravovye aspekty // *Mirovoy sudya*. — 2017. — № 2. — С. 21–24.
14. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П. А. Лупинской. — М., 2009. — 1008 с.
15. Serene B. Le prove atipiche e le prove illecite // URL: <http://www.diritto.it/docs/35290-le-prove-atipiche-e-le-prove-illecite> (дата обращения: 10.10.2021).

Дистанционное участие потерпевшего в процессуальных действиях на стадии предварительного расследования

Аннотация. В статье рассматривается проблема неполноты правового регулирования дистанционного участия потерпевшего в досудебном производстве, влекущая необоснованное ограничение его прав и законных интересов. Дополнение в 2022 г. УПК РФ статьей 189.1 обусловило возможность производства допроса, очной ставки и опознания посредством систем видео-конференц-связи. Однако для обеспечения дистанционного участия потерпевшего указанное представляется недостаточным ввиду особенностей данного процессуального статуса, заключающихся в необходимости соблюдения формального основания признания лица потерпевшим, что требует вынесения соответствующего постановления и производства ознакомления с ним. Соответственно, для полного правового обеспечения дистанционного участия потерпевшего необходимо и правовое регулирование дистанционного производства указанного процессуального действия. Отмечается, что неполнота правового регулирования заключается и в отсутствии требования об установлении возможности пожилого потерпевшего, а также потерпевшего, имеющего физические недостатки, препятствующие осуществлению его прав и законных интересов, воспринимать электронно передаваемые посредством систем видео-конференц-связи звук и видеоизображение, обязанность чего должна быть возложена на следователя, в производстве которого находится уголовное дело. С учетом опыта зарубежного регулирования дистанционного участия обосновывается необходимость закрепить в УПК РФ основание дистанционного режима проведения следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших, направленное на повышение гарантий их психологической защиты.

Ключевые слова: потерпевший; дистанционное участие; дистанционное производство следственных действий; цифровые технологии; следственные и иные процессуальные действия; видео-конференц-связь; уголовный процесс; гарантии прав и законных интересов; несовершеннолетний потерпевший; психологическая защита.

Для цитирования: Самсонов П. А. Дистанционное участие потерпевшего в процессуальных действиях на стадии предварительного расследования // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 5. — С. 132–141. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.132-141.

© Самсонов П. А., 2023

* Самсонов Павел Александрович, аспирант кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
pa.samsonov@mail.ru

Remote Participation of the Victim in the Proceedings at the Stage of Preliminary Investigation

Pavel A. Samsonov, Postgraduate Student, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
pa.samsonov@mail.ru

Abstract. The paper deals with the problem of the incompleteness of the legal regulation of remote participation of the victim in pre-trial proceedings, which entails an unreasonable restriction of his rights and legitimate interests. Addition in 2022 to Article 189.1 of the Criminal Procedure Code determined the possibility of interrogation, confrontation and identification through videoconferencing systems. However, to ensure the remote participation of the victim, this seems to be insufficient due to the peculiarities of this procedural status, which consists in the need to comply with the formal grounds for recognizing a person as a victim, which requires the issuance of an appropriate decision and the production of familiarization with it. Accordingly, in order to fully legally ensure the remote participation of the victim, legal regulation of the remote production of the said procedural action is also necessary. It is noted that legal regulation lacks a requirement to establish the possibility for an elderly victim, as well as a victim with physical disabilities to perceive sound and video image electronically transmitted through video conferencing systems, which prevents the exercise of his rights and legitimate interests. This duty of providing such an opportunity should be assigned to the investigator responsible for the criminal. Taking into account the experience of foreign regulation on remote participation, the author substantiates the need to fix in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the basis for a remote regime for conducting investigative actions with the participation of minor victims, aimed at increasing the guarantees of their psychological protection.

Keywords: victim; remote participation; remote investigative proceedings; digital technologies; investigative and other procedural actions; video conferencing; criminal procedure; guarantees of rights and legitimate interests; minor victim; psychological protection.

Cite as: Samsonov PA. Distantionnoe uchastie poterpevshego v protsessualnykh deystviyakh na stadii predvaritelnogo rassledovaniya [Remote Participation of the Victim in the Proceedings at the Stage of Preliminary Investigation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(5):132-141. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.132-141. (In Russ., abstract in Eng.).

В настоящее время развитие правового регулирования уголовного судопроизводства сопряжено с введением в орбиту уголовно-процессуальной деятельности возможности применения цифровых технологий. В частности, субъекты уголовного судопроизводства, в том числе потерпевший, наделены правом участвовать в процессуальных действиях посредством систем видео-конференц-связи (ВКС), что предусмотрено нормами ч. 4 ст. 240, ст. 278.1 УПК РФ. Принятие Федерального закона от 20.03.2011 № 39-ФЗ¹, которым были введены данные нормы, обусловило возникновение нового способа участия потерпевшего в судебном засе-

дании — дистанционного. При этом на стадии предварительного расследования возможность применения данного способа участия потерпевшего получила закрепление лишь в 2022 г. в виде норм ст. 189.1 УПК РФ. Уголовно-процессуальным законом следователю, дознавателю (далее — следователю) предоставлено право на производство допроса, очной ставки и опознания посредством систем ВКС. Ожидается, что применение указанных норм обусловит оптимизацию предварительного расследования в части обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства. По справедливому уточнению А. С. Архипова, указанный срок является

¹ Федеральный закон от 20.03.2011 № 39-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

одним из средств обеспечения конституционного права лица, пострадавшего от преступления, на доступ к правосудию².

Неразрывную связь между обеспечением разумного срока уголовного судопроизводства и реализацией права потерпевшего на доступ к правосудию и судебную защиту подчеркивает Конституционный Суд. В соответствии с позицией, изложенной в абз. 5 п. 3.2 постановления от 25.06.2013 № 14-П³, «с момента официального выдвижения в отношении конкретного лица подозрения или обвинения, когда для этого уже собраны достаточные доказательства, реализация потерпевшим права на судебную защиту в разумный срок в большей степени определяется именно продолжительностью предварительного расследования, а не его тщательностью».

Соответственно, для реализации потерпевшим права на доступ к правосудию важное значение имеет необходимость соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства в стадии предварительного расследования. Представляется, что одним из механизмов обеспечения данного срока является дистанционное участие потерпевшего. Посредством данного способа участия возможно производство следственных и процессуальных действий, когда потерпевший не имеет возможности своевременно явиться к следователю, ведущему производство по уголовному делу, в силу уважительных причин, в том числе ввиду территориальной удаленности, состояния здоровья и необходимости материальных затрат на дорогу. На значимость территориальных и экономических условий доступности правосудия обращал внимание и М. А. Большунов⁴.

С приведенными причинами невозможности личной явки сталкивается не только потерпевший, но и иные невластные субъекты уголовного судопроизводства. Однако решающее значение имеет именно дистанционное участие потерпевшего как способ обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства. По верному замечанию Д. В. Горбунова, «особенностью показаний потерпевшего является то, что в них, как правило, содержатся сведения обо всех обстоятельствах преступного деяния, об участовавших в преступлении лицах, о характере и размере вреда, причиненного преступлением, и о его взаимоотношениях с обвиняемым»⁵. Соответственно, с целью минимизации риска несвоевременного получения важных доказательств по уголовному делу в первую очередь необходимо обеспечение беспрепятственного участия потерпевшего. Одним из способов достижения указанного является возможность производства допроса, очной ставки и опознания с участием потерпевшего посредством систем ВКС.

Однако действующая регламентация дистанционного участия потерпевшего представляется неоптимальной ввиду недостаточного обеспечения гарантий прав и законных интересов данного субъекта. Наряду с этим, требует решения вопрос о необходимости дистанционного участия потерпевшего в иных процессуальных действиях на стадии предварительного расследования.

Для разрешения обозначенных вопросов необходимо определить содержание понятия дистанционного участия. Ключевым обозначением указанного является категория «дистан-

² *Архипов А. С.* Принцип разумного срока уголовного судопроизводства и его реализация в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 10.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2013 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”, частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. Е. Поповой» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ *Большунов М. А.* Условия обеспечения права на доступ к правосудию // Вопросы экономики и права. 2013. № 65. С. 31.

⁵ *Горбунов Д. В.* Показания потерпевшего в уголовном процессе // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 212.

ция», что в соответствии с толковым словарем С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой означает «расстояние, промежуток между чем-нибудь»⁶. Отсюда следует, что дистанционным является такое участие, которое производится на расстоянии от следователя, ведущего производство по уголовному делу, от места предварительного расследования. При этом преодоление данного расстояния возможно посредством использования цифровых технологий.

Понятие «участие» раскрывается в толковом словаре как «совместная с кем-нибудь деятельность, сотрудничество в чем-нибудь»⁷. Как представляется, критерий совместности в реализации прав и обязанностей проявляется лишь в деятельности невластных участников процесса. Властные (например, следователь) обладают полномочием на самостоятельное (без взаимодействия с иными субъектами) осуществление отдельных процессуальных прав и обязанностей, в том числе на самостоятельное направление хода расследования. Осуществление же процессуальных прав и обязанностей невластными участниками, в том числе потерпевшим, невозможно без взаимодействия с конкретным следователем, руководителем следственного органа, судом, наделенными корреспондирующей обязанностью принять и рассмотреть жалобу, обеспечить условия реализации потерпевшим процессуальных прав и т.п.

Таким образом, дистанционное участие потерпевшего — это реализация его процессуальных прав и обязанностей на расстоянии от места предварительного расследования посредством применения цифровых технологий, обеспечиваемая следователем, в производстве которого находится уголовное дело.

Однако действующее правовое регулирование, предусматривающее дистанционное производство допроса, очной ставки и опознания в досудебном производстве, не в полной мере предоставляет возможность властным субъектам обеспечить дистанционное участие потер-

певшего при расследовании уголовного дела. Следует отметить, что процессуальный статус потерпевшего характеризуется особенностью юридического основания признания лица таковым. В соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ решение о признании потерпевшим оформляется постановлением следователя. По верному замечанию Г. С. Горшковой, именно с этого момента лицо юридически приобретает статус потерпевшего, может реализовывать права и исполнять обязанности⁸. С данным решением потерпевшему необходимо ознакомиться под личную подпись. В правоприменительной практике предварительного расследования реализация указанного осуществляется непосредственно перед первым допросом потерпевшего. Следовательно, для нормативно-правового обеспечения дистанционного участия потерпевшего на стадии предварительного расследования в первую очередь необходима и регламентация дистанционного участия данного субъекта при ознакомлении с решением о признании его потерпевшим по уголовному делу. Правовое регулирование дистанционного способа производства данного ознакомления обусловит возможность незамедлительного проведения первого следственного действия с участием потерпевшего в порядке, предусмотренном статьей 189.1 УПК РФ, и, соответственно, обеспечит более широкое применение дистанционного участия данного субъекта.

В связи с указанным представляется целесообразным дополнить ч. 1 ст. 42 УПК РФ нормой следующего содержания: «Ознакомление лица с постановлением о признании его потерпевшим по уголовному делу может быть произведено с использованием систем видео-конференц-связи в порядке, установленном статьей 189.1 настоящего Кодекса. В данном случае следователь, дознаватель, которым поручено производство предварительного расследования, направляют следователю, дознавателю по месту нахождения потерпевшего электронную копию данного постановления, которое представляется

⁶ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1996. С. 163.

⁷ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 833.

⁸ Горшкова Г. С. О правовом статусе потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 3. С. 180.

потерпевшему для ознакомления в распечатанном виде и после подписи в течение 24 часов направляется следователю, дознавателю, которым поручено производство предварительного расследования, для приобщения к материалам уголовного дела».

При производстве указанного процессуального действия посредством систем ВКС должно быть обеспечено и право потерпевшего на получение копии постановления о признании его таковым, что предусмотрено пунктом 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ. Следует учитывать разъяснение Конституционного Суда, изложенное в абз. 3 п. 2 определения от 16.07.2015 № 1614-О, в соответствии с которым «одновременно с возникновением у потерпевшего права ознакомиться с копиями документов... у лица, осуществляющего предварительное расследование, возникает обязанность обеспечить реализацию данного права путем направления потерпевшему одновременно с уведомлением копии соответствующего постановления»⁹. Реализация указанного права требует возложения корреспондирующей обязанности на следователя по месту нахождения потерпевшего предоставить ему копию отмеченного постановления, что целесообразно закрепить на уровне внутриведомственного регулирования служебных полномочий данного субъекта.

Таким образом, для обеспечения дистанционного участия потерпевшего в досудебном производстве необходима оптимизация правового регулирования в части дистанционного ознакомления лица с постановлением о признании его потерпевшим. При этом целесообразно сохранить возможность личного разъяснения потерпевшему его процессуального статуса со стороны следователя, ведущего производство по уголовному делу, а также обеспечить гаран-

тии прав потерпевшего на личное ознакомление с соответствующим постановлением и на получение его копии.

Для дистанционного производства ознакомления потерпевшего с решением о признании его таковым, а также для реализации положений ст. 189.1 УПК РФ важное значение имеет и необходимость удостоверения личности дистанционно участвующего лица. Представляется верным замечание А. В. Победкина о том, что, в отличие от судебного рассмотрения уголовного дела, на стадии предварительного расследования принципиально важным является вопрос установления личности невластного субъекта (в том числе потерпевшего), обязанность реализации чего не возложена на конкретное должностное лицо в нормах ст. 189.1 УПК РФ¹⁰.

В соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 166 УПК РФ в протоколе следственного действия указываются фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в следственном действии, а в необходимых случаях — его адрес и другие данные о его личности. Как известно, в правоприменительной практике предварительного расследования к протоколу следственного действия с участием невластного субъекта прикладывается копия соответствующих страниц документа, удостоверяющего его личность и место регистрации.

Представляется, что при дистанционном участии потерпевшего обязанность установить его личность, а также снять копию с соответствующего документа и обеспечить ее отправку следователю, в производстве которого находится уголовное дело, должна быть возложена на следователя по месту нахождения потерпевшего. Данный следователь является должностным лицом, непосредственно обеспечивающим явку потерпевшего для дистанционного производ-

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 1614-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Микитинского Романа Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 209 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Победкин А. В. Дистанционное собирание доказательств: распределение процессуальной ответственности // Криминалистическая и уголовно-процессуальная наука: современное состояние и тенденции развития : материалы международной науч.-практ. конференции (7 февраля 2022 г.). Караганда : Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, 2022. С. 200.

ства процессуального действия. Указанное, в частности, обусловит правовую защиту законных интересов потерпевшего от неправомерных действий иных лиц, которые ввиду отсутствия прямо закрепленной обязанности следователя по месту нахождения потерпевшего удостоверить его личность могут умышленно воспользоваться данным пробелом в законодательном регулировании. Таким неправомерным действием может быть, например, представление от имени потерпевшего заведомо ложных показаний, иное противоправное воздействие на ход процесса в интересах, противоречащих цели защиты прав пострадавшего от преступления, в том числе в целях уклонения от уголовной ответственности и наказания подозреваемого, обвиняемого.

В связи с указанным представляется необходимым включение в нормативно-правовое регулирование дистанционного участия обязанности следователя по месту нахождения потерпевшего удостоверить его личность, что следует отразить в соответствующих нормах УПК РФ. Данную обязанность необходимо закрепить и применительно к случаям дистанционного производства следственных действий с участием иного невластного субъекта.

Наряду с отмеченным, особого внимания требуют условия производства следственных действий, указанных в нормах ст. 189.1 УПК РФ, в дистанционном формате, в том числе с участием потерпевшего. В правовом регулировании необходимо учесть факторы, препятствующие использованию данным субъектом необходимых технических средств при дистанционном производстве следственных действий. Такие факторы представляется целесообразным отнести к индивидуальным особенностям восприятия потерпевшим электронно передаваемой посредством систем ВКС информации графического и звукового содержания. Здесь

в группе риска ущемления прав и законных интересов находятся потерпевшие с особенностями состояния физического здоровья (в том числе с пониженным слухом и зрением), что, как известно, в большей степени отмечается у лиц пожилого возраста.

Следует отметить, что действующая редакция ст. 189.1 УПК РФ не возлагает на следователя, в производстве которого находится уголовное дело, обязанности установить отсутствие таких препятствий к применению систем ВКС. В связи с этим для производства обозначенных следственных действий посредством систем ВКС представляется целесообразным возложить обязанность на указанного следователя унавливать способность невластного участника уголовного процесса, включая потерпевшего, отчетливо воспринимать электронно транслируемые видеоизображение и звук. В противном случае для потерпевшего станет затруднительным осуществление права на доступ к правосудию в разумный срок, поскольку невозможность использования им цифровых технологий обусловит и невозможность дистанционного производства следственного действия.

Кроме того, в силу индивидуального характера возможности воспринимать электронную информацию представляется целесообразным закрепить в уголовно-процессуальном законе такое основание производства очной ставки, допроса и опознания посредством систем ВКС, как ходатайство невластного субъекта процесса. На необходимость учета индивидуальных способностей потерпевшего и иных участников уголовного судопроизводства при проведении процессуальных действий с применением систем ВКС указывали и другие авторы¹¹.

Таким образом, вносимые предложения по совершенствованию правового регулирования дистанционного участия потерпевшего обеспечивают допустимость доказательств, полученных

¹¹ *Малышева О. А.* Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи // *Lex russica*. 2022. № 6 (187). С. 77 ; *Антонович Е. К.* Использование цифровых технологий при допросе свидетелей на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 6 (103). С. 130.

в ходе производства следственных действий с применением систем ВКС. Доказательства, собранные посредством применения дистанционного участия потерпевшего и содержащие важную (зачастую первоначальную и ключевую) информацию по уголовному делу, далее могут быть использованы следователем без риска признания их недопустимыми ввиду установления личных причин, препятствовавших применению потерпевшим технических средств.

Наряду с отмеченным, следует обратить внимание и на особенности отдельных оснований применения дистанционного участия потерпевшего. На наш взгляд, положительным является опыт регулирования в Республике Казахстан, где имеется специальное основание применения систем ВКС в досудебном производстве — «производство следственного действия в отношении малолетнего или несовершеннолетнего» (п. 3 ч. 1 ст. 213 УПК Республики Казахстан)¹². Данное основание направлено в том числе на улучшение психологической защиты несовершеннолетних при производстве по уголовному делу.

Российским законодателем уже принимались отдельные решения по обеспечению несовершеннолетним участникам уголовного процесса соответствующей психологической защиты. Так, в 2013 г. Федеральным законом № 432-ФЗ¹³ в УПК РФ была введена часть 6 ст. 281, предусматривающая приоритет оглашения в суде ранее данных показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей без вызова данных лиц в судебное заседание. Как известно, снижение количества вызовов несовершеннолетних лиц в органы государственной власти обусловлено стремлением законодателя обеспечить им должный уровень психологической защиты. Однако по сравнению с несовершеннолетними свидетелями и иными субъектами процесса психологическая защита несо-

вершеннолетних потерпевших имеет особое значение, поскольку ограничивает возможность «вторичной виктимизации»¹⁴ — получения последующего психологического вреда от необходимости посещения органов государственной власти, в том числе встреч с лицом, совершившим преступное деяние. Этим же Законом в УК РФ введена и часть 3 ст. 137, нормы которой регламентируют состав преступления о незаконном публичном распространении сведений о личности несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего 16-летнего возраста. При этом уголовно-процессуальные нормы содержат и обязанность властного субъекта процесса обеспечить право несовершеннолетних потерпевших на участие законного представителя (ч. 2 ст. 45 УПК РФ), особенности производства следственных действий с участием несовершеннолетних (ст. 191 УПК РФ) и др.

Одной из целей дистанционного участия в досудебном производстве должна выступать и психологическая защита несовершеннолетних потерпевших. Как известно, участие данных лиц в расследовании уголовного дела представляет для них серьезный психотравмирующий фактор. Показательными являются результаты социологического опроса несовершеннолетних в возрасте 15–17 лет, проведенного Ю. В. Малаховой, на предмет достаточности обеспечения личной безопасности при производстве по уголовному делу. В соответствии с результатами данного опроса, «56,3 % респондентов отказались бы сотрудничать с правоохранительными органами, если бы они стали свидетелями, а в процессе следствия им или их близким стали угрожать; 57,7 % из 300 несовершеннолетних респондентов считают, что в достаточной степени не осуществляется безопасность лиц, содействующих правосудию, 23,3 % затруднились с ответом и лишь 19 % считают обеспечение безопасности

¹² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 // URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 21.07.2022).

¹³ Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Зеленин С. Р. Исследование судом показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля // Уголовный процесс. 2015. № 11. С. 25.

достаточным»¹⁵. Представляется, что применительно к несовершеннолетним потерпевшим значимость данного психотравмирующего фактора существенным образом повышается.

Необходимость обеспечения несовершеннолетнему потерпевшему психологической защиты объясняется и непосредственным требованием учитывать мнение ребенка об опасениях за свою безопасность, что закреплено в пп. в п. 21 Руководящих принципов, касающихся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений, утвержденных Резолюцией 2005/20 ЭКОСОС ООН¹⁶. Так, несовершеннолетний потерпевший вынужден лично встречаться в одном помещении с обвиняемым (подозреваемым) при производстве с их участием очной ставки либо опознания. В указанных случаях несовершеннолетний может быть подвергнут давлению со стороны другого невластного субъекта, что повышает значимость данного психотравмирующего фактора. Особое внимание указанному уделено и в п. 49 Венских руководящих принципов в отношении действий в интересах детей в системе уголовного правосудия, принятых Резолюцией 1997/30 ЭКОСОС ООН: «...Следует по мере возможности не допускать прямых контактов между ребенком-жертвой и правонарушителем во время процесса расследования и уголовного преследования»¹⁷.

Дистанционный способ участия несовершеннолетнего потерпевшего в производстве следственных действий позволит ограничить возможность оказания на данного субъекта внепроцессуального давления. Это будет соответствовать не только повышению уровня психологической защиты несовершеннолет-

них при производстве по уголовному делу, но и, с учетом опыта регулирования в Республике Казахстан, зарубежным тенденциям развития процессуального законодательства.

С учетом отмеченного представляется целесообразным законодательно закрепить самостоятельное основание применения систем ВКС — «производство следственного действия с участием несовершеннолетнего», — а правом ходатайствовать о применении данной формы участия наделить как несовершеннолетнего, так и его законного представителя. При этом участие законного представителя и, в соответствующих случаях, психолога (педагога) необходимо обеспечить исключительно по месту нахождения несовершеннолетнего. Указанное обусловлено оказанием данными субъектами необходимой помощи несовершеннолетнему, в том числе с использованием специальных знаний в области психологии и педагогики. Поэтому дистанционное участие всех перечисленных лиц целесообразно организовать по одному местопребыванию. С учетом отмечаемой в науке сложности обеспечения участия в следственном действии психолога (педагога), зависимости выбора соответствующего лица от его профессиональных навыков, места работы и удаленности от органа расследования¹⁸, необходимо и возложение процессуальной обязанности привлечения его к участию в следственном действии на следователя по месту нахождения несовершеннолетнего, что следует закрепить в нормах ст. 189.1 УПК РФ. О необходимости точного определения процессуального статуса данного субъекта говорит и О. А. Малышева: «Следует признать, что в уголовно-процессуальном законе необоснованно не урегулирован процессуальный статус

¹⁵ Малахова Ю. В. Обеспечение безопасности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей при производстве отдельных следственных действий // Вестник ТГУ. 2011. № 4. С. 322–323.

¹⁶ Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей — жертв и свидетелей преступлений // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Руководящие принципы в отношении действий в интересах детей в системе уголовного правосудия (Венские руководящие принципы) // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. 2007. С. 103–117.

¹⁸ Янин М. Г. Проблемные вопросы производства следственных и судебных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». 2020. Т. 5. № 1. С. 61.

следователя — исполнителя поручения об организации участия подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля»¹⁹.

Таким образом, действующей правовой регламентации дистанционного участия потерпевшего при производстве следственных и иных процессуальных действий требуется дополнение. Особого внимания заслуживают особенности наделения лица данным процессуальным статусом, условия применения систем ВКС, цели использования данной цифровой технологии с участием несовершеннолетних. Между проблемами в правовом регулировании дистанцион-

ного участия потерпевшего и иных невластных субъектов имеется тесная взаимосвязь. Однако особенности статуса потерпевшего, значимость его показаний для определения хода расследования, необходимость скорейшего их получения объясняют повышенную потребность в минимизации рисков признания доказательств, собранных с его дистанционным участием, недопустимыми. Учет законодателем вносимых предложений будет способствовать более полному обеспечению прав и законных интересов потерпевшего, главное из которых — право на доступ к правосудию в разумный срок.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонович Е. К. Использование цифровых технологий при допросе свидетелей на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6 (103). — С. 125–136.
2. Архипов А. С. Принцип разумного срока уголовного судопроизводства и его реализация в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014. — 30 с.
3. Большунов М. А. Условия обеспечения права на доступ к правосудию // Вопросы экономики и права. — 2013. — № 65. — С. 31–34.
4. Горбунов Д. В. Показания потерпевшего в уголовном процессе // Общество и право. — 2014. — № 2 (48). — С. 210–214.
5. Горшкова Г. С. О правовом статусе потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2010. — № 3. — С. 179–186.
6. Зеленин С. Р. Исследование судом показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля // Уголовный процесс. — 2015. — № 11. — С. 24–34.
7. Малахова Ю. В. Обеспечение безопасности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей при производстве отдельных следственных действий // Вестник ТГУ. — 2011. — № 4. — С. 322–327.
8. Малышева О. А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи // Lex russica. — 2022. — № 6 (187). — С. 74–84.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М. : Азъ, 1996. — 928 с.
10. Победкин А. В. Дистанционное собирание доказательств: распределение процессуальной ответственности // Криминалистическая и уголовно-процессуальная наука: современное состояние и тенденции развития : материалы международной науч.-практ. конференции (7 февраля 2022 г.). Караганда : Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, 2022. — С. 199–202.
11. Янин М. Г. Проблемные вопросы производства следственных и судебных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». — 2020. — Т. 5. — № 1. — С. 60–68.

Материал поступил в редакцию 19 сентября 2022 г.

¹⁹ Малышева О. А. Указ. соч. С. 79.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antonovich E. K. Ispolzovanie tsifrovyykh tekhnologiy pri doprose svideteley na dosudebnykh stadiyakh ugolovnoy sudoproizvodstva (sravnitelno-pravovoy analiz zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii i zakonodatelstva nekotorykh inostrannykh gosudarstv) // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2019. — № 6 (103). — S. 125–136.
2. Arkhipov A. S. Printsip razumnogo sroka ugolovnoy sudoproizvodstva i ego realizatsiya v stadii predvaritelnogo rassledovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2014. — 30 s.
3. Bolsunov M. A. Usloviya obespecheniya prava na dostup k pravosudiyu // Voprosy ekonomiki i prava. — 2013. — № 65. — S. 31–34.
4. Gorbunov D. V. Pokazaniya poterpevshego v ugolovnom protsessе // Obshchestvo i pravo. — 2014. — № 2 (48). — S. 210–214.
5. Gorshkova G. S. O pravovom statuse poterpevshego v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2010. — № 3. — S. 179–186.
6. Zelenin S. R. Issledovanie sudom pokazaniy nesovershennoletnego poterpevshego ili svidetelya // Ugolovnyy protsess. — 2015. — № 11. — S. 24–34.
7. Malakhova Yu. V. Obespechenie bezopasnosti nesovershennoletnikh poterpevshego i svideteley pri proizvodstve otdelnykh sledstvennykh deystviy // Vestnik TGU. — 2011. — № 4. — S. 322–327.
8. Malysheva O. A. Protsessualnye garantii prav uchastnikov sledstvennykh deystviy, proizvodimykh s primeneniem sistemy video-konferents-svyazi // Lex russica. — 2022. — № 6 (187). — S. 74–84.
9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar russkogo yazyka. — M.: Az, 1996. — 928 s.
10. Pobedkin A. V. Distantionnoe sobiranie dokazatelstv: raspredelenie protsessualnoy otvetstvennosti // Kriminalisticheskaya i ugolovno-protsessualnaya nauka: sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya: materialy mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konferentsii (7 fevralya 2022 g.). Karaganda: Karagandinskaya akademiya MVD Respubliki Kazakhstan imeni B. Beysenova, 2022. — S. 199–202.
11. Yanin M. G. Problemnye voprosy proizvodstva sledstvennykh i sudebnykh deystviy s uchastiem nesovershennoletnikh poterpevshego i svideteley // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2020. — T. 5. — № 1. — S. 60–68.

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И СУДОУСТРОЙСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.142-150

Д. Е. Зайков*

Компенсаторный механизм в конституционном правосудии: проблемы правового регулирования и практики применения

Аннотация. Одной из целей деятельности Конституционного Суда РФ является защита прав и свобод человека и гражданина путем признания неконституционными норм, примененных в конкретном деле. Восстановление нарушенных прав осуществляется путем пересмотра соответствующего дела. Вместе с тем в отдельных случаях в силу специфики соответствующих отношений, когда пересмотр дела был невозможен или не мог привести к восстановлению нарушенных прав заявителя, возмещение негативных последствий нарушения его прав не представлялось возможным. Данное обстоятельство не позволяло в полной мере обеспечить законченность и эффективность конституционного судопроизводства. На решение указанной проблемы было направлено введение института компенсаторных механизмов. Однако скупое правовое регулирование, его неоднозначное толкование и различное применение в практической деятельности оказали негативное влияние не только на результативность, но и на саму применимость указанного правового института. В статье посредством анализа как постановлений Конституционного Суда РФ, так и судебных постановлений судов общей юрисдикции рассматриваются приведенные проблемы, причины их возникновения и предлагаются пути их разрешения.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ; компенсаторный механизм; компенсация; пересмотр дела; заявитель; возмещение вреда; компенсация морального вреда; суд первой инстанции; суд.

Для цитирования: Зайков Д. Е. Компенсаторный механизм в конституционном правосудии: проблемы правового регулирования и практики применения // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 5. — С. 142–150. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.142-150.

© Зайков Д. Е., 2023

* Зайков Денис Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта ул. Образцова, д. 9, стр. 9, г. Москва, Россия, 127994
joburist@yandex.ru

Compensatory Mechanism in Constitutional Justice: Problems of Legal Regulation and Practical Application

Denis E. Zaykov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure, Law Institute of the Russian University of Transport
Obraztsova ul., d. 9, str. 9, Moscow, Russia, 127994
joburist@yandex.ru

Abstract. One of the goals of the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation is to protect the rights and freedoms of man and citizen by recognizing as unconstitutional the norms applied in a particular case. Restoration of violated rights is carried out by reviewing the relevant case. At the same time, in some cases, due to the specifics of the relevant relations, when the review of the case was impossible or could not lead to the restoration of the violated rights of the applicant, it was not possible to compensate for the negative consequences of the violation of his rights. This circumstance made it impossible to fully ensure the completeness and effectiveness of constitutional proceedings. The introduction of the institute of compensatory mechanisms was aimed at solving this problem. However, sparing legal regulation, its ambiguous interpretation and various application in practice had a negative impact not only on the effectiveness, but also on the very applicability of this legal institution. Having analyzed both the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the rulings of general jurisdiction courts, the author considers the above problems as well as the reasons for their occurrence and proposes some ways to resolve them.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation; compensatory mechanism; compensation; review of the case; applicant; compensation for harm; compensation for moral damage; court of first instance; court.

Cite as: Zaykov DE. Kompensatornyy mekhanizm v konstitutsionnom pravosudii: problemy pravovogo regulirovaniya i praktiki primeneniya [Compensatory Mechanism in Constitutional Justice: Problems of Legal Regulation and Practical Application]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(5):142-150. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.142-150. (In Russ., abstract in Eng.).

Правовая основа деятельности Конституционного Суда РФ — Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»¹ — многократно подвергалась корректировке, однако наибольший резонанс как в средствах массовой информации, так и в профессиональном юридическом сообществе² вызвали последние новеллы, в которых нашли отражение поправки к Конституции Российской Федерации 2020 г.³

Однако несмотря на значительное число изменений, внесенных в Закон № 1-ФКЗ, долж-

ного внимания не было уделено его ч. 4 ст. 100, установившей как новое полномочие Конституционного Суда РФ, так и дополнительную гарантию восстановления нарушенных прав:

«Если пересмотр дела исходя из особенностей соответствующих правоотношений не может привести к восстановлению прав заявителя или лица, в интересах которого подана жалоба в Конституционный Суд РФ, Конституционный Суд РФ вправе указать в постановлении, предусмотренном пунктом 1.1 или 2 ч. 1 ст. 87 настоящего Федерального конституционного закона,

¹ СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

² См., например: *Тарусина Н. Н.* Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2021. № 1. С. 65–75 ; *Петров А. А.* Правовые суперпозиции Конституционного Суда Российской Федерации: постановка проблемы // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 7–19 ; *Брежнев О. В.* Реформа российского конституционного судопроизводства 2020 г.: проблемы и тенденции // Российский судья. 2021. № 8. С. 49–53.

³ Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2020. № 46. Ст. 7196.

на необходимость применения к таким заявителю или лицу компенсаторных механизмов. В этом случае форма и размер компенсации определяются судом, рассмотревшим в первой инстанции конкретное дело, в котором применен оспоренный в Конституционном Суде РФ нормативный акт».

Данная норма имеет своей целью устранение явной несправедливости в отношении заявителя или лица, в интересах которого подана жалоба в Конституционный Суд РФ (далее — заявитель), чьи права были нарушены, однако возможность их восстановления путем пересмотра дела в связи с наличием исключających это обстоятельств отсутствует. В этой ситуации единственно возможным способом возмещения негативных последствий нарушений прав является их компенсация в соответствующих форме и размере. Вместе с тем скудное правовое регулирование таких отношений привело к разнонаправленной судебной практике, обусловленной различным толкованием ч. 4 ст. 100 Закона № 1-ФКЗ.

Так, указанная норма права установила следующие условия реализации заявителем права на компенсацию за нарушение его прав:

— Конституционным Судом РФ принято постановление о признании нормативного акта или договора либо отдельных их положений соответствующими Конституции РФ в данном Конституционным Судом РФ истолковании либо постановление о признании нормативного акта или договора либо отдельных их положений не соответствующими Конституции РФ;

— пересмотр дела не приведет к восстановлению прав заявителя, что может быть обусловлено завершением процедуры, в рамках которой права были нарушены (например, избирательные отношения), невозможностью приобретения заявителем процессуального статуса и реализации соответствующих прав в связи с

завершением рассмотрения судом дела, ликвидацией (смертью) одной из сторон процесса, отсутствием правового регулирования, учитывающего особенности отношений, являющихся предметом рассмотренного дела, и невозможностью распространения такой регламентации на прошлые периоды, недопустимостью придания обратной силы закону, устанавливающему или отягчающему ответственность, и др.;

— Конституционным Судом РФ в принятом им постановлении реализована дискреция о необходимости применения к заявителю компенсаторного механизма;

— конкретные форма и размер компенсации определяются судом, который при рассмотрении дела по первой инстанции применил оспоренный в Конституционном Суде РФ нормативный акт (далее — суд первой инстанции)⁴.

Вместе с тем реализация данных положений в практической плоскости сталкивается с рядом нормативно не урегулированных вопросов, что приводит к результатам, зачастую не только не соответствующим замыслу законодателя, но и противоречащим самой сути рассматриваемого института компенсаторного механизма. При этом фундамент неоднозначности толкования положений ч. 4 ст. 100 Закона № 1-ФКЗ закладывает сам Конституционный Суд РФ.

Так, за период с вступления в силу анализируемой нормы права (9 ноября 2020 г.) Конституционный Суд РФ в своих постановлениях неоднократно рассматривал вопрос о применении в отношении заявителя компенсаторного механизма, что позволяет проанализировать имеющуюся практику и выявить проблемные аспекты.

Во-первых, вопрос о том, в какой структурной части постановления Конституционного Суда РФ должно содержаться указание на необходимость применения к заявителю компенсаторных механизмов, не должен вызывать

⁴ Стоит указать, что в первоначальной редакции проекта федерального конституционного закона № 1024643-7 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» данное положение было дано в иной редакции: «...Форма и размер компенсации определяются судом, принявшим в первой инстанции судебное решение на основе нормативного акта, о котором принято данное постановление» (URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1024643-7> (дата обращения: 19.10.2022)).

какие-либо споры⁵: как в мотивировочной, так и в резолютивной. В большинстве случаев именно так и происходит. Однако имеются случаи применения и иных подходов.

Например, в постановлении Конституционного Суда РФ от 12.03.2021 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 38 и пункта 1 статьи 39 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина С. С. Цукасова»⁶ указание на необходимость применения к заявителю компенсаторных механизмов содержится лишь в мотивировочной части и не находит отражения в резолютивной. Представляется, что данное обстоятельство не должно влечь за собой правовые последствия, предусмотренные частью 4 ст. 100 Закона № 1-ФКЗ⁷.

Во-вторых, важной проблемой является определение суда, компетентного на принятие решения о применении к заявителю компенсаторных механизмов. Исходя из буквального толкования ч. 4 ст. 100 Закона № 1-ФКЗ, можно прийти к выводу, что при наличии оснований именно Конституционный Суд РФ устанавливает необходимость применения к заявителю компенсаторных механизмов⁸, а на суд первой ин-

станции возлагается лишь определение формы и размера компенсации.

Тем самым функционал суда первой инстанции в указанной процедуре сводится к достаточно ограниченным полномочиям.

Однако в практической деятельности указанный подход поддержки не находит.

Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 05.07.2022 № 28-П «По делу о проверке конституционности части 3.1 ст. 147 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. А. Руденко»⁹ указание на необходимость применения к заявителю компенсаторных механизмов поставлено под условие — установление судом первой инстанции того, что отношения заявителя с товариществом собственников жилья были трудовыми. Тем самым Конституционный Суд РФ фактически передал суду первой инстанции полномочия по принятию решения о применении к заявителю компенсаторных механизмов на основании исследования фактических обстоятельств, в том числе материалов ранее рассмотренного им дела.

Другой пример. В резолютивной части постановления Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса

⁵ Статья 75 Закона № 1-ФКЗ прямо не предусматривает наличия указанных сведений в постановлении Конституционного Суда РФ.

⁶ СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Вместе с тем данное обстоятельство не оказало никакого влияния на саму возможность реализации заявителем права на применение к нему компенсаторного механизма. См.: дело № 3-0485/2022, рассмотренное Московским городским судом // URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil/details/d0649f30-a9db-11ec-9c9b-2d0fef74584d?participants=%D1%86%D1%83%D0%BA%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%B2> (дата обращения: 19.10.2022).

⁸ Данный вывод подтверждают постановления Конституционного Суда РФ, в которых он устанавливает отсутствие оснований для применения к заявителю компенсаторных механизмов. См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2021 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 46, частей 1 и 3 статьи 62, части 4 статьи 240 и части 1 статьи 308 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. В. Тухты» (СПС «КонсультантПлюс»). Аналогичное толкование полномочий Конституционного Суда РФ дано в заключении Правового управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 29.10.2020 № 5.1-01/2516 по Федеральному конституционному закону «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”», одобренному Государственной Думой 27 октября 2020 г. (URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1024643-7> (дата обращения: 19.10.2022)).

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой»¹⁰ указано, что форма и размер компенсации, а также *наличие оснований для ее применения* определяются судом первой инстанции. При этом мотивировочная часть данного решения Конституционного Суда РФ содержит уточненное условие: форма и размер *справедливой* компенсации (*принимая во внимание в том числе характер и степень ущемления прав заявителя*) определяются судом первой инстанции¹¹.

Приведенные примеры свидетельствуют о расширительном толковании Конституционным Судом РФ ч. 4 ст. 100 Закона № 1-ФКЗ, которое приводит к необоснованному наделению суда первой инстанции полномочиями по установлению правовых оснований для применения к заявителю компенсаторных механизмов. Кроме того, несоответствие между формулировками, содержащими указание на необходимость применения к заявителю компенсаторных механизмов в мотивировочной и резолютивной части постановлений Конституционного Суда РФ, представляется недопустимым и создающим у суда первой инстанции неоднозначное понимание относительно подлежащих применению положений.

В-третьих, значимым вопросом является определение критериев, которыми руководствуется Конституционный Суд РФ при принятии решения о необходимости применения к заявителю компенсаторных механизмов. Как показывает анализ соответствующих постановлений Конституционного Суда РФ, установленной невозможности восстановления прав заявителя путем пересмотра дела не всегда достаточно,

несмотря на то что ч. 4 ст. 100 Закона № 1-ФКЗ иных условий не предусматривает.

Так, Конституционный Суд РФ в постановлении от 20.01.2021 № 2-П не усмотрел оснований для применения к заявителю компенсаторных механизмов, в том числе в связи с тем, что собственные материальные права заявителя в результате принятых по делу судебных актов не были затронуты.

Напротив, в постановлении Конституционного Суда РФ от 27.04.2021 № 16-П «По делу о проверке конституционности абзаца третьего пункта 42.1, пунктов 44 и 45 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, а также формулы 3 приложения № 2 к данным Правилам в связи с жалобой гражданки В. Н. Шестериковой»¹² указано на право заявителя как лица, инициировавшего вопрос о проверке нормы, неконституционность которой подтверждена Конституционным Судом РФ, на применение в отношении него компенсаторных механизмов.

В-четвертых, Конституционный Суд РФ при указании в постановлении на необходимость применения к заявителю компенсаторных механизмов использует различные формулировки, содержание которых обуславливает различное толкование порядка реализации заявителем права на соответствующую компенсацию.

Если изначально Конституционный Суд РФ в резолютивной части постановлений указывал на наличие у заявителя права на обращение в суд за применением компенсаторных механизмов¹³, то в последующем стал указывать, что заявитель имеет право на применение в отношении него компенсаторных механизмов¹⁴.

¹⁰ СЗ РФ. 2021. № 16 (ч. III). Ст. 2874.

¹¹ См. также: постановление Конституционного Суда РФ от 28.12.2020 № 50-П «По делу о проверке конституционности статьи 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, статей 17 и 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и пунктов 139–143 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы в связи с жалобой гражданина Е. В. Парамонова» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. II). Ст. 290.

¹² СЗ РФ. 2021. № 19. Ст. 3291.

¹³ См., например: постановления Конституционного Суда РФ от 28.12.2020 № 50-П, от 08.04.2021 № 11-П.

¹⁴ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2022 № 28-П; постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.2022 № 18-П «По делу о проверке конституционности части первой

Как представляется, указанные разночтения относительно порядка реализации заявителем права на применение к нему компенсаторных механизмов¹⁵ свидетельствуют об отсутствии четко выраженной позиции Конституционного Суда РФ по данному вопросу, которая к тому же имеет тенденцию к изменению.

Вообще, анализ ч. 4 ст. 100 Закона № 1-ФКЗ не позволяет сделать однозначный вывод относительно процедуры инициирования применения к заявителю компенсаторных механизмов. Буквальное толкование дает основание утверждать, что это должно осуществляться независимо от волеизъявления заявителя и его обращения в суд первой инстанции. Подтверждением является и объем полномочий, которыми наделяется суд первой инстанции, — именно он определяет прежде всего форму компенсации, что исключает необходимость соответствующей инициативы со стороны заявителя.

Кроме того, если первоначально Конституционный Суд РФ прямо указывал на необходимость обращения заявителя в суд первой инстанции за применением к нему компенсаторных механизмов, то в дальнейшем от такой формулировки он отказался, что может свидетельствовать об изменении подхода.

Вместе с тем необходимо констатировать, что при существующем правовом регулировании и отсутствии специальной регламентации порядка применения к заявителю компенсаторных механизмов в процессуальном законодательстве единственно возможным способом реализации такого права заявителя является его обращение в суд первой инстанции. В связи с этим возникает еще одна проблема — срок, в течение которого должна (может) быть инициирована процедура применения к заявителю компенсаторных механизмов. Отсутствие

регламентации указанного срока порождает ситуацию правовой неопределенности рассматриваемых отношений.

В-пятых, одной из практических проблем реализации положений ч. 4 ст. 100 Закона № 1-ФКЗ является содержание понятия «компенсаторный механизм», которое законом не раскрывается. Используя данный термин, законодатель предусмотрел максимально возможные вариации компенсаций, которые, с учетом особенностей соответствующих правоотношений, сможет применить суд первой инстанции (например, возмещение причиненного вреда, компенсация морального вреда). Однако такой вполне обоснованный и разумный подход, хотя и требующий со стороны суда первой инстанции проявления инициативы, глубокого анализа спорных правоотношений и определения наиболее соответствующей их специфике формы компенсации как способа восстановления нарушенных прав заявителя, в результате приводит к различным последствиям по причине неоднозначного толкования содержания понятия «компенсаторный механизм».

Имеющаяся в свободном доступе судебная практика реализации судами первой инстанции положений ч. 4 ст. 100 Закона № 1-ФКЗ крайне скупа, однако она позволяет сделать выводы о наиболее актуальных проблемах.

Так, Ц. на основании постановления Конституционного Суда РФ от 12.03.2021 № 6-П и в целях применения к нему компенсаторных механизмов обратился в Московский городской суд с иском к Департаменту финансов города Москвы и Московской городской избирательной комиссии о возмещении вреда, причиненного государственным органом¹⁶, и компенсации морального вреда. Определением судьи Московского городского суда

статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. О. Никитина» // СЗ РФ. 2022. № 21. Ст. 3530.

¹⁵ Особняком стоит постановление от 12.03.2021 № 6-П, в котором Конституционный Суд РФ только в мотивировочной части указал на то, что для заявителя не исключается возможность использовать для защиты своих прав компенсаторные механизмы.

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2021 № 6-П — единственное из проанализированных автором, которое в связи со ссылкой на ст. 53 Конституции РФ фактически обуславливает вид компенсации, подлежащей выплате заявителю.

от 22.09.2021 по делу № М-1582/2021¹⁷ исковое заявление возвращено Ц. по основанию, предусмотренному пунктом 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, в связи с неподсудностью заявленных требований данному суду с разъяснением права на обращение с иском с заявлением в районный суд по месту нахождения ответчика — Замоскворецкий районный суд г. Москвы.

Отменяя указанное судебное постановление, Первый апелляционный суд общей юрисдикции в апелляционном определении от 02.03.2022 по делу № 66-689/2022 указал, что с учетом положений ч. 2 ст. 39 ГПК РФ и ч. 4 ст. 100 Закона № 1-ФКЗ судом первой инстанции является Московский городской суд¹⁸.

Решением Московского городского суда от 07.07.2022 по делу № 3-0485/2022 Ц. отказано в возмещении вреда, причиненного государственным органом, и компенсации морального вреда по следующим основаниям:

- недоказанность наличия обязательной совокупности условий для возмещения вреда (отсутствие причинно-следственной связи, вины причинителя вреда);
- ненадлежащий ответчик.

Другой пример. Ш. на основании постановления Конституционного Суда РФ от 27.04.2021 № 16-П обратилась в Шпаковский районный суд Ставропольского края со следующими требованиями к ГУП СК «Крайтеплоэнерго»¹⁹:

- обязать возместить истцам²⁰ судебные расходы в сумме 118 660 руб.;

- обязать возместить выплаченные истцами платежи за отопление мест общего пользования за спорный период;

- компенсировать моральный вред, причиненный истцам, путем выплаты по 25 000 руб. каждому.

Решением Шпаковского районного суда Ставропольского края от 12.10.2021 по делу № 2-2269/2021 в удовлетворении исковых требований отказано по следующим основаниям:

- постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2021 № 16-П не исключает законности принятого судом первой инстанции решения, свидетельствует о незаконности признанной неконституционной нормы, а не действий субъекта, ее исполняющего;

- защита прав лица осуществляется на основании специализированного закона, относящегося к конкретным правоотношениям, но не исключает применения мер гражданской ответственности, предусмотренной статьей 1069 ГК РФ, в силу которой вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации или казны субъекта Российской Федерации.

¹⁷ Документ опубликован не был (здесь и далее, если не указано иное, акты судебной практики см.: СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁸ Данная проблема фактически исключена Конституционным Судом РФ, который в иных постановлениях прямо указывает суд, уполномоченный на определение формы и размера компенсации. См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2020 № 47-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 2 Федерального закона “О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности” в связи с жалобой местной религиозной организации Община Православной Церкви Божией Матери Державная города Твери» // СЗ РФ. 2020. № 48. Ст. 7837.

¹⁹ Ответчик по делу, в котором был применен оспоренный в Конституционном Суде РФ нормативный акт.

²⁰ Несмотря на то что в постановлении от 27.04.2021 № 16-П Конституционный Суд РФ конкретизировал то обстоятельство, что право на применение компенсаторных механизмов имеет только Ш. как лицо, инициировавшее вопрос о проверке нормы, неконституционность которой подтверждена Конституционным Судом РФ, заявленное в иске Ш. требование обосновано тем, что в деле в качестве истцов участвовал 51 собственник жилых помещений многоквартирного дома.

Таким образом, исковые требования предъявлены к ненадлежащему ответчику²¹.

Какие выводы можно сделать по результатам анализа приведенных судебных постановлений?

Во-первых, налицо недопонимание судами сущности компенсаторного механизма, предусмотренного частью 4 ст. 100 Закона № 1-ФКЗ, и порядка его реализации. Судебные процессы сводятся к стандартным делам о возмещении вреда, причиненного государственным органом.

Во-вторых, суды ограничиваются узким толкованием содержания компенсаторного механизма, а также требованиями истцов, несмотря на то что часть 4 ст. 100 Закона № 1-ФКЗ не только наделяет суд первой инстанции правом, но и возлагает на него обязанность по определению в первую очередь формы компенсации.

В-третьих, отсутствие активной роли суда в делах о взыскании компенсации, предусмотренной частью 4 ст. 100 Закона № 1-ФКЗ, а также законодательно определенной специфики деятельности судов по соответствующей категории дел делает невозможным достижение цели, стоящей перед анализируемым правовым институтом, — возмещение негативных последствий нарушения прав заявителя²². В свете изложенного крайне актуальной видится позиция Секретариата Конституционного Суда РФ: «В отсутствие в процессуальном регулировании четко установленных порядка и условий, раскрыва-

ющих возможность реализации компенсаторных механизмов, не исключены ситуации, при которых заявители не могут воспользоваться признанной Конституционным Судом РФ возможностью. Поэтому не исключается необходимость именно законодательного разрешения обозначенной проблемы»²³.

Учитывая изложенное, можно констатировать, что введение института компенсаторного механизма в деятельность Конституционного Суда РФ явилось важным шагом на пути обеспечения гарантий восстановления нарушенных прав заявителей. Однако существующее правовое регулирование и особенности практики его применения судами первой инстанции во многом снижают эффективность компенсаторного механизма и даже создают предпосылки для усложнения, ограничения и невозможности его реализации. Данные проблемы должны быть решены путем регламентации соответствующих отношений как в Законе № 1-ФКЗ, так и в процессуальном законодательстве. Однако в ближайшей перспективе имеющиеся вопросы, а также общие подходы к разрешению указанной категории дел целесообразно сделать предметом разъяснений со стороны Верховного Суда РФ.

²¹ При этом в указанном решении суд сделал интересное уточнение, видимо, таким образом квалифицировав компенсацию, предусмотренную частью 4 ст. 100 Закона № 1-ФКЗ: «Порядок производства по делам о присуждении компенсации регламентирован процессуальными кодексами (глава 26 КАС РФ, глава 27.1 АПК РФ). Данная компенсация не направлена на восполнение имущественных потерь заинтересованного лица и не заменяет собой возмещения имущественного вреда, причиненного ему незаконными действиями (бездействием) государственных органов, в том числе судов».

²² Например, не поднимался и не рассматривался вопрос о замене ненадлежащего, по мнению суда, ответчика.

²³ Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда РФ, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2021 году (подготовлен Секретариатом Конституционного Суда РФ в соответствии с п. 2 § 67 Регламента Конституционного Суда РФ). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Брежнев О. В.* Реформа российского конституционного судопроизводства 2020 г.: проблемы и тенденции // Российский судья. — 2021. — № 8. — С. 49–53.
2. *Петров А. А.* Правовые суперпозиции Конституционного Суда Российской Федерации: постановка проблемы // Российский юридический журнал. — 2021. — № 4. — С. 7–19.
3. *Тарусина Н. Н.* Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». — 2021. — № 1. — С. 65–75.

Материал поступил в редакцию 19 октября 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Brezhnev O. V. Reforma rossiyskogo konstitutsionnogo sudoproizvodstva 2020 g.: problemy i tendentsii // Rossiyskiy sudya. — 2021. — № 8. — S. 49–53.
2. Petrov A. A. Pravovye superpozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: postanovka problemy // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2021. — № 4. — S. 7–19.
3. Tarusina N. N. Konstitutsionnoe pravosudie: o nekotorykh popravkakh v zakonodatelstvo // Vestnik YarGU. Seriya «Gumanitarnye nauki». — 2021. — № 1. — S. 65–75.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.151-162

Д. Ю. Скрыпник*

Правовое регулирование технологического присоединения объектов микрогенерации к электрическим сетям: законодательная корректировка и оптимизация процедур

Аннотация. В России возможность энергоснабжения имущественных комплексов потребителей при помощи устройств микрогенерации реализуется с 2021 г. Исследование посвящено проблемам правового регулирования технологического присоединения объектов микрогенерации электроэнергии. В процессе анализа автор рассматривает предусмотренные законодательством виды и способы подключения имущественных комплексов потребителей к объектам микрогенерации. В результате исследования выявлено противоречие между нормами гражданского законодательства и Правилами технологического присоединения, которые не позволяют выполнить присоединение объектов микрогенерации в зданиях. Кроме этого, раскрыт ряд юридических неточностей в процедурах подключения, препятствующих полноценной реализации технологического присоединения объектов микрогенерации. Автором предлагается путем уточнения законодательства внести изменения в действующий организационный механизм энергоснабжения имущественных комплексов потребителей при помощи устройств микрогенерации.

Ключевые слова: генерация; микрогенерация; объект микрогенерации; Правила технологического присоединения; энергоснабжение; личный кабинет заявителя; сетевая организация; личный кабинет потребителя; гарантирующий поставщик; договор купли-продажи электрической энергии, произведенной на объектах микрогенерации.

Для цитирования: Скрыпник Д. Ю. Правовое регулирование технологического присоединения объектов микрогенерации к электрическим сетям: законодательная корректировка и оптимизация процедур // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 5. — С. 151–162. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.151-162.

© Скрыпник Д. Ю., 2023

* Скрыпник Дмитрий Юрьевич, аспирант кафедры ГиМЧП Волгоградского государственного университета, руководитель профессиональной системы «Техприспро»
Университетский пр-т, д. 100, г. Волгоград, Россия, 400062
scripnikkk@mail.ru

Legal Regulation of Technological Connection of Microgeneration Facilities to Electric Networks: Legislative Adjustment and Process Optimization

Dmitry Yu. Skrypnik, Postgraduate Student, Civil and Private International Law Department, Volgograd State University, Head of the «Techprispro» Professional System
Universitetskii prospekt, d. 100, Volgograd, Russia, 400062
scripnikkk@mail.ru

Abstract. In Russia, the possibility of supplying energy to consumer property complexes through microgeneration devices has been used since 2021. The study is devoted to the problems of legal regulation of technological connection of electric power microgeneration facilities. In the process of analysis, the author considers the types and methods of connection of consumer property complexes to microgeneration facilities provided for by law. As a result of the study, a contradiction was revealed between the norms of civil legislation and the Rules for technological connection, which make connection of microgeneration facilities in buildings impossible. In addition, a number of legal inaccuracies in the connection procedures were disclosed, which interfere with the full implementation of the technological connection of microgeneration facilities. The author proposes, by clarifying the legislation, to make changes to the current organizational mechanism for energy supply of consumer property complexes by means of microgeneration devices.

Keywords: generation; microgeneration; microgeneration facility; Rules for technological connection; energy supply; applicant's personal profile; network organization; consumer's personal profile; default supplier; power purchase agreement; produced at microgeneration facilities.

Cite as: Skrypnik DYu. Pravovoe regulirovanie tekhnologicheskogo prisoedineniya obektov mikrogeneratsii k elektricheskim setyam: zakonodatelnaya korrekcirovka i optimizatsiya protsedur [Legal Regulation of Technological Connection of Microgeneration Facilities to Electric Networks: Legislative Adjustment and Process Optimization]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(5):151-162. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.151-162. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Долгое время в отечественной электроэнергетике наблюдается интерес к собственному производству потребителями электрической энергии при помощи специальных устройств для удовлетворения бытовых и коммерческих нужд, именуемому «микрогенерация». Следует констатировать, что полноценное правовое регулирование правоотношений в сфере микрогенерации возникло только в 2021 г. и в настоящее время сопровождается рядом правовых проблем.

Чтобы оценить данные проблемы и выйти на пути их решения, рассмотрим положения действующего законодательства в сфере микрогенерации на розничных рынках электрической энергии, а также исследуем виды и процедуры технологического присоединения объектов микрогенерации.

1. Понятие микрогенерации и порядок ее осуществления

Для полноценного исследования категории «микрогенерация» необходимо вникнуть в суть процесса функционирования действующей системы энергоснабжения на розничных рынках электрической энергии, общие элементы которой выстроены следующим образом. Электроэнергия вырабатывается генерирующими компаниями на электростанциях и передается по линиям электропередачи магистральных сетей сетевых организаций. Далее по линиям электропередачи распределительных сетей территориальных сетевых организаций электроэнергия передается на объекты конечных потребителей. Потребители оплачивают потребленную электроэнергию гарантирующему поставщику или энергосбытовым организациям, которые, в свою очередь, уплачивают денежные средства

за переданную электроэнергию сетевым организациям за вычетом своей сбытовой наценки. Тем самым генерирующие, сетевые и сбытовые компании получают прибыль за оказанные услуги и продажу электроэнергии, а потребитель получает товар в виде потребляемой электроэнергии для своих нужд.

Такая организация товародвижения показывает, что все правоотношения в сфере энергоснабжения основываются на генерации, то есть производстве электрической энергии. В российском законодательстве термин «генерация» отсутствует. Из общего смысла законодательства, регулирующего организацию оптовой и розничной продажи электрической энергии¹, можно синтезировать определение генерации как процесс получения электроэнергии из возобновляемых и невозобновляемых источников энергии. К возобновляемым источникам энергии относится энергия, получаемая из возобновляемых ресурсов, которые естественным образом существуют или периодически возникают в окружающей среде. Она включает такие источники, как солнечный свет, ветер, дождь, приливы и отливы, волны и геотермальное тепло. Термин «возобновляемые источники энергии» закреплен в ст. 3 Закона об электроэнергетике². К невозобновляемым источникам энергии относятся все виды ископаемого топлива: нефть, природный газ, каменный и бурый уголь, горючие сланцы, торф.

Что касается термина «микрогенерация», то он также не определен в действующем законодательстве. При этом из существа правоотноше-

ний микрогенерацию следует понимать как процесс получения потребителем электроэнергии из возобновляемых и невозобновляемых источников энергии с помощью объектов (устройств) по производству электрической энергии малой мощности. То есть микрогенерация входит как часть в целом в понятие «генерация», но отличается малой выработкой электрической энергии посредством объектов микрогенерации. В рамках модели микрогенерации генерирующий электроэнергию субъект может не участвовать в системе энергоснабжения в случае, если потребителю достаточно произведенной им самим электрической энергии для собственных или коммерческих нужд. Как видим, законодателем легитимирован новый субъект отношений в сфере электроэнергетики — производящий потребитель-продавец электрической энергии, именуемый специалистами в сфере электроэнергетики также активным (проактивным) потребителем (просьюмером)³.

Договорные отношения по продаже электроэнергии, выработанной объектами микрогенерации, регулируются постановлением Правительства РФ от 04.05.2012 № 442, согласно п. 65.3 которого по договору купли-продажи электрической энергии, произведенной на объектах микрогенерации, собственник или иной законный владелец таких объектов обязуется осуществлять продажу производимой электрической энергии гарантирующему поставщику, а гарантирующий поставщик обязуется принимать и оплачивать приобретаемую электрическую энергию.

¹ Постановление Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172 «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности» // СЗ РФ. 2011. № 14. Ст. 1916 ; постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» // СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 3008.

² Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (принят ГД ФС РФ 21 февраля 2003 г.) // СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.

³ Горгишели М. В. Трансформация бизнес-моделей генерирующих компаний на российском рынке: просьюмеризм как движущая сила // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2019. № 8. С. 31 ; Зубакин В. А. Анализ тенденций преобразований и развития российской электроэнергетики // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2019. № 6. С. 105.

На основании данной нормы модель энерго-снабжения с использованием объекта микро-генерации функционирует следующим образом. Объем покупки электроэнергии из внешней сети и объем продажи электроэнергии формируется по сальдо-перетоку в целом за месяц. Прибором учета определяется объем потребленной и производимой электроэнергии, а также разность этих величин. Если за месяц объем выработки электроэнергии объектом микрогенерации превышает объем потребления, то гарантирующий поставщик оплачивает потребителю разницу между объемом выработки и объемом потребления. Если за месяц объем выработки меньше, чем объем потребления, то потребитель доплачивает гарантирующему поставщику разницу этих объемов согласно тарифам на электроэнергию.

Следовательно, можно выделить дополнительный критерий отличия микрогенерации от генерации в виде возможности потребителя продать гарантирующему поставщику избыток электроэнергии, произведенной объектами микрогенерации, которыми владеет потребитель. При этом у гарантирующего поставщика возникает обязанность по приобретению электроэнергии, произведенной объектом микрогенерации. Однако действующая модель энергоснабжения с использованием микрогенерации в части сальдированного учета предусматривает продажу потребителем гарантирующему поставщику электрической энергии по равновесной цене оптового рынка, в то время как покупка гарантирующим поставщиком электрической энергии, выработанной объектом микрогенерации, осуществляется по цене розничного рынка. Установленный способ сальдированного учета и цен взаимных продаж увеличивает срок окупаемости затрат на реализацию проекта микрогенерации. Согласимся, что следующим шагом в развитии сальдированного учета должно быть увеличение установленной мощности объекта микрогенерации, а также внедрение сальдированного учета на основе покупки и продажи электрической энергии по цене розничного рынка⁴.

Необходимо отметить, что законодатель путем внесения дополнений в НК РФ предусмотрел механизм сокращения срока окупаемости затрат по установке объектов микрогенерации. Так, согласно ст. 217 НК РФ, с 1 января 2021 г. доходы граждан от продажи электроэнергии, произведенной на собственных объектах микрогенерации, освобождаются от налогообложения в период до 1 января 2029 г.

2. Особенности объекта (устройства) микрогенерации

Чтобы оценить количественные характеристики микрогенерации, рассмотрим технические особенности объекта микрогенерации, которые содержатся в ст. 3 Закона об электроэнергетике, а именно:

1. Подключение объекта микрогенерации осуществляется одновременно или не ранее технологического присоединения имущественного комплекса потребителя. Например, потребитель может подать в сетевую организацию одну заявку на присоединение здания и объекта микрогенерации или одну заявку на присоединение объекта микрогенерации в отношении ранее присоединенного к электрическим сетям здания.

2. Объект микрогенерации присоединяется на низком уровне напряжения, до 1 000 вольт, то есть он не может присоединяться к высоковольтным линиям электропередачи сетевой организации.

3. Величина максимальной мощности объекта микрогенерации составляет не более 15 кВт, что обеспечивает работу маломощных электроприборов, находящихся в объекте недвижимости. Например, максимальная мощность электрочайника в среднем может составлять 1,5 кВт.

4. Объем выдачи максимальной мощности объекта микрогенерации не должен превышать величину максимальной мощности присоединенного к электрической сети объекта недвижимости потребителя. Например, садовый дом потребителя имеет максимальную мощность

⁴ Символоков О. А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики : монография. М. : Инфотропик Медиа, 2021. С. 186.

10 кВт. Если потребитель планирует присоединить объект микрогенерации, то величина мощности объекта микрогенерации не должна превышать 10 кВт.

5. Объект микрогенерации не функционирует с электрическим оборудованием, предназначенным для обслуживания более одного помещения в здании, в том числе входящего в состав общего имущества многоквартирного дома. Данный критерий будет подробно рассматриваться ниже.

В случае несоблюдения любого из критериев объект по производству электрической энергии не является объектом микрогенерации, следовательно, право на продажу электрической энергии гарантирующему поставщику у потребителя не возникает. С 14 марта 2021 г. Правила технологического присоединения⁵ (далее — Правила) были дополнены возможностью выполнить подключение объектов микрогенерации к электрическим сетям. Так, Правилами предусматриваются категории заявителей, которым предоставляется возможность подключить объекты микрогенерации и энергопринимающие устройства имущественных комплексов (далее — ЭПУ) к электрическим сетям:

— юридические лица и индивидуальные предприниматели в целях присоединения объектов микрогенерации (п. 13.2 Правил). К таким категориям относятся субъекты предпринимательской деятельности, чьи ЭПУ имеют присоединение к электрическим сетям;

— юридические лица и индивидуальные предприниматели в целях одновременного присоединения ЭПУ, максимальная мощность которых составляет до 150 кВт, и объектов микрогенерации (п. 13.3 Правил). К таким категориям относятся субъекты предпринимательской деятельности, одновременно присоединяющие ранее не подключенные к электрическим сетям ЭПУ и объект микрогенерации. Допускается подавать заявку на увеличение максимальной мощности ранее присоединенных ЭПУ и объекта микрогенерации;

— физические лица в целях присоединения объекта микрогенерации (п. 13.4 Правил). К таким категориям относятся физические лица, чьи ЭПУ имеют присоединение к электрическим сетям для бытовых и иных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью;

— физические лица в целях одновременного присоединения ЭПУ, максимальная мощность которых составляет до 150 кВт, и объектов микрогенерации (п. 13.5 Правил). К таким категориям относятся физические лица, одновременно присоединяющие ранее не подключенные к электрическим сетям ЭПУ с мощностью до 150 кВт и объект микрогенерации для бытовых и иных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью. Допускается подавать заявку на увеличение максимальной мощности ранее присоединенных ЭПУ и объекта микрогенерации;

— юридические лица и индивидуальные предприниматели в целях одновременного присоединения ЭПУ, максимальная мощность которых составляет свыше 150 кВт, и объектов микрогенерации (п. 13.6 Правил). К таким категориям относятся субъекты предпринимательской деятельности, одновременно присоединяющие ранее не подключенные к электрическим сетям ЭПУ с мощностью свыше 150 кВт и объект микрогенерации. Допускается подавать заявку на увеличение максимальной мощности ранее присоединенных ЭПУ и объекта микрогенерации.

Важно подчеркнуть, что в силу разд. X Правил технологическое присоединение объектов микрогенерации заявителей, указанных в п. 13.2–13.5 Правил, выполняется исключительно в электронном виде посредством личного кабинета заявителя. Создание и запуск в действие личного кабинета заявителя организует территориальная сетевая организация на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Кроме того, в процессе технологического присоединения заключается договор купли-продажи электрической энергии, произведенной на объектах

⁵ Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг...» // СЗ РФ. 2004. № 52 (ч. II). Ст. 5525.

микрoгенерации. Данный договор заключается посредством личного кабинета потребителя, создание и запуск в действие которого организует гарантирующий поставщик на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Что касается заявителей, указанных в п. 13.6 Правил, то технологическое присоединение объектов микрoгенерации с последующим заключением договора купли-продажи электрической энергии может осуществляться на бумажном носителе или посредством личных кабинетов, если сетевая организация и гарантирующий поставщик обеспечивают возможность организовать данную процедуру в электронном виде.

3. Вопросы организации энергоснабжения с использованием объектов (устройств) микрoгенерации

Согласимся с авторами, что нормы о микрoгенерации следует считать началом движения отечественного законодателя по пути признания и внедрения системы активного участия потребителя в децентрализованном производстве электрической энергии, становления клиентоориентированной электроэнергетики⁶.

Несмотря на усилия законодателя, Правила содержат нормы, которые могут затруднять выполнение процедуры технологического присоединения объектов микрoгенерации. Далее рассмотрим основные правовые противоречия в Правилах.

3.1 Уровень напряжения для объектов микрoгенерации

В соответствии с п. 2.3 Правил присоединение объектов микрoгенерации осуществляется к объектам электросетевого хозяйства с уровнем напряжения до 1 000 вольт, то есть на низком уровне напряжения. Однако в соответствии с

ГОСТ 29322-2014⁷ на низком уровне напряжения в электрических сетях предусматриваются только классы напряжения 230 и 400 вольт, что в переводе на киловольты (кВ) составляет 0,23 и 0,4 кВ. Что касается уровня напряжения свыше 400 вольт (свыше 0,4 кВ), то следующим за ним классом напряжения является 6 000 вольт (6 кВ). Следовательно, объект микрoгенерации ни при каких условиях не может быть подключен к электрическим сетям сетевой организации на уровне напряжения 1 000 вольт или свыше 0,4 кВ.

Данная неточность приводит к трудностям правоприменения, поскольку существенные условия договора технологического присоединения определяются пунктом 16 Правил исключительно в зависимости от уровней напряжения 0,4 кВ и ниже или свыше 0,4 кВ. Например, если объект присоединяется на уровне свыше 0,4 кВ, то заявитель не имеет права воспользоваться льготным технологическим присоединением в порядке п. 17 Правил и уменьшить срок подключения. Более того, в типовых формах заявок и договоров, являющихся приложениями к Правилам, уровень напряжения подлежит указанию в киловольтах, что дает основание для сетевой организации определять вышеуказанные существенные условия договора. По мнению автора, в Правилах следует изменить уровень напряжения объектов микрoгенерации с 1 000 В на 0,4 кВ и ниже, что позволит привести в соответствие с Правилами существенные условия договора технологического присоединения объектов микрoгенерации.

3.2. Запрет на присоединение объектов микрoгенерации в зданиях

Согласно абз. 3 п. 2.3 Правил, технологическое присоединение объектов микрoгенерации с использованием систем электроснабжения, предназначенных для обслуживания более одного помещения в здании, в том числе вхо-

⁶ Куликов А. Л., Осокин В. Л., Папков Б. В. Проблемы и особенности распределенной электроэнергетики // Вестник Нижегородского государственного инженерно-экономического института. 2018. № 11. С. 125.

⁷ Межгосударственный стандарт ГОСТ 29322-2014 (IEC 60038:2009) «Напряжения стандартные», введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 25.11.2014 № 1745-ст // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2022).

дящих в состав общего имущества многоквартирного дома, не допускается. Из данного пункта следует, что если в здании имеется два помещения и более, то права на технологическое присоединение объекта микрогенерации у заявителя не возникает. По мнению автора, данная формулировка имеет дискриминационный характер, поскольку не позволяет владельцам зданий реализовать свое право на присоединение объектов микрогенерации. Для понимания последствий данного ограничения ниже приведем понятия «здание» и «помещение».

Базовое нормативное регулирование помещений закрепляется в ст. 141.4 ГК РФ⁸, которая вступила в законную силу с 1 сентября 2022 г., и содержится в гл. 6.1 ГК РФ «Недвижимые вещи». Помещением признается обособленная часть здания или сооружения, пригодная для постоянного проживания граждан (жилое помещение) либо для других целей, не связанных с проживанием граждан (нежилое помещение), и подходящая для использования в соответствующих целях. В одном здании, сооружении может быть образовано не менее двух помещений. Как видим, из ст. 141.4 ГК РФ следует, что объект будет иметь статус здания лишь в том случае, когда в нем будет образовано не менее двух помещений. Что касается индивидуальных жилых или садовых домов, то они также могут иметь несколько помещений (комнат).

Термины «здание» и «помещение» также содержатся в ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 30.12.2009 № 384-ФЗ⁹. Под зданием понимается результат строительства, представляющий собой объемную строительную систему, имеющую надземную и (или) подземную части, включающую в себя помещения, сети инженерно-технического обеспечения и системы инженерно-технического обеспечения и предназначенную для проживания и (или) деятельности людей, размещения производства, хранения продукции или содержания животных. Под помещением понимается часть объема здания или соору-

жения, имеющая определенное назначение и ограниченная строительными конструкциями.

Следовательно, пункт 2.3 Правил не позволяет правообладателю здания подать заявку на технологическое присоединение объекта микрогенерации, поскольку в любом здании в силу закона должно располагаться не менее двух помещений. Еще раз обратим внимание, что пункт 2.3 Правил содержит запрет присоединять объекты микрогенерации с использованием систем электроснабжения, предназначенных для обслуживания более одного помещения в здании. На первый взгляд, можно предположить, что достаточно создать новую систему электроснабжения только одного помещения в здании, и возможность присоединения объекта микрогенерации может появиться, даже если в здании два и более помещения. Однако создание (строительство) новой системы энергоснабжения здания лишено экономического смысла, поскольку цель установки объекта микрогенерации — снизить затраты на потребление электроэнергии всего здания. Более того, согласно п. 1 ст. 26 Закона об электроэнергетике, возможность повторного присоединения имущественного комплекса не допускается в силу однократного характера технологического присоединения.

По мнению автора, главной целью введения п. 2.3 Правил было стремление законодателя ограничить возможность подачи заявок на присоединение объектов микрогенерации в жилых помещениях (квартирах) многоквартирных домов, поскольку в жилищном законодательстве не выработан механизм расчетов за коммунальные услуги по электроснабжению с применением объектов микрогенерации. Чтобы не допустить отказов в заключении договора на присоединение объектов микрогенерации в зданиях, не относящихся к многоквартирным домам, предлагается следующая корректировка абз. 3 п. 2.3 Правил: «Не допускается технологическое присоединение объектов микрогенера-

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁹ Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» (принят ГД ФС РФ 25 декабря 2009 г.) // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 5.

ции в многоквартирных домах с использованием систем электроснабжения, входящих в состав общего имущества многоквартирного дома».

Новый вариант текста абз. 3 п. 2.3 Правил позволит снять ограничение по технологическому присоединению объектов микрогенерации в зданиях, не относящихся к многоквартирным домам. Кроме того, предлагаемая редакция абз. 3 п. 2.3 Правил позволит выполнять технологическое присоединение объектов микрогенерации в нежилых помещениях многоквартирных домов, имеющих отдельную систему электроснабжения, не входящую в состав общего имущества многоквартирного дома.

Относительно возможности производить электроэнергию в жилых помещениях многоквартирных домов посредством объектов микрогенерации укажем, что внедрение института микрогенерации осложняется наличием в многоквартирном доме коллективного (общедомового) прибора учета электрической энергии, который не позволяет определять объемы выработанной электрической энергии объектами микрогенерации. Внедрение модели энергоснабжения на основе микрогенерации в жилых помещениях многоквартирных домов требует детальной юридической и технической проработки и не является предметом исследования настоящей работы.

3.3. Состав документации на объект микрогенерации

В настоящее время законодательством не регулируются технические требования к объектам микрогенерации, что вызывает обеспокоенность у специалистов энергокомпаний в части соблюдения правил и норм безопасности при эксплуатации электроустановок. Кроме того, пункт 10 Правил не обязывает заявителей представлять документы, подтверждающие владение объектом микрогенерации, и его технический паспорт. Единственное требование, установленное пунктом 10 типовой формы заявки на присоединение, — это обязанность заявителя указать в заявке на присоединение запрашиваемую максимальную мощность присоединяемых

объектов микрогенерации, а также возможную скорость набора или снижения нагрузки для объектов микрогенерации в соответствии с паспортными характеристиками.

По мнению автора, в Правила необходимо внести дополнения в части обязанности заявителя представлять вместе с заявкой на технологическое присоединение документы, подтверждающие право собственности на объект микрогенерации или иное законное основание владения, а также его технический паспорт. К правоустанавливающим документам могут относиться товарные чеки, договоры купли-продажи, аренды или безвозмездного пользования, акты приема-передачи. Такой порядок регулирования позволит сетевым организациям проверить обоснованность запрашиваемой заявителем максимальной мощности и зафиксировать основные технические характеристики объекта микрогенерации.

3.4. Обязанность проектирования объектов микрогенерации

В соответствии с пп. «в» п. 18 Правил в технические условия на технологическое присоединение включаются обязанности по разработке заявителем проектной документации, за исключением случаев, когда в соответствии с законодательством РФ разработка проекта не является обязательной. На практике довольно часто возникает необходимость проектирования объекта микрогенерации в процессе технологического присоединения. В силу ч. 3 ст. 48 ГрК РФ¹⁰ подготовка проекта не требуется при строительстве, реконструкции объекта индивидуального жилищного строительства, садового дома. Застройщик по собственной инициативе вправе обеспечить подготовку проектной документации применительно к данным объектам.

По мнению автора и ввиду отсутствия судебной практики в части обязанности проектирования объектов микрогенерации, в случае присоединения объекта микрогенерации жилого или садового дома разработка проекта не требуется, поскольку объект микрогенерации может входить в состав индивидуального жилого или

¹⁰ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1. Ст. 16.

садового дома. Например, различного рода вспомогательные строения и сооружения в домовладении, предназначенные для обслуживания жилого дома (сарай, гаражи, бани, колодцы и т.п.), в том числе капитальные, исходя из положений ст. 130, 131, 135 ГК РФ, самостоятельными объектами права собственности не являются и следуют судьбе главной вещи, то есть жилого дома¹¹. Соответственно, объект микрогенерации по аналогии с вышеуказанными объектами может являться неотъемлемой частью главной вещи — индивидуального жилого или садового дома. Во всех остальных случаях заявитель не освобождается от проектирования объекта микрогенерации, поскольку на иные объекты не распространяются исключения части 3 ст. 48 ГК РФ.

Острота данного вопроса заключается в том, что, согласно п. 11 Правил, сетевая организация не вправе требовать представления сведений и документов, не предусмотренных Правилами, а заявитель не обязан представлять такие сведения и документы. Отсюда следует, что включение сетевой организацией в технические условия заявителя обязанности по разработке и представлению проекта может квалифицироваться антимонопольными органами как наличие состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 9.21 КоАП РФ.

Далее остановимся на вопросах согласования проектной документации на объекты микрогенерации.

В соответствии с разд. X Правил в отношении объектов микрогенерации, указанных в п. 13.2–13.5 Правил, договор технологического присоединения заключается посредством личного кабинета. Согласно пп. «д» п. 7 Правил в отношении вышеуказанных заявителей сетевая организация обязана обеспечить возможность осуществить действиями заявителя фактическое присоединение объектов заявителя к электрическим сетям и фактический прием

(подачу) напряжения и мощности. В силу пп. «в» п. 16 Правил при присоединении вышеуказанных заявителей на уровне напряжения 0,4 кВ и ниже ответственность за нарушение сроков присоединения возлагается только на сетевую организацию. При этом согласно пп. «д» п. 18 Правил в обязанности сетевой организации не входит проведение проверки выполнения такими заявителями технических условий.

Обязанность заявителя до начала монтажа или реконструкции электроустановок разработать проектную документацию и согласовать ее с сетевой организацией, выдавшей технические условия, указана в п. 1.3.2 Правил технической эксплуатации электроустановок потребителей¹² (далее — Правила ТЭЭП). Правила ТЭЭП распространяются на организации независимо от форм собственности и организационно-правовых форм, индивидуальных предпринимателей, а также граждан — владельцев электроустановок напряжением выше 1 000 В (п. 1.1.2 Правил ТЭЭП). Вместе с тем согласно п. 18.5 Правил заявитель, максимальная мощность объекта которого составляет менее 150 кВт включительно, вправе в инициативном порядке представить в сетевую организацию разработанную им проектную документацию на подтверждение ее соответствия техническим условиям.

По мнению автора и учитывая конкуренцию двух нормативных документов, заявители с объектами микрогенерации, указанные в п. 13.2–13.5 Правил, могут в инициативном порядке направить в сетевую организацию на согласование проектную документацию в любой период времени до осуществления заявителем фактического присоединения и приема (подачи) напряжения. Более того, если сетевая организация осуществляет строительство сетей до границ участка или до объекта недвижимости заявителя, сторонам договора целесообразно согласовать в проектной документации точку присоединения. Ввиду того что на указанных

¹¹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Чувашской Республики по гражданским делам за IV квартал 2013 г. // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.09.2022).

¹² Приказ Министерства энергетики РФ от 13.01.2003 № 6 «Об утверждении Правил технической эксплуатации электроустановок потребителей» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 16, 23 июня 2003 г. № 24, 25.

заявителей не возлагается обязанность по направлению проектной документации вместе с уведомлением о выполнении технических условий в порядке п. 85 Правил, порядок согласования проектной документации в инициативном порядке необходимо прописать в инструкции на подключение, которая размещается сетевой организацией в личном кабинете заявителя. Что касается заявителей, указанных в п. 13.6 Правил, одновременно присоединяющих к сетям энергоснабжения объекты с максимальной мощностью свыше 150 кВт и объекты микрогенерации, направление проекта заявителем осуществляется вместе с уведомлением о выполнении технических условий в порядке п. 85 Правил.

3.5. Регламентация проверки выполнения технических условий

Как указано выше, в процессе организации энергоснабжения объектов микрогенерации, указанных в п. 13.2–13.5 Правил, сетевая организация не проводит проверку выполнения потребителем технических условий. Согласно пп. «д» п. 7 Правил, результатом услуги по технологическому присоединению является обеспечение потребителю технической возможности в любое время самостоятельно подать напряжение на свой объект. Такое отсутствие проверки вызывает беспокойство у специалистов энергокомпаний в части соблюдения заявителями правил и норм безопасности при вводе в эксплуатацию и при работе объектов микрогенерации. Более того, органы Ростехнадзора, в силу пп. «г» п. 7 Правил, также не участвуют в проверке выполнения вышеуказанными заявителями технических условий и не осуществляют допуск в эксплуатацию электроустановок. На практике возникает вопрос: может ли сетевая организация вынести заявителям, указанным в п. 13.2–13.5 Правил, запрет на самостоятельное фактическое присоединение и подачу напряжения, если они не выполнили или ненадлежаще выполнили технические условия?

По мнению автора, если в инструкции заявителю предоставляется возможность вызвать сетевую организацию для осмотра объекта микрогенерации и отключения электроустановки в целях безопасного самостоятельного присоединения и приема напряжения, то запрет на присоединение возможен. В обоснование данной позиции приведем положения Правил в части процедур технологического присоединения. Так, пунктом 7 Правил установлены следующие процедуры технологического присоединения:

- а) подача заявки заявителем;
- б) заключение договора;
- в) выполнение сторонами договора мероприятий по технологическому присоединению;
- г) получение разрешения Ростехнадзора в случаях, установленных Правилами;
- д) предоставление сетевой организацией возможности осуществить действия заявителя фактическое присоединение и фактический прием (подачу) напряжения и мощности — для заявителей, указанных в разд. X Правил, к которым относятся объекты микрогенерации согласно п. 13.2–13.5 Правил;
- е) составление документов о технологическом присоединении.

Согласно пп. «д» п. 18 Правил мероприятия по технологическому присоединению включают выполнение заявителем и сетевой организацией технических условий. В случае невыполнения или ненадлежащего выполнения заявителем мероприятий, указанных в технических условиях, он не сможет выполнить безопасное самостоятельное присоединение и прием (подачу) напряжения на объект. В свою очередь, на сетевую организацию в силу п. 46.8 Правил охраны труда¹³ возлагается ответственность за выполнение предусмотренных мер безопасности выполнения работ в электроустановках, обеспечивающих защиту работников от поражения электрическим током рабочего и наведенного напряжения электроустановки, и допуск к работам. Если заявитель на основании инструкции уведомил сетевую организацию о готовности к выполнению

¹³ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 15.12.2020 № 903н «Об утверждении Правил по охране труда при эксплуатации электроустановок» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 30 декабря 2020 г. № 0001202012300142.

присоединения и подаче напряжения, сетевая организация обязана обеспечить возможность заявителю выполнить такие мероприятия.

Перед проведением заявителем работ по самостоятельному включению сетевая организация может выявить, что заявитель ненадлежащим образом выполнил технические условия, например выбрал неправильное сечение электрических проводов и (или) неправильно смонтировал объект микрогенерации и (или) вводное устройство объекта недвижимости. В таких случаях работники сетевой организации, под наблюдением и контролем которых заявитель выполняет присоединение, могут ограничить доступ заявителю к электрической сети сетевой организации и составить акт об имеющихся нарушениях. В акте следует изложить нарушения, которые не позволяют безопасно включить объект заявителя. Для фиксации нарушений можно приложить к акту фото- и (или) видеоматериалы, а также привлечь к составлению акта незаинтересованных лиц. Составление акта может не только предотвратить штраф за нарушение срока присоединения для сетевой организации, но и предупредить негативные последствия в виде причинения вреда жизни, здоровью и имуществу заявителя.

Что касается заявителей, указанных в п. 13.6 Правил, одновременно присоединяющих к сетям до 1 000 В объекты с максимальной мощностью свыше 150 кВт и объекты микрогенерации, то проверка сетевой организацией выполнения технических условий выполняется в полном объеме в порядке разд. IX Правил.

Заключение

Анализ нормативного регулирования в части, касающейся исследуемой проблематики, показывает, что внедрение процедур технологического присоединения объектов микрогенерации

является верным и уверенным шагом в развитии договорного режима энергоснабжения и позволяет сформулировать следующие выводы и предложения для дальнейшего совершенствования законодательства о микрогенерации:

1) необходимо урегулировать цену продажи потребителем гарантирующему поставщику произведенной объектом микрогенерации электрической энергии как равную розничной цене, что позволит потребителям ускорить окупаемость инвестиций в технологическое присоединение к электрическим сетям объектов микрогенерации;

2) существенные условия договора технологического присоединения об уровне напряжения объектов микрогенерации требуется привести в соответствие с Правилами технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям;

3) следует исключить из законодательства нормы о запрете присоединять объекты микрогенерации в зданиях, не относящихся к многоквартирным домам;

4) необходимо разработать технические требования к объектам (устройствам) микрогенерации, в том числе требования к составу документации для целей подачи заявки на технологическое присоединение;

5) требуется урегулировать положения о проектировании объектов микрогенерации и их безопасной эксплуатации, что позволит сетевым организациям создать условия для заявителей самостоятельного присоединения данных объектов к электрическим сетям на основании инструкции, размещаемой сетевой организацией в личном кабинете заявителя на официальном сайте сетевой организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Горгишели М. В.* Трансформация бизнес-моделей генерирующих компаний на российском рынке: просьюмеризм как движущая сила // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2019. — № 8. — С. 30–37.
2. *Зубакин В. А.* Анализ тенденций преобразований и развития российской электроэнергетики // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. — 2019. — № 6. — С. 104–115.
3. *Куликов А. Л., Осокин В. Л., Папков Б. В.* Проблемы и особенности распределенной электроэнергетики // Вестник Нижегородского государственного инженерно-экономического института. — 2018. — № 11. — С. 123–136.
4. *Символоков О. А.* Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики : монография. : Инфотропик Медиа, 2021. — 186 с.

Материал поступил в редакцию 26 сентября 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gorgisheli M. V. Transformatsiya biznes-modeley generiruyushchikh kompaniy na rossiyskom rynke: prosyumerizm kak dvizhushchaya sila // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. — 2019. — № 8. — S. 30–37.
2. Zubakin V. A. Analiz tendentsiy preobrazovaniy i razvitiya rossiyskoy elektroenergetiki // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki. — 2019. — № 6. — S. 104–115.
3. Kulikov A. L., Osokin V. L., Papkov B. V. Problemy i osobennosti raspredelennoy elektroenergetiki // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo inzhenerno-ekonomicheskogo instituta. — 2018. — № 11. — S. 123–136.
4. Simvolokov O. A. Dogovory v elektroenergetike: problemy teorii i praktiki: monografiya.: Infotropik Media, 2021. — 186 s.

Организационно-правовые механизмы интеграции «разового» типа диссертационного совета в государственную систему научной аттестации в условиях реализации Стратегии научно-технологического развития России

Аннотация. В статье проводится анализ практики организаций, обладающих правом самостоятельного присуждения ученых степеней, по вопросам регламентации типов диссертационных советов. Приводятся примеры организаций, регламентирующих функционирование советов по защите отдельных диссертаций на соискание ученых степеней. Выделяются характерные особенности «разовых» диссертационных советов. Рассматриваются положительные и отрицательные стороны внедрения «разового» типа диссертационного совета в государственную систему научной аттестации. Предлагаются варианты нормативного закрепления отдельных механизмов функционирования «разового» типа диссертационного совета, а также меры ответственности за проведение недобросовестной защиты диссертации. Делается вывод о том, что интеграция такого типа диссертационного совета в систему научной аттестации будет способствовать достижению цели Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации и позволит решить ряд задач, стоящих перед государством в условиях больших вызовов, таких как обеспечение становления лидерства России в научно-технологической сфере и преодоление концентрации исследовательского потенциала в отдельных регионах страны.

Ключевые слова: диссертационный совет; государственная система научной аттестации; стратегия научно-технологического развития; научная аттестация; присуждение ученых степеней; разовый диссертационный совет; научно-техническая политика; наука; доступность; масштабирование.

Для цитирования: Збарацкий Б. А. Организационно-правовые механизмы интеграции «разового» типа диссертационного совета в государственную систему научной аттестации в условиях реализации Стратегии научно-технологического развития России // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 5. — С. 163–172. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.163-172.

Благодарности. Исследование выполнено в целях реализации работы по научно-методическому обеспечению «Научно-методическое обеспечение регламентации условий расширения автономии организаций при предоставлении права самостоятельного присуждения ученых степеней с учетом ключевых трендов,

© Збарацкий Б. А., 2023

* Збарацкий Богдан Анатольевич, кандидат юридических наук, заместитель директора Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
bzbar@mail.ru

складывающихся в процессе становления новой модели государственной научной аттестации в 2016–2021 гг., а также трансформации системы государственной научной аттестации, гарантирующих качество экспертной оценки научной квалификации» (реестровый номер 850000Ф.99.1.БН66АА00000).

Organizational and Legal Mechanisms for Integrating a «One-Time» Type of Dissertation Council into the State System of Scientific Certification in the context of Implementation of the Strategy for Scientific and Technological Development of Russia

Bogdan A. Zbaratskiy, Cand. Sci. (Law), Deputy Director, Research Institute, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
bzbar@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the experience of organizations that have the right to independently award academic degrees as to the issues of regulating the types of dissertation councils. The author provides examples of organizations that regulate the functioning of councils for the defense of individual dissertations for scientific degrees. The characteristic features of «one-time» dissertation councils are highlighted. The positive and negative aspects of the introduction of a «one-time» type of dissertation council into the state system of scientific certification are considered. The author proposes possible options for the normative fixing of individual mechanisms as to the functioning of the «one-time» type of dissertation council, as well as measures of responsibility for conducting an unfair dissertation defense. It is concluded that the integration of this type of dissertation council into the system of scientific certification will contribute to the achievement of the goal of the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation. This will also make it possible to solve a number of tasks facing the state amid great challenges, such as ensuring the formation of Russia's leadership in scientific and technological sphere and overcoming the concentration of research potential in certain regions of the country.

Keywords: dissertation council; state system of scientific certification; strategy of scientific and technological development; scientific attestation; awarding academic degrees; one-time dissertation council; science and technology policy; science; accessibility; scaling.

Cite as: Zbaratskiy BA. Organizatsionno-pravovye mekhanizmy integratsii «razovogo» tipa dissertatsionnogo soveta v gosudarstvennyuyu sistemu nauchnoy attestatsii v usloviyakh realizatsii Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossii [Organizational and Legal Mechanisms for Integrating a «One-Time» Type of Dissertation Council into the State System of Scientific Certification in the context of Implementation of the Strategy for Scientific and Technological Development of Russia]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(5):163-172. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.163-172. (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgements. The purpose of the study is to implement the scientific and methodological support work, titled: «Scientific and methodological support for the regulation of the conditions for expanding the autonomy of organizations when granting the right to independently award academic degrees, taking into account the key trends emerging in the process of establishing a new model of state scientific certification in 2016–2021, and as well as the transformation of the system of state scientific certification, guaranteeing the quality of the expert assessment of scientific qualifications» (project number 850000Ф.99.1.БН66АА00000).

Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (далее — Стратегия), определяются цель и задачи научно-технологического развития Рос-

сии, устанавливаются принципы, приоритеты, основные направления и меры реализации государственной политики¹. Вектор Стратегии ориентирован на необходимость осуществления действий по трансформации науки и технологий

для обеспечения становления лидерства России в научно-технологической сфере и способности страны эффективно отвечать на большие вызовы.

События последних лет подтвердили актуальность положений Стратегии. Столь консервативная, проверенная годами, организация научной деятельности стала стремительно меняться в условиях современных реалий с целью надлежащего функционирования системы, адекватной времени и жизненным обстоятельствам.

Положительные и отрицательные стороны состояния научно-технологического развития России на современном этапе, закрепленные в пп. «б», «в» п. 11 Стратегии, позволяют отметить актуальность поиска решений проблем, в числе которых значительная дифференциация научных и образовательных организаций, концентрация исследовательского потенциала в нескольких регионах страны, наличие негативных тенденций в части квалификации и уровня мобильности российских исследователей.

В качестве генеральной цели в Стратегии устанавливается обеспечение независимости и конкурентоспособности государства за счет создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации.

На основании пп. «а», «б» п. 29 Стратегии для достижения цели необходимо создать возможность для выявления талантливой молодежи и построения успешной карьеры в области науки, обеспечивая развитие интеллектуального потенциала страны, а также сформировать условия для проведения исследований и разработок, соответствующих современным принципам организации научно-технической деятельности и лучшим российским и мировым практикам.

Безусловно, наличие нерешенных проблем и необходимость развития научной сферы обуславливают совершение определенных действий, направленных на изменение существующей системы, основные постулаты которой были заложены еще в советское время.

Поправки, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г., затронули все сферы общества, не стала исключением и научно-технологическая отрасль. В соответствии с п. «в.1» ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации Правительство РФ обеспечивает государственную поддержку научно-технологического развития Российской Федерации, сохранение и развитие ее научного потенциала².

Представляется возможным разделить содержание нормы, наделяющей Правительство РФ полномочиями, на три составляющих: во-первых, предусматривается задача по поддержке научно-технологического развития Российской Федерации; во-вторых, закрепляется ценность сохранения научного потенциала России; в-третьих, устанавливается цель развития научного потенциала государства. В этом ключе следует согласиться с Н. С. Бондарем и Э. Э. Бариновым в том, что конституционные нормы «могут быть представлены как категориальная форма выражения, квинтэссенция духа Конституции, а их юридические характеристики определяются в этом плане тем, что это не только доктринальные, но и нормативно определенные категории действующего конституционного права»³.

Т. Я. Хабриева и А. А. Клишас, анализируя п. «в.1» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ, отмечают, что норма является адекватной базой «для развития государства в условиях перехода к новому технологическому укладу»⁴. С учетом того, что

¹ СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6887.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.12.2022).

³ Бондарь Н. С., Баринов Э. Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть I. Конституционное мировоззрение в ценностном измерении обновленной Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 3–12.

⁴ Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования

государственная научно-техническая политика выражает отношение государства к научной и научно-технической деятельности, определяет цели, направления, формы деятельности различных органов государственной власти Российской Федерации⁵, для ее реализации необходима консолидация усилий не только органов публичной власти, но и научно-образовательного и предпринимательского сообществ, что в полной мере соответствует Стратегии.

Научно-технологическое развитие Российской Федерации, являясь длительным, сложно-организованным, многоаспектным процессом, не может проходить без внесения изменений в государственную систему научной аттестации.

Существенным фактором в консолидации усилий государства и научно-образовательного сообщества по научно-технологическому развитию России стало закрепление в 2016 г. в Федеральном законе от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее — Закон о науке) права ключевых образовательных и научных организаций на самостоятельное присуждение ученых степеней, создание на своей базе диссертационных советов, установление порядка присуждения ученых степеней, утверждение положения о совете по защите диссертаций. Перечень таких организаций и порядок его формирования устанавливается Правительством РФ. Исключениями из перечня Правительства РФ выступают Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова и Санкт-Петербургский университет, напрямую поименованные в Законе.

Как отмечает А. В. Габов, «по существу, такие организации стали осуществлять нормативное регулирование в области аттестации, не обеспеченное никаким предварительным нормо-

контролем»⁶. Следует согласиться с указанным мнением, поскольку Закон о науке наделял организации только правами без корреспондирующих обязанностей и не регламентировал ответственность. Тем не менее аттестационные процедуры, реализуемые такими организациями, являются частью государственной системы научной аттестации и не порождают формирование автономной системы.

Различия в подходах к вопросам научной аттестации в организациях, обладающих правом самостоятельного присуждения ученых степеней, необходимость поддержания высокого качества защищаемых диссертаций, соблюдение прав соискателей ученых степеней обусловили необходимость закрепления контрольно-надзорных функций за Минобрнауки России.

Федеральным законом от 07.10.2022 № 397-ФЗ⁷ внесены изменения в Закон о науке, в соответствии с которыми Минобрнауки России наделено полномочиями по установлению порядка осуществления мониторинга деятельности диссертационных советов организаций, обладающих правом самостоятельного присуждения ученых степеней, и контроля за соблюдением такими советами требований Закона о науке, в том числе правом приостанавливать или возобновлять деятельность таких советов. Кроме того, предусмотрено, что основания и порядок исключения из перечня организаций, обладающих правом самостоятельного присуждения ученых степеней, устанавливаются Правительством РФ.

Более чем шестилетний опыт реализации права самостоятельного присуждения ученых степеней позволил организациям определить собственные подходы к выбору типа диссертационного совета, в то время как приказ Минобр-

отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М. : Норма, Инфра-М, 2020. С. 59.

⁵ Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

⁶ Габов А. В. Государственная система научной аттестации как предмет правового регулирования в постсоветское время // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. № 2. С. 48–88.

⁷ Федеральный закон от 07.10.2022 № 397-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона “О науке и государственной научно-технической политике” и статью 11 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6959.

науки России от 10.11.2017 № 1093⁸ и приказ Минобрнауки России от 13.01.2021 № 5⁹ предусматривают возможность создания одного типа диссертационного совета — постоянно действующего.

Анализ локальных нормативных актов организаций, обладающих правом самостоятельного присуждения ученых степеней, позволил выявить иные типы диссертационных советов, отвечающих критерию мобильности, помимо постоянно действующих.

Так, в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», Национальном исследовательском технологическом университете «МИСиС», Новосибирском государственном университете функционируют постоянно действующие диссертационные советы, которые выполняют организационные и контрольно-надзорные функции. Для проведения защиты каждой конкретной диссертации формируется «разовый» диссертационный совет. НИТУ «МИСиС» отличает от НИУ ВШЭ и НГУ то обстоятельство, что в НИТУ «МИСиС» функционирует один диссертационный совет, в состав которого входят специалисты по всем специальностям из перечня научных специальностей и отраслей науки, по которым в НИТУ «МИСиС» принимаются к защите диссертации на соискание ученых степеней, тогда как в НИУ ВШЭ и НГУ диссертационные советы созданы по крупным областям науки и (или) группам научных специальностей.

В Московском государственном институте международных отношений, Московском физико-техническом институте (национальном исследовательском университете), Россий-

ской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и Санкт-Петербургском государственном университете отсутствуют постоянно действующие диссертационные советы, защита проводится «разовым» диссертационным советом. Процедура по формированию «разового» диссертационного совета возложена либо на специальный орган, либо на должностное лицо.

В Национальном медицинском исследовательском центре трансплантологии и искусственных органов имени академика В.И. Шумакова, Объединенном институте ядерных исследований, Первом Московском государственном медицинском университете имени И.М. Сеченова, Российском университете дружбы народов, Российском химико-технологическом университете имени Д.И. Менделеева, Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого и Южном федеральном университете предусматривается возможность формирования как постоянно действующих диссертационных советов, так и «разовых» диссертационных советов для защиты конкретной диссертации. При этом в НМИЦ ТИО им. ак. В.И. Шумакова, Сеченовском университете, РУДН, РХТУ, СПбПУ и ЮФУ «разовые» диссертационные советы создаются в случае представления диссертации по научной специальности, по которой отсутствует постоянно действующий диссертационный совет.

В Национальном исследовательском Томском политехническом университете и Санкт-Петербургском национальном исследовательском университете информационных технологий, механики и оптики функционируют постоянно действующие диссертационные советы в соста-

⁸ Приказ Минобрнауки России от 10.11.2017 № 1093 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.12.2022).

⁹ Приказ Минобрнауки России от 13.01.2021 № 5 «Об утверждении Административного регламента Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче по ходатайствам образовательных организаций высшего образования, образовательных организаций дополнительного профессионального образования и научных организаций разрешений на создание на их базе советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, определению и изменению составов этих советов, определению перечня научных специальностей, по которым этим советам предоставляется право приема диссертаций для защиты» // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.12.2022).

ве председателя, заместителя председателя и ученого секретаря. Персональный состав диссертационного совета утверждается на защиту каждой конкретной диссертации¹⁰.

Следует отметить, что за трехлетний период некоторые организации, обладающие правом самостоятельного присуждения ученых степеней, изменили подход к регламентации типа диссертационного совета¹¹. Кроме того, семь организаций предусмотрели возможность создания «разового» диссертационного совета при наличии такой необходимости.

Таким образом, существует несколько моделей функционирования диссертационных советов (кроме «классического» постоянно действующего диссертационного совета: 1) в организации функционирует постоянно действующий диссертационный совет, который формирует и контролирует «разовые» диссертационные советы; 2) в организации может быть сформирован исключительно «разовый» диссертационный совет; 3) в организации функционируют постоянно действующие диссертационные советы и имеется возможность сформировать «разовый» диссертационный совет при отсутствии постоянно действующего совета по необходимой научной специальности; 4) в организации функционирует постоянно действующий диссертационный совет в «усеченном» составе в лице председателя, заместителя председателя и ученого секретаря, для защиты диссертации утверждается персональный состав диссертационного совета.

Анализ локальных нормативных актов всех вышеуказанных организаций позволяет выделить характерные особенности «разовых» диссертационных советов: а) создаются для одно-

кратного проведения защиты отдельно взятой диссертации; б) как правило, имеют немногочисленный количественный состав; в) наделяются полномочиями с даты принятия решения о создании такого совета; г) прекращают полномочия с момента присуждения ученой степени или принятия решения об отказе в присуждении ученой степени либо после наступления иного юридического факта, регламентированного локальным нормативным актом организации, обладающей правом самостоятельного присуждения ученых степеней (выдача диплома о присуждении ученой степени или принятие решения об отказе в выдаче диплома, принятие акта о прекращении деятельности диссертационного совета, прохождении апелляции и др.).

В этой связи целесообразно не согласиться с С. Ю. Егоровым, приравнивающим «разовые» диссертационные советы к иным структурам, присуждающим степени, не предусмотренные государственной системой научной аттестации¹².

Опыт функционирования «разовых» диссертационных советов на базе организаций, обладающих правом самостоятельного присуждения ученых степеней, предоставляет возможность трансфера лучших практик в систему государственной научной аттестации. О. В. Романовская справедливо отмечает, что «наряду с предоставлением дополнительных академических свобод ведущим научным и образовательным организациям следует реформировать и “классическую” систему аттестации. В противном случае будут постоянно наблюдаться искусственное противопоставление двух систем, нездоровая конкуренция, ощущение временности альтернативной модели аттестации»¹³.

¹⁰ Вся информация о типах диссертационных советов взята из действующих локальных нормативных актов по вопросам научной аттестации, размещенных на официальных сайтах организаций, обладающих правом самостоятельного присуждения ученых степеней.

¹¹ См. подробнее: *Пахомов С. И., Петров М. П., Абалакин К. С., Мацкевич И. М.* Право на самостоятельность. Размышления о первом опыте самостоятельного присуждения ученых степеней ведущими центрами науки и образования и насущных задачах развития системы научной аттестации в стране // *Высшее образование сегодня*. 2019. № 8. С. 2–12.

¹² *Егоров С. Ю.* Работа диссертационных советов новой системы научной аттестации // *Университетское управление: практика и анализ*. 2022. Т. 26. № 1. С. 82–91.

¹³ *Романовская О. В.* Проблемы становления правового режима государственной системы научной аттестации // *Наука. Общество. Государство*. 2021. Т. 9. № 3 (35). С. 78–87.

6 октября 2022 г. состоялось заседание Комитета советников Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России. Министром науки и высшего образования РФ озвучены предложения по трансформации системы государственной научной аттестации о необходимости масштабировать подготовку молодых ученых, что обуславливает возможность экстраполяции на всю систему аттестации научных кадров практики функционирования «разовых» диссертационных советов. Подобные меры позволят привлечь в состав таких советов ученых из числа специалистов именно по профилю конкретной защищаемой диссертации, что соответствует мировому опыту проведения защит диссертаций¹⁴.

Таким образом, Минобрнауки России совместно с Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России прорабатывают вопрос об интеграции «разовых» диссертационных советов в систему государственной научной аттестации, что позволит научным и образовательным организациям выбирать тип диссертационного совета (постоянно действующий или «разовый»), наиболее подходящий специфике организации и ее возможностям. Однако для обеспечения функционирования таких советов необходимо выработать надлежащее правовое регулирование и механизмы их имплементации. По мнению автора, наличие возможности выбора типа диссертационного совета у организаций в полной мере соответствует Стратегии научно-технологического развития России, в частности достижению цели по наиболее полному использованию интеллектуального потенциала нации и решению проблемы концентрации исследовательского потенциала лишь в нескольких регионах страны.

Следует отметить, что количество защит диссертаций находится в прямой причинно-следственной связи с числом функционирующих диссертационных советов, а опрос выпускников

аспирантуры подтверждает, что отсутствие диссертационного совета в организации, в которой подготавливалась диссертация, является одной из существенных проблем, возникающих у лиц, претендующих на соискание ученой степени¹⁵.

Одним из решений данной проблемы может стать использование организацией возможности создания «разового» диссертационного совета. Целесообразно рассмотреть положительные и отрицательные стороны внедрения такого типа диссертационного совета в государственную систему научной аттестации.

На наш взгляд, положительными сторонами «разового» диссертационного совета могут являться: 1) возможность проведения защиты диссертации при отсутствии постоянно действующего диссертационного совета; 2) широкий охват организаций, имеющих возможность создать диссертационный совет; 3) возможность выбора организацией типа диссертационного совета; 4) упрощенный порядок создания по сравнению с постоянно действующим диссертационным советом; 5) возможность защиты диссертации при участии членов диссертационного совета, специализирующихся на теме исследования; 6) меньший количественный состав членов диссертационного совета; 7) соответствие мировым и лучшим российским практикам научной аттестации; 8) повышение доступности аттестационных процедур для организаций, находящихся в территориальном удалении от концентрации исследовательского потенциала.

К отрицательным сторонам данного типа диссертационного совета возможно отнести: 1) длительный процесс создания «разового» диссертационного совета, что может стать причиной утраты потребности в его создании; 2) переход ответственности за действия «разового» диссертационного совета к организации, на базе которой создается такой совет; 3) риск «всплеска» недобросовестных защит диссертаций; 4) отсутствие единого для организаций

¹⁴ Валерий Фальков предложил изменения в систему научной аттестации // URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/59495/?sphrase_id=4249262 (дата обращения: 04.12.2022).

¹⁵ См. подробнее: Бедный Б. И., Воронин Г. Л., Миронос А. А., Рыбаков Н. В. Барьеры на пути к ученой степени: проблемы постаспирантского периода // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 1. С. 35–48.

органа, осуществляющего предварительный прием диссертации к защите.

Учитывая, что процедура создания постоянно действующего диссертационного совета предусмотрена приказом Минобрнауки России от 13.01.2021 № 5, который устанавливает, что срок предоставления государственной услуги по выдаче разрешений на создание диссертационных советов составляет не более девяти месяцев, то для «разового» диссертационного совета имеется необходимость регламентировать сокращение указанного срока в силу его специфики. Процедура создания такого совета не может начаться ранее наличия в организации уже подготовленной диссертации. Одним из вариантов решения проблемы длительного срока создания «разового» диссертационного совета может являться внедрение уведомительного порядка Минобрнауки России о начале формирования «разового» диссертационного совета. Фактическая проверка материалов Министерством может осуществляться одновременно с процедурой защиты диссертации либо после ее проведения.

Для организации, претендующей на создание «разового» диссертационного совета, существенным фактором является наличие надлежащего количества кандидатов в члены «разового» диссертационного совета. Одним из вариантов решения указанной проблемы может являться утверждение списка действующих членов диссертационных советов по каждой научной специальности во всех организациях на федеральном уровне с «разбивкой» по федеральным округам либо наделение полномочием ВАК при Минобрнауки России по самостоятельному назначению членов «разового» диссертационного совета при наличии обращения от организации, планирующей создать «разовый» диссертационный совет, а также выработкой критериев для кандидатов в члены «разового» диссертационного совета. Кроме того, на заседании Комитета советников ВАК при Минобрнауки России поднимался вопрос о формировании широкого пула экспертов по каждой из 360 научных специальностей Номенклатуры научных

специальностей, который также представляется возможным использовать для подбора кандидатов в «разовый» диссертационный совет, при условии наличия доступа организаций к такому списку экспертов.

Внедряя данный тип диссертационного совета, необходимо регламентировать критерии ответственности за недобросовестную защиту диссертации. Поскольку «разовый» диссертационный совет не является постоянно действующим органом, возможны следующие варианты регламентации ответственности в случае выявления проведения недобросовестной защиты: 1) персональная ответственность каждого члена «разового» диссертационного совета (запрет осуществлять полномочия члена любого диссертационного совета в течение пяти лет с момента выявления нарушения); 2) коллективная ответственность всех членов «разового» диссертационного совета (запрет осуществлять деятельность в данном составе в течение пяти лет с момента выявления нарушения); 3) ответственность организации, на базе которой создан диссертационный совет (запрет создавать «разовые» диссертационные советы по определенной группе научных специальностей в течение пяти лет с момента выявления нарушения).

Безусловно, все обозначенные как положительные, так и отрицательные аспекты требуют детальной проработки и обсуждения с научным сообществом для формирования наиболее приемлемой модели интеграции «разового» диссертационного совета в государственную систему научной аттестации. В этом ключе целесообразно поддержать позицию С. А. Васильева и С. С. Зенина, согласно которой «развитие государственной системы аттестации научных кадров высшей квалификации должно быть ориентировано на повышение конкурентоспособности отечественного научно-исследовательского комплекса... внедрение современных механизмов и институтов, обеспечивающих получение перспективных и опережающих научных результатов мирового уровня, интенсификацию подготовки высококачественных исследователей»¹⁶.

¹⁶ Васильев С. А., Зенин С. С. Тенденции развития государственной системы научной аттестации и возникающие в связи с этим проблемы // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории

Таким образом, наличие в системе государственной научной аттестации возможности создания «разового» диссертационного совета позволит обеспечить доступность аттестационных процедур для большего количества организаций и соискателей ученых степеней, что потенциально может увеличить количество защит диссертаций, тем самым способствовать достижению цели и решить проблемы, обозначенные в Стратегии научно-технологического развития России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бедный Б. И., Воронин Г. Л., Миронос А. А., Рыбаков Н. В. Барьеры на пути к ученой степени: проблемы постаспирантского периода // Университетское управление: практика и анализ. — 2021. — Т. 25. — № 1. — С. 35–48.
2. Бондарь Н. С., Баринов Э. Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть I. Конституционное мировоззрение в ценностном измерении обновленной Конституции России // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 12. — С. 3–12.
3. Васильев С. А., Зенин С. С. Тенденции развития государственной системы научной аттестации и возникающие в связи с этим проблемы // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». — 2019. — № 15. — С. 79–87.
4. Габов А. В. Государственная система научной аттестации как предмет правового регулирования в постсоветское время // Методологические проблемы цивилистических исследований. — 2020. — № 2. — С. 48–88.
5. Егоров С. Ю. Работа диссертационных советов новой системы научной аттестации // Университетское управление: практика и анализ. — 2022. — Т. 26. — № 1. — С. 82–91.
6. Пахомов С. И., Петров М. П., Абалакин К. С., Мацкевич И. М. Право на самостоятельность. Размышления о первом опыте самостоятельного присуждения ученых степеней ведущими центрами науки и образования и насущных задачах развития системы научной аттестации в стране // Высшее образование сегодня. — 2019. — № 8. — С. 2–12.
7. Романовская О. В. Проблемы становления правового режима государственной системы научной аттестации // Наука. Общество. Государство. — 2021. — Т. 9. — № 3 (35). — С. 78–87.
8. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». — М.: Норма, Инфра-М, 2020. — 240 с.

Материал поступил в редакцию 27 декабря 2022 г.

«Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2019. № 15. С. 79–87.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bednyy B. I., Voronin G. L., Mironos A. A., Rybakov N. V. Barery na puti k uchenoy stepeni: problemy postaspirantskogo perioda // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. — 2021. — T. 25. — № 1. — S. 35–48.
2. Bondar N. S., Barinov E. E. Aksiologiya konstitutsionnogo mirovozzreniya. Chast I. Konstitutsionnoe mirovozzrenie v tsennostnom izmerenii obnovlennoy Konstitutsii Rossii // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2021. — № 12. — S. 3–12.
3. Vasilev S. A., Zenin S. S. Tendentsii razvitiya gosudarstvennoy sistemy nauchnoy attestatsii i voznikayushchie v svyazi s etim problemy // Vestnik obshchestvennoy nauchno-issledovatel'skoy laboratorii «Vzaimodeystvie ugolovno-ispolnitel'noy sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovyye i teoretiko-metodologicheskiye aspekty». — 2019. — № 15. — S. 79–87.
4. Gabov A. V. Gosudarstvennaya sistema nauchnoy attestatsii kak predmet pravovogo regulirovaniya v postsovetskoe vremya // Metodologicheskiye problemy tsivilisticheskikh issledovaniy. — 2020. — № 2. — S. 48–88.
5. Egorov S. Yu. Rabota dissertatsionnykh sovetov novoy sistemy nauchnoy attestatsii // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. — 2022. — T. 26. — № 1. — S. 82–91.
6. Pakhomov S. I., Petrov M. P., Abalakin K. S., Matskevich I. M. Pravo na samostoyatel'nost. Razmyshleniya o pervom opyte samostoyatel'nogo prisuzhdeniya uchenykh stepeney vedushchimi tse'ntrami nauki i obrazovaniya i nasushchnykh zadachakh razvitiya sistemy nauchnoy attestatsii v strane // Vysshee obrazovanie segodnya. — 2019. — № 8. — S. 2–12.
7. Romanovskaya O. V. Problemy stanovleniya pravovogo rezhima gosudarstvennoy sistemy nauchnoy attestatsii // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. — 2021. — T. 9. — № 3 (35). — S. 78–87.
8. Khabrieva T. Ya., Klishas A. A. Tematicheskiy kommentariy k Zakonu Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdelnykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti». — M.: Norma, Infra-M, 2020. — 240 s.

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.173-180

Е. Н. Дорошенко*

О возможности представления диссертации на соискание ученой степени кандидата наук в форме доклада, подготовленного на основе опубликованных работ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о возможности оформления диссертации на соискание ученой степени кандидата наук в виде научного доклада, подготовленного на основе совокупности ранее опубликованных соискателем работ по соответствующей отрасли науки, имеющих большое значение для науки, техники и технологий. Рассмотрен опыт регулирования такого формата в отношении докторской диссертации, в том числе организациями, реализующими право самостоятельного присуждения ученых степеней. Исследованы основные характеристики данного формата, в том числе требование известности результатов исследований и разработок широкому кругу специалистов. Оценены возможные риски и последствия внедрения формата кандидатской диссертации в виде научного доклада, связанные с отказом от необходимости оформлять материалы научного исследования в соответствии с едиными правилами оформления рукописи диссертации. Проанализированы возможные изменения нормативных правовых актов о публикационной активности соискателя ученой степени, о требованиях к структуре научного доклада.

Ключевые слова: защита диссертации; научный доклад; ученая степень; научная аттестация; соискатель ученой степени; присуждение ученой степени; аспирантура; диссертационный совет; подготовка научных кадров; диссертация; право самостоятельного присуждения ученых степеней; Минобрнауки России.

Для цитирования: Дорошенко Е. Н. О возможности представления диссертации на соискание ученой степени кандидата наук в форме доклада, подготовленного на основе опубликованных работ // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 5. — С. 173–180. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.173-180.

Благодарности. Исследование выполнено в целях реализации работы по научно-методическому обеспечению «Научно-методическое обеспечение регламентации условий расширения автономии организаций при предоставлении права самостоятельного присуждения ученых степеней с учетом ключевых трендов, складывающихся в процессе становления новой модели государственной научной аттестации в 2016–2021 гг., а также трансформации системы государственной научной аттестации, гарантирующих качество экспертной оценки научной квалификации» (реестровый номер 850000Ф.99.1.БН66АА00000).

© Дорошенко Е. Н., 2023

* Дорошенко Егор Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 endoroshenko@msal.ru

On the Possibility of Dissertation for Candidate of Science Degree Submission in the Form of a Report Prepared Based on the Published Works

Egor N. Doroshenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
endoroshenko@msal.ru

Abstract. The paper deals with the possibility of presenting a candidate of science degree dissertation in the form of a scientific report prepared based on a set of works previously published by the applicant in the relevant field of science, which are of great importance for science, engineering and technology. The author considers the experience of regulating this format in relation to a doctoral dissertation, including organizations exercising the right to independently award academic degrees. The main characteristics of this format are studied, including the requirement that a wide range of specialists know the results of research and development. The possible risks and consequences of introducing the format of a candidate degree dissertation in the form of a scientific report, associated with the refusal to formalize the materials of a scientific research in accordance with the uniform rules for preparing a dissertation manuscript, are assessed. Possible changes in the normative legal acts on the publication activity of the applicant for a scientific degree, on the requirements for the structure of a scientific report are analyzed.

Keywords: dissertation defense; scientific report; academic degree; scientific attestation; scientific degree applicant; scientific degree award; postgraduate studies; dissertation council; academic personnel training; thesis; right to independently award academic degrees; Ministry of Education and Science of Russia.

Cite as: Doroshenko EN. O vozmozhnosti predstavleniya dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata nauk v forme doklada, podgotovlennogo na osnove opublikovannykh rabot [On the Possibility of Dissertation for Candidate of Science Degree Submission in the Form of a Report Prepared Based on the Published Works]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(5):173-180. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.173-180. (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgements. The purpose of the study is to implement the scientific and methodological support work, titled: «Scientific and methodological support for the regulation of the conditions for expanding the autonomy of organizations when granting the right to independently award academic degrees, taking into account the key trends emerging in the process of establishing a new model of state scientific certification in 2016–2021, and as well as the transformation of the system of state scientific certification, guaranteeing the quality of the expert assessment of scientific qualifications» (project number 850000F.99.1.BN66AA00000).

В октябре 2022 г. Министерством науки и высшего образования Российской Федерации на обсуждение научного сообщества вынесен ряд инициатив по реформированию системы государственной научной аттестации. В рамках решения таких задач, как повышение эффективности аспирантуры, масштабирование подготовки молодых ученых (кандидатов и докторов наук) по приоритетным направлениям развития науки и технологий, в частности, предложено рассмотреть вопрос о возможности защиты кандидатских диссертаций, подготов-

ленных в аспирантуре, в виде научного доклада, т.е. по совокупности опубликованных работ, без подготовки отдельного текста диссертации¹.

Учитывая, что выбор формата обзорного доклада, содержащего в себе изложение опубликованных научных работ, осуществляется по усмотрению соискателя ученой степени, механизм научной аттестации приобретает дополнительную гибкость при сохранении уровня требований к оцениваемым результатам научной деятельности исследователя, который не располагает достаточным временем для форми-

¹ Валерий Фальков предложил изменения в систему научной аттестации // URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/59495/> (дата обращения: 01.12.2022).

рования объемного и формализованного текста рукописи диссертации.

Достижимая экономия трудозатрат исследователя позволяет уделить большее внимание содержательно емким научным статьям, проходящим процедуры рецензирования и являющимся предметом внимания со стороны научного сообщества; выступает фактором, повышающим качество регулирования процедуры защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Снижение излишней трудоемкости процедур научной аттестации, являющихся барьером для эффективной научной деятельности, происходит также за счет отказа от необходимости оформлять материалы публикации, сформированные в соответствии с требованиями научных изданий (которые могут не совпадать), в соответствии с едиными правилами оформления рукописи диссертации.

Формат защиты диссертации без подготовки квалификационной рукописи не является принципиально новым для регулирования присуждения ученой степени. Нормативные правовые акты 1930-х гг., принятые в СССР в области аттестации научно-педагогических работников, предполагали возможность представления в качестве диссертации опубликованной работы, а также учебника для высшей школы, отвечающего предъявляемым требованиям. Инструктивные документы 1950-х и 1960-х гг. допускали принятие к защите (с разрешения Высшей аттестационной комиссии) опубликованных работ, обогативших науку и технику новыми открытиями, а также крупных изобретений и работ по созданию техники и технологий². Положение о порядке присуждения ученых степеней 2002 г. предусматривало, что соискатель ученой степени доктора наук имел возможность пред-

ставить диссертацию в виде научного доклада; докторская диссертация в виде научного доклада готовилась на основе не менее 50 ранее опубликованных работ по соответствующей отрасли знаний, имеющих большое значение для науки и практики, и допускалась к защите по ходатайству диссертационного совета при наличии положительного заключения Высшей аттестационной комиссии³.

Положение о присуждении ученых степеней 2013 г. в первоначальной редакции не предусматривало представления диссертации в виде научного доклада, однако соответствующие положения (для диссертации на соискание ученой степени доктора наук) были введены постановлением Правительства РФ в 2021 г.⁴

Формат защиты диссертации в виде доклада по совокупности публикаций, содержащих в себе результаты научного исследования, используется и в зарубежных университетах. Как правило, такая форма предусмотрена в качестве альтернативы представлению рукописи диссертации для практикующих исследователей и преподавателей, ведущих активную научную деятельность, но в силу установления повышенных требований к соискателю основным форматом научной аттестации остается защита рукописи⁵.

В настоящее время ряд российских образовательных и научных организаций, реализующих право самостоятельного присуждения ученых степеней: ИХБФМ СО РАН, МФТИ, Сеченовский университет, СПбГУ, РУДН, — предусмотрели в локальных нормативных актах возможность защиты диссертации на соискание ученой степени доктора наук в форме доклада, подготовленного на основе опубликованных работ. Кроме того, локальные нормативные акты НИУ «Высшая школа экономики» предусматривают

² Зайцева Л. А., Мацкевич И. М. Еще раз о двухуровневой системе присуждения ученых степеней (история и современность) // Юридическое образование и наука. 2013. № 2. С. 2–13.

³ Постановление Правительства РФ от 30.01.2002 № 74 «Об утверждении единого реестра ученых степеней и ученых званий и Положения о порядке присуждения ученых степеней» // СЗ РФ. 2002. № 6. Ст. 580.

⁴ Постановление Правительства РФ от 20.03.2021 № 426 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 26 мая 2020 г. № 751» // СЗ РФ. 2021. № 13 (ч. II). Ст. 2252.

⁵ Егоров С. Ю. Проблема целостности новой российской системы научной аттестации (на примере требований к диссертации) // Современное образование. 2022. № 1. С. 9–21.

возможность представления диссертации на соискание ученых степеней доктора наук и кандидата наук в виде трех и более научных статей.

Само понятие «диссертация в виде научного доклада» в локальных нормативных актах этих организаций основано на едином подходе и соответствует действующему Положению о присуждении ученых степеней: речь идет о кратком обобщенном изложении результатов проведенных исследований и разработок, известных широкому кругу специалистов.

Известность научных результатов — оценочный качественный критерий, предполагающий, что с момента опубликования уже миновал период, достаточный для ознакомления с ними заинтересованных лиц, а сами публикации достаточно актуальны и сделаны в авторитетных профильных изданиях. Постановление Правительства РФ № 842⁶ предусматривает, что такие издания определяются в соответствии с рекомендацией Высшей аттестационной комиссии; организации, реализующие право самостоятельного присуждения ученых степеней, закрепили соответствующую функцию ученых советов или сделали отсылку к международным базам данных. Таким образом, известность результатов проведенного соискателем ученой степени научного исследования широкому кругу специалистов как характеристика диссертации в виде научного доклада определяется установленными требованиями к количеству его публикаций и источникам опубликования. Период проведения такого исследования не ограничивается нормативным сроком освоения программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), который составляет по очной форме обучения три года, а по ряду специальностей, указанных в приказе Минобрнауки России от 20.10.2021

№ 951⁷, — четыре года (по заочной форме — четыре и пять лет соответственно). Осуществление научной работы также является неотъемлемым элементом освоения программ магистратуры (научно-исследовательская работа как тип учебной и производственной практики, подготовка и защита магистерской диссертации в рамках итоговой аттестации); интеграция науки и образования на основе различных форм участия обучающихся в научных исследованиях и экспериментальных разработках является принципом государственной научно-технической политики, реализуемой на всех уровнях высшего образования, что не позволяет говорить о недостатке времени для соискателя ученой степени кандидата наук (потенциально — молодого ученого) для достижения указанной «известности» результатов научного исследования.

Неопределенность в отношении фактических возможностей использования международных баз данных для индексации публикаций, содержащих основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени, оформленной в виде научного доклада, требует гибкого регулирования и своевременного обновления требований на основе рекомендаций научного сообщества, научных и образовательных организаций. Действующая редакция постановления Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 предусматривает, что определение международных баз данных, индексация публикаций в которых приравнивается к статусу рецензируемого издания, осуществляется в соответствии с рекомендациями Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Менее формализованным выглядит признак «большое значение для науки, техники и технологий», который должен характеризовать работы соискателя. Специалистами отмечается,

⁶ Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с Положением о присуждении ученых степеней) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2022).

⁷ Приказ Минобрнауки России от 20.10.2021 № 951 «Об утверждении федеральных государственных требований к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), условиям их реализации, срокам освоения этих программ с учетом различных форм обучения, образовательных технологий и особенностей отдельных категорий аспирантов (адъюнктов)» // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.12.2022).

что в целом технология оценки научных результатов диссертаций не имеет в настоящее время нормативного закрепления⁸.

В этой связи ключевой является норма о количестве публикаций соискателя, в которых излагаются основные научные результаты диссертации, представленной в виде доклада, устанавливающая повышенные требования. Соответствующий порог повышен в постановлении Правительства РФ № 842 в 3–3,3 раза: с 15 до 50 по историческим, педагогическим, политическим, психологическим, социологическим, филологическим, философским, экономическим, юридическим отраслям науки, искусствоведению, культурологии и теологии; с 10 до 30 по остальным отраслям науки. Аналогичный подход реализован и указанными выше организациями (от 20 до 30 публикаций); если прямое указание на минимальный порог отсутствует в локальном нормативном акте, то соответствующее решение принимается ученым советом. Так, приказом ученого секретаря СПбГУ по предложению ученого совета СПбГУ могут быть установлены более высокие требования к публикациям по отдельным отраслям науки и (или) отдельным научным специальностям, а также к их количеству, необходимому для представления в СПбГУ диссертации на рассмотрение и защиту.

Повышение требований к публикационной активности соискателя ученой степени, представившего диссертацию в виде научного доклада, не может быть рассмотрено как установление дополнительных ограничений для соискателя ученой степени. Как отмечает И. М. Мацкевич, возможность защиты докторской диссертации в виде научного доклада не заменяет возможности защиты диссертации в виде полноценной самостоятельной рукописи, а дополнительные публикации лишь подтверждают статус состоявшегося ученого⁹.

Научный доклад, представляемый соискателем ученой степени, сопоставим по содержанию с авторефератом «обычной» диссертации, так как основное содержание доклада кратко раскрывает содержание глав (разделов) диссертации, и он подлежит обязательной рассылке (вместо автореферата). Если Положение о совете по защите диссертаций, утвержденное Минобрнауки России, не содержит указания о максимальном объеме доклада, то в ИХБФМ СО РАН он прямо установлен — до двух авторских листов. Структура доклада получила особое подробное регулирование в СПбГУ, где предусмотрено, что краткое введение должно содержать изложение решаемой научной проблемы, поставленных в исследовании задач и их значения для развития науки, а краткое описание полученных соискателем результатов — сопровождаться ссылками на публикации соискателя и указанием степени его личного участия в их получении.

Предоставление соискателю ученой степени доктора науки возможности представления диссертации в виде доклада определило незначительную доработку регулирования соответствующих процедур. Так, постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 предусматривает обязательное размещение на официальном сайте организации, на базе которой создан диссертационный совет, перечня публикаций, содержащих основные научные результаты диссертации, с указанием ссылки на сетевой адрес размещения этих публикаций в сети Интернет либо без такой ссылки в случае представления публикаций в диссертационный совет.

Дополнительную процедуру предусматривает Положение о диссертационных советах ИХБФМ СО РАН. Для представления в диссертационный совет диссертации на соискание ученой степени доктора наук, выполненной в виде научного доклада, соискатель должен

⁸ Якушев А. Н. Показатели научных результатов диссертаций, критерии, технология и показатели их оценки в России: нормативные пробелы действующего Положения // Юридическое образование и наука. 2014. № 3. С. 21–25.

⁹ Мацкевич И. М. Повышение качества диссертационных работ по юридическим наукам: новые управленческие решения, проекты инновационной модернизации и проблемы их реализации // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 25–30.

предварительно получить согласие диссертационного совета рассмотреть эту диссертацию в виде научного доклада. Заявление соискателя с приложением списка публикаций рассматривается диссертационным советом в течение одного месяца, и на него может быть подготовлен мотивированный отказ.

Таким образом, механизмом, препятствующим снижению качества научной экспертизы при внедрении модели диссертации в виде научного доклада, может выступить разрешительный порядок использования данного формата (необходимость принятия специального решения диссертационным советом, или коллегиальным органом управления организации, или Высшей аттестационной комиссией).

Инициатива Минобрнауки России о возможности защиты кандидатских диссертаций в виде научного доклада носит инновационный и экспериментальный характер, в связи с чем распространить ее предлагается только на защиты, состоявшиеся в период освоения программ аспирантуры или в течение одного года после выпуска. Примечательно, что пока структура программ аспирантуры регламентировалась федеральными государственными образовательными стандартами, в состав государственной итоговой аттестации наряду со сдачей государственного экзамена входило представление научного доклада об основных результатах подготовленной научно-квалификационной работы (диссертации). Требования к такому научному докладу, порядок его подготовки и представления, а также критерии его оценки были установлены образовательными организациями самостоятельно. В составе документации образовательных программ утверждались требования о структуре доклада, предполагающие наличие основной части, в которой отражаются основные результаты подготовленной диссертации, свидетельствующие о вкладе автора в проведенное исследование, о теоретической и

практической значимости полученных результатов, а также перечня опубликованных работ. Заметно определенное сходство между научным докладом как формой итоговой аттестации по программам аспирантуры и научным докладом как видом диссертации, предусмотренным Положением о присуждении ученых степеней.

В действующих федеральных государственных требованиях к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)¹⁰ итоговая аттестация проводится в форме оценки диссертации на предмет ее соответствия критериям, установленным в соответствии с Федеральным законом от 23.08.1996 № 127-ФЗ¹¹. Таким образом, предоставление права соискателю ученой степени кандидата наук представлять диссертацию в виде научного доклада, возможно, потребует соответствующих уточнений в федеральных государственных требованиях и методической документации по программам аспирантуры.

Кроме того, на обсуждение поставлен вопрос о применении новых положений только к диссертациям в области технических, физико-математических и других естественных наук (по оценкам Минобрнауки, эксперимент затронет 25 % выпускников аспирантуры); указывается на важность подготовки самого текста диссертации в области гуманитарных наук, где умение «написать текст» является самостоятельной исследовательской компетенцией¹². И здесь еще раз необходимо отметить, что подготовка кадров высшей квалификации, в соответствии с российским законодательством, является одним из уровней профессионального образования, в связи с чем диссертация на соискание ученой степени кандидата наук не только является научно-квалификационной работой, но и фактически выполняет функцию выпускной квалификационной работы в рамках образовательной программы.

Представляется, что отказ от формирования отдельной рукописи диссертации не является

¹⁰ Приказ Минобрнауки России от 20.10.2021 № 951.

¹¹ Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

¹² Аспирантам разрешат не писать диссертации // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/10/07/944289-aspirantam-razreshat-ne-pisat-dissertatsii> (дата обращения: 01.12.2022).

фактором, негативно влияющим на умения и навыки, касающиеся логики построения текста и его грамматического оформления. Материалы публикаций в рецензируемых изданиях, которые обобщаются в научном докладе, готовятся в соответствии с редакционными требованиями; выполнение этих требований является обязательным условием размещения публикации. Представление диссертации в виде научного доклада исключает возможность приравнять к публикациям патенты, полезные модели, промышленные образцы и другие нетекстовые результаты научной деятельности. Специфика отдельных направлений научных исследований, прежде всего естественно-научных, не предполагает формулирование их результатов в объемных массивах текста; большее значение приобретают цифровые, формульные, табличные данные, обобщение которых осуществляется в рамках подготовки научного доклада.

Развитие цифровизации неизбежно поставит вопрос о применении и других форм представления информации о результатах научного исследования. Так, высказывались предположения о возможности применения в диссертации новых когнитивных технологий виртуальной реальности, «использующих интеграцию... текстовой, объемной, графической, образной, звуковой и другой информации»¹³.

В пункте 13 Положения о присуждении ученых степеней должно быть определено количество публикаций, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, оформленной в виде научного доклада. При этом необходимо учесть, что установление чрезмерно высоких количественных требований к научным публикациям соискателя является излишним административным барьером для молодого ученого, который в короткие сроки осуществил решение научной задачи или обосновал новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки. Выполнение требований к количе-

ству опубликованных материалов само по себе не является подтверждением соответствия их содержания критериям, установленным для диссертации. Таким образом, дополнительные условия допуска к защите кандидатской диссертации, выполненной в форме научного доклада, не должны быть избыточными.

Так как внедрение и развитие формата научного доклада для диссертации на соискание ученой степени кандидата наук предполагает использование механизмов оценки востребованности и практической значимости публикаций, на которых он базируется (с учетом отсутствия отдельной рукописи диссертации), предлагается рассмотреть вопрос о дополнении Положения о порядке присуждения ученых степеней и Порядка размещения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информации, необходимой для обеспечения порядка присуждения ученых степеней¹⁴ нормами о размещении на сайте организации, на базе которой создан диссертационный совет, полного текста публикаций, в которых излагаются основные научные результаты диссертации (при отсутствии сетевого адреса, используемого для доступа к этим публикациям в сети Интернет). Предлагается также установить требование о размещении наукометрической информации о научном издании, в котором опубликована статья. Эффективное использование формата диссертации в виде научного доклада (в том числе на соискание ученой степени кандидата наук) обусловлено развитием информационных технологий, связанных с анализом цитируемости опубликованных научных статей. Компьютеризированный анализ цитируемости позволяет осуществлять не только оценку и количественное измерение влияния, оказываемого публикацией на соответствующую сферу научной деятельности, но и количественное измерение значимости источника опубликования (научного издания).

Таким образом, полноценное внедрение формата диссертации в виде научного до-

¹³ Зражевская Т. Д. Методология проведения предварительной экспертизы конституционно-правовой диссертации: опыт кафедры // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 3. С. 37–40.

¹⁴ Утвержден приказом Минобрнауки РФ от 16.04.2014 № 326 (СПС «КонсультантПлюс»).

клада в процедуру защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук в рамках постановления Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 предполагает: установление повышенных требований к публикационной активности соискателя ученой степени кандидата наук, представляющего диссертацию в форме научного доклада; установление требований к объему и структуре научного доклада; закрепление гарантий доступности для экспер-

тов текста публикаций соискателя, на основе содержания которых представляется научный доклад. При этом разработки и внедрения особых процедур представления документов, рассмотрения и принятия диссертации к защите, защиты диссертации и принятия решения диссертационным советом по результатам защиты кандидатской диссертации, выполненной в форме научного доклада, по-видимому, не требуется.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Егоров С. Ю. Проблема целостности новой российской системы научной аттестации (на примере требований к диссертации) // Современное образование. — 2022. — № 1. — С. 9–21.
2. Зайцева Л. А., Мацкевич И. М. Еще раз о двухуровневой системе присуждения ученых степеней (история и современность) // Юридическое образование и наука. — 2013. — № 2. — С. 2–13.
3. Зражевская Т. Д. Методология проведения предварительной экспертизы конституционно-правовой диссертации: опыт кафедры // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 3. — С. 37–40.
4. Мацкевич И. М. Повышение качества диссертационных работ по юридическим наукам: новые управленческие решения, проекты инновационной модернизации и проблемы их реализации // Юридическая техника. — 2021. — № 15. — С. 25–30.
5. Якушев А. Н. Показатели научных результатов диссертаций, критерии, технология и показатели их оценки в России: нормативные пробелы действующего Положения // Юридическое образование и наука. — 2014. — № 3. — С. 21–25.

Материал поступил в редакцию 27 декабря 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Egorov S. Yu. Problema tselostnosti novoy rossiyskoy sistemy nauchnoy attestatsii (na primere trebovaniy k dissertatsii) // Sovremennoe obrazovanie. — 2022. — № 1. — S. 9–21.
2. Zaytseva L. A., Matskevich I. M. Eshche raz o dvukhurovnevoy sisteme prisuzhdeniya uchenykh stepeney (istoriya i sovremennost) // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. — 2013. — № 2. — S. 2–13.
3. Zrazhevskaya T. D. Metodologiya provedeniya predvaritel'noy ekspertizy konstitutsionno-pravovoy dissertatsii: opyt kafedry // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2009. — № 3. — S. 37–40.
4. Matskevich I. M. Povyshenie kachestva dissertatsionnykh rabot po yuridicheskim naukam: novye upravlencheskie resheniya, proekty innovatsionnoy modernizatsii i problemy ikh realizatsii // Yuridicheskaya tekhnika. — 2021. — № 15. — S. 25–30.
5. Yakushev A. N. Pokazateli nauchnykh rezultatov dissertatsiy, kriterii, tekhnologiya i pokazateli ikh otsenki v Rossii: normativnye probely deystvuyushchego Polozheniya // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. — 2014. — № 3. — S. 21–25.

Области реализации публичных функций искусственным интеллектом в России и мире

Аннотация. В статье исследуется феномен применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в сфере публичных правоотношений зарубежных стран, затрагиваются основные проблемы в правовом поле с точки зрения развертывания системы, касающиеся как обеспечения прозрачности принятия решения, так и недискриминационного характера проводимой алгоритмической обработки данных, и ее использования в отношении поднадзорного сегмента на базе принципов предиктивного преследования и оказания упреждающего комплекса государственных услуг гражданам. Рассматривается эффективность интеграции технологии в сферу публичных правоотношений и точность предлагаемых решений в выборке различных сегментов применения в контексте подотраслей административного права. По мнению автора, для реализации предложенных в статье конструкций интеграции ИИ в публичную сферу уже сейчас необходимо определение основных уровней допуска ИИ к информации в рамках контрольно-надзорной деятельности: выявление идентифицирующих признаков для разработчиков ИИ для целей органов власти с предоставлением расширенных преференций и санкций с учетом эффекта масштаба правоотношений; определение экспериментальных режимов для ряда правоотношений в целях тестирования ИИ в контексте предоставления прав и реализации системы административного надзора и преследования.

Ключевые слова: искусственный интеллект; электронное лицо; предиктивное право; публичные правовые науки; административное право; правоотношения; публичные правоотношения; баланс интересов; экспериментальные режимы; мониторинг; безопасность.

Для цитирования: Атабеков А. Р. Области реализации публичных функций искусственным интеллектом в России и мире // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 5. — С. 181–185. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.181-185.

Areas for Public Functions Implementation by Artificial Intelligence in Russia and the World

Atabek R. Atabekov, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, Institute of Law, RUDN University
ul. Miklukho-Maklaya, d. 6, Moscow, Russia, 117198
atabekov-ar@rudn.ru

Abstract. The paper examines the phenomenon of the use of artificial intelligence (AI) technologies in the field of public relations in foreign countries. It also touches upon the main problems in the legal field in terms of deploying

© Атабеков А. Р., 2023

* *Атабеков Атабек Рустамович*, кандидат экономических наук, доцент кафедры административного и финансового права Юридического института Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, Россия, 117198
atabekov-ar@rudn.ru

the system, concerning both ensuring the transparency of decision-making and the non-discriminatory nature of the ongoing algorithmic data processing, and its use in relation to the supervised segment based on the principles of predictive prosecution and the provision of a proactive set of public services to citizens. The effectiveness of technology integration into the sphere of public legal relations and the accuracy of the proposed solutions in a selection of various application segments in the context of sub-branches of administrative law are considered. According to the author, in order to implement the constructions of AI integration into the public sphere proposed in the paper, it is already necessary to determine the main levels of AI access to information in the framework of control and supervisory activities. These include finding identifying features for AI developers for the purposes of authorities with the provision of extended preferences and sanctions, taking into account scale effect of legal relations, determination of experimental regimes for a number of legal relations in order to test AI in the context of granting rights and implementing a system of administrative oversight and prosecution.

Keywords: artificial intelligence; electronic person; predictive law; public legal sciences; administrative law; legal relations; public relations; balance of interests; experimental modes; monitoring; security.

Cite as: Atabekov AR. Oblasti realizatsii publicnykh funktsiy iskusstvennym intellektom v Rossii i mire [Areas for Public Functions Implementation by Artificial Intelligence in Russia and the World]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(5):181-185. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.181-185. (In Russ., abstract in Eng.).

Вопрос развития искусственного интеллекта (ИИ) и его становления в обществе является одним из наиболее актуальных и значимых вопросов современности. Президент России неоднократно упоминал значимость указанной технологии для целей нашей страны¹. Научным сообществом на уровне соответствующих диссертационных исследований прорабатываются подходы в изучении природы ИИ².

Отдельно следует выделить позицию О. А. Ястребова, который отмечает необходимость выработки подходов к регулированию ИИ для целей публичных правоотношений³.

Говоря о национальных целях России в отношении ИИ, сто́ит отметить распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусствен-

ного интеллекта и робототехники на период до 2024 года»⁴. Данный документ определяет в том числе секторальный блок вопросов и потенциальные правовые вопросы, требующие решения в горизонте до 2024 г.

Вопрос внедрения ИИ в госсекторе возлагается на Национальный центр развития искусственного интеллекта⁵, который сопровождает национальный портал в сфере ИИ, выступающий «входной воронкой» по отбору технологических решений для государства, в том числе осуществляет экспертизу документов, регламентирующих деятельность ИИ, и ведение индекса готовности технологии в том числе для нужд органов власти. При этом выделить практически реализованные ИИ-проекты в сегменте органов власти на текущий момент представляется затруднительным.

¹ Президент принял участие в основной дискуссии международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2022 на тему «Технологии искусственного интеллекта для обеспечения экономического роста» // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69927> (дата обращения: 10.12.2022).

² Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.

³ Ястребов О. А., Аксенова М. А. Влияние искусственного интеллекта на административно-правовой режим противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: вопросы права // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 3. С. 84–109.

⁴ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74460628/> (дата обращения: 10.12.2022).

⁵ При Правительстве России начал работать Национальный центр развития искусственного интеллекта // URL: <http://government.ru/news/46479/> (дата обращения: 10.12.2022)

Рассматривая опыт зарубежных стран по интеграции ИИ в публичный сегмент правоотношений, нельзя не отметить, что уже сейчас возникает определенная специализация ряда сегментов, где ИИ показывает максимальную эффективность, а именно:

1. Комплаенс и верификация данных ИИ

В Аргентине для целей верификации данных потенциального получателя пенсионных начислений (в части объема взносов) используется ИИ «Лаура», которая синхронизирует данные получателя с единой базой данных ANSES⁶.

В Колумбии используется программа KBoot, которая решает проблему проведения проверочных процедур в отношении реализуемых продаж на электронных площадках без декларирования соответствующих доходов в рамках налогового законодательства⁷. Данный алгоритм сопоставлял данные конечных бенефициаров с данными, представленными на площадке (Instagram), и выявил более 2 тыс. человек, которые вели незадекларированную коммерческую деятельность, которую впоследствии перевели в правовое поле путем включения их в программу развития МСП⁸.

В Нидерландах была разработана система SyRI для выявления мошенничества в сфере социального обеспечения⁹. Однако алгоритм, используемый данным ИИ, не раскрывал исходный принцип анализа данных, и обоснован-

ность выданных рекомендаций была впоследствии оспорена в Гааге.

В Испании применяют ИИ VeriPol для выявления фактов подготовки фальшивых полицейских отчетов¹⁰, используя инструменты анализа и классификации человеческого языка, машинного обучения и т.д. В рамках указанной работы ИИ определил основные критерии, позволяющие идентифицировать фиктивные отчеты, представляемые полицейскими, а его эффективность в 2019 г. составила 80 % анализируемой выборки.

Алгоритм MiDAS, используемый Штатом Мичиган (США), столкнулся с аналогичной проблемой прозрачности функционирования системы и дискриминационным характером анализа выборки потенциальных получателей пособия по безработице¹¹. Данная система не давала однозначного ответа, почему тот или иной получатель средств не соответствует критериям. Кроме того, указанный алгоритм, по сути, был и первой, и последней инстанцией при принятии решения (оспаривать процедуру в рамках органа власти не представлялось возможным). Впоследствии данный алгоритм и его порядок работы были оспорены в суде.

2. Анализ большого массива данных

Одним из критичных сегментов для экономической стабильности страны является риск возникновения картельных сговоров. Для Бра-

⁶ AI for social good In Latin America and The Caribbean: The Regional Landscape and 12 Country Snapshots // URL: <https://publications.iadb.org/publications/english/document/Artificial-Intelligence-for-Social-Good-in-Latin-America-and-the-Caribbean-The-Regional-Landscape-and-12-Country-Snapshots.pdf> (дата обращения: 10.12.2022).

⁷ Tracking potential tax evaders on Instagram // OECD. URL: <https://oecd-opsi.org/innovations/tracking-potential-tax-evaders-on-instagram> (дата обращения: 10.12.2022).

⁸ Crecer Es Posible Puerto Colombia // URL: <https://www.camarabaq.org.co/crecer-es-posible-puerto-colombia/> (дата обращения: 10.12.2022).

⁹ SyRI legislation in breach of European Convention on Human Rights // URL: <https://www.rechtspraak.nl/Organisatie-en-contact/Organisatie/Rechtbanken/Rechtbank-Den-Haag/Nieuws/Paginas/SyRI-legislation-in-breach-of-European-Convention-on-Human-Rights.aspx> (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁰ Artificial intelligence tool used to catch people who lie to the police // URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2019/01/07/artificial-intelligence-tool-used-catch-people-lie-police/> (дата обращения: 10.12.2022).

¹¹ Michigan's MiDAS Unemployment System: Algorithm Alchemy Created Lead, Not Gold // URL: <https://spectrum.ieee.org/michigans-midas-unemployment-system-algorithm-alchemy-that-created-lead-not-gold#toggle-gdpr> (дата обращения: 10.12.2022) ; Cahoo v. SAS Analytics Inc. Nos. 18-1295/1296. URL: <https://casetext.com/case/cahoo-v-sas-analytics-inc> (дата обращения: 10.12.2022).

зилии в лице Административного совета по экономической защите¹² была определена необходимость внедрения усовершенствованной практики алгоритмического анализа рынка газа и его ценообразования¹³.

Эстония использует ИИ SATIKAS¹⁴ для проведения дистанционного контроля сельскохозяйственных угодий получателей субсидий. В рамках контрольной деятельности подразумевалась необходимость проведения выездных проверочных процедур с фотовидеофиксацией полей. С учетом ограниченного количества служащих и масштабного объема территорий данная работа велась до внедрения ИИ сегментарно и неэффективно (5 % от общего объема выборки)¹⁵. Впоследствии ИИ, используя снимки, поступающие со спутников, смог выдавать достоверное заключение об эффективности использования территорий и вложенных государственных средств.

3. Предиктивное реагирование ИИ

ИИ Лаура в Бразилии осуществляет дистанционный мониторинг пациентов с сепсисом и в случае отклонения показателей, считываемых телеметрией, отправляет выездную бригаду врачей на место дислокации пациента¹⁶. Указанная технология позволяет спасти 12 человек ежегодно в рамках сигнализируемых обязательств ИИ.

ИИ SAITA, который используется в Китае, является одной из наиболее интересных и прорывных технологий, которая влияет на все

составные элементы дорожного движения (выполняя функции регулятора дорожного движения)¹⁷. Данный регулятор также может отсекают нарушителя автомобильного потока, выписывать автоматически штрафы или осуществлять уголовное преследование нарушителя¹⁸.

Таким образом, замещение ряда функций, выполняемых госслужащими различных ведомств, с учетом развития ИИ технологий в указанных сегментах является неизбежной составляющей, требующей формализации прав и обязанностей всех участников, обеспечивающих процесс функционирования ИИ (в том числе в контексте его прозрачности, подотчетности и предсказуемости).

Для России опыт зарубежных стран может также показать необходимость выработки градуированного подхода в отношении информации, используемой ИИ для целей осуществления контрольно-надзорной деятельности. Важно обеспечить однозначность и прозрачность принятых ИИ решений. Кроме того, возможное частично автономное предиктивное преследование или предоставление позитивных прав позволит существенным образом преобразовать исполнительскую власть (с учетом опыта Бразилии и Китая).

Для реализации указанных конструкций интеграции ИИ в публичную сферу уже сейчас необходимо:

1. Определение основных уровней допуска ИИ к информации в рамках контрольно-надзорной деятельности.

¹² Administrative Council for Economic Defense — CADE // URL: <https://www.gov.br/cade/en/access-to-information/about-us> (дата обращения: 10.12.2022).

¹³ OECD (2019), «Using digital technologies to improve the design and enforcement of public policies», OECD Digital Economy Papers, No. 274, OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/99b9ba70-en> (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁴ European Association of Remote Sensing Companies Sentinels Benefits Study (SeBS). A Case Study Grassland Monitoring in Estonia (2021) // URL: https://earscl.org/sebs/wp-content/uploads/2021/05/Grassland-Monitoring-in-Estonia_vfinal.pdf (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁵ Misuraca G., van Noordt C. Overview of the use and impact of AI in public services in the EU. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2020.

¹⁶ URL: <https://www.laura-br.com/> (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁷ Solum L. B. Artificial meaning // Wash. L. Rev. 2014. Т. 89. P. 69.

¹⁸ China's Xi'an deploys AI-based intelligent traffic management system // URL: <https://enterpriseiotinsights.com/20200729/smart-cities/china-xian-deploys-ai-based-intelligent-traffic-management-system> (дата обращения: 10.12.2022) ; Big Data, AI help manage traffic in east China city // URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201812/27/WS5c24f1c7a310d91214051564.html> (дата обращения: 10.12.2022).

2. Выявление идентифицирующих признаков для разработчиков ИИ для целей органов власти с предоставлением расширенных преференций и санкций с учетом эффекта масштаба правоотношений.

3. Определение экспериментальных режимов для ряда правоотношений в целях тестирования ИИ в контексте предоставления прав и реализации системы административного надзора и преследования.

4. Разработка систем интерактивных систем мониторинга действий ИИ с учетом их надежности, безопасности и эффективности.

5. Выработка компенсирующих мероприятий со стороны госслужащих (людей — должностных лиц) в целях поддержания баланса интересов участников правоотношений при принятии ИИ решений, учитывающих соблюдение принципов прозрачности, достоверности, равноправия и недискриминационного режима.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2018. — 420 с.
2. Ястребов О. А., Аксенова М. А. Влияние искусственного интеллекта на административно-правовой режим противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: вопросы права // Правовая политика и правовая жизнь. — 2022. — № 3. — С. 84–109.
3. Solum L. B. Artificial meaning // Wash. L. Rev. — 2014. — Т. 89.

Материал поступил в редакцию 10 декабря 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Morkhat P. M. Pravosubektnost iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektualnoy sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis. ... d-ra jurid. nauk. — M., 2018. — 420 s.
2. Yastrebov O. A., Aksenova M. A. Vliyanie iskusstvennogo intellekta na administrativno-pravovoy rezhim protivodeystviya legalizatsii dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma: voprosy prava // Pravovaya politika i pravovaya zhizn. — 2022. — № 3. — S. 84–109.
3. Solum L. B. Artificial meaning // Wash. L. Rev. — 2014. — T. 89.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 18 № 5 (150) май 2023

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписной индекс: 11178.
Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002